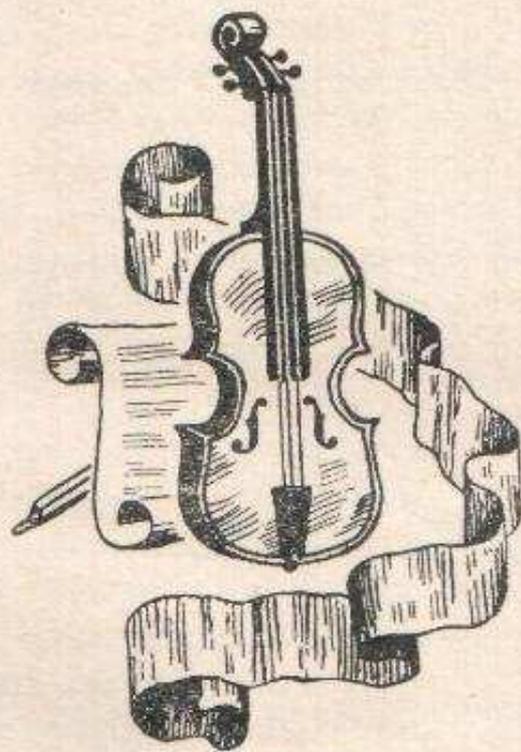

С. Н. САФАРЯН

СУЛТАН-БЕК
АБАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС» • НАЛЬЧИК • 1988

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Отец	5
Детство. Гимназические годы	16
В Петербурге	33
Возвращение. Первый успех	57
Семейные дела	71
Любимец публики	82
Учитель музыки	90
Личная трагедия	103
В кругу друзей и родных	113
Последние годы	131
Примечания	147
Перечень сокращений	153

ББК 85.313(2P37)
78.С.1.(С164)
С.217

78С1(С164) 85.313(2P-6C-5)
С.217

В книге рассказывается о жизни и деятельности уроженца Кабардино-Балкарии известного скрипача Султан-Бека Абаева (1845—1888), сыгравшего значительную роль в развитии музыкальной культуры на Северном Кавказе.

Редактор *О. Л. Опрышко*

Издание 2-е, дополненное, переработанное

С 4905000000-087 85-88
М 125(03)-88

ISBN 5-7680-0082-8

© Издательство «Эльбрус», 1988 г.

ОТ АВТОРА

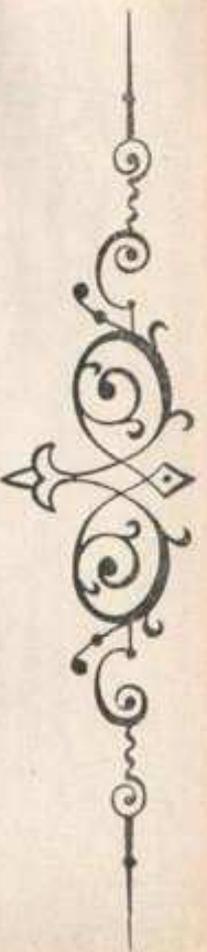
Исполнилось сто лет со дня смерти талантливого балкарского скрипача, ученика Генрика Венявского, Султан-Бека Абаева, в течение почти двух десятилетий приводившего в изумление жителей края своей виртуозной игрой на скрипке.

Необычна и удивительна его судьба. С кем только не приходилось встречаться Султан-Беку на своем недолгом жизненном пути: это были грузинский поэт и военачальник В. В. Орбелиани и русский деятель просвещения и писатель Я. М. Неверов; известный пианист и композитор, основатель первой отечественной консерватории А. Г. Рубинштейн, польский скрипач Генрик Венявский и молодой П. И. Чайковский, просветитель азербайджанского народа Гасан-Бек Зардаби и многие другие известные деятели культуры и истории России.

Успех, которым постоянно сопровождался выступления Абаева перед слушателями, и плодотворная музыкально-педагогическая деятельность нашли широкий отклик на страницах периодической печати тех лет, что позволяет и сейчас, через столь длительный промежуток времени, по достоинству оценить талант музыканта.

Султан-Бек Абаев оставил заметный след в музыкальной жизни Северного Кавказа, но этим не исчерпывается его вклад в историю культуры края. Своим примером он способствовал пробуждению в горских народах, особенно в среде своих земляков-балкарцев, потребности в культурном развитии, тяги к просвещению. Не случайно почти все те немногие балкарцы, которые первыми вступили в 60—70-х годах прошлого века на путь просвещения и добились в этом определенных успехов, были тем или иным образом связаны с Абаевым.

Со времени выхода в свет первой небольшой по объему

книги о Султан-Беке Абасе прошло четверть века! Выявлены новые, ранее неизвестные документы, позволившие полнее осветить его личную жизнь, во-новому интерпретировать некоторые эпизоды и факты из его биографии, а также выявить необходимые уточнения. Большое внимание в новой книге уделяется окружению Абаса.

Для большей доказательности излагаемых в книге событий на жинги С.-В. Абаса и его окружения в ней широко представлены документы, выданные автором в государственных архивах Ленинграда, Москвы, Нальчика, Орджоникидзе, Ставрополя и других городов страны. Автор выражает признательность сотрудникам указанных учреждений за помощь в работе.

ОТЕЦ

Голубые озера — излюбленное место туристов, посещающих Кабардино-Балкарию, — расположены в предгорье, неподалеку от реки Черек-Балкарский. Если продолжить путь далее вверх берегом реки, то путь выведет в живописное ущелье. Дорога местами идет по карнизу, высеченному в гранитных отвесных скалах, затем приводит в обширную Балкарскую котловину среди гор.

В середине прошлого века здесь насчитывалось до двух десятков балкарских аулов. Условия жизни их жителей были тяжелыми (недостаток пахотной земли, безлесье, суровые зимы). В те времена сюда не было дорог, они были проложены тут позже, лишь во второй половине XIX века, пройти через ущелье и окружающие долины горы было не так просто. В других ущельях по верховьям рек Череха-Худамского, Черема и Баксана находились еще четыре группы поселений — обществ, как писал в официальных бумагах вплоть до Октябрьской революции. По Череху-Худамскому образовались Безенгневское и Худамское общества, по Черему — Черемское и по Баксану — Урусбиевское. Однако ядром Балкарии продолжала оставаться эта небольшая котловина в горах в Черекском ущелье. Здесь проживала и значительная часть балкарского населения (1)*.

Общества управлялись таубиями (горскими князьями). Ранее во главе всего народа стоял один, старейший и наиболее почетный из таубиев. Особую известность среди оленя приобрел Сослан Абасев, деятельность которого на основе устной традиции интересно и подробно описана Мисестом Абасевым в его историческом очерке «Балкариня»¹. Цитадель Сослана Абасева — мощная

* См. примечания в конце книги.

¹ Абасев М. К. Балкариня. — См.: Азаматов К. Г., Хугуев Х. Н. Мисест Абасев. Нальчик, 1980, с. 91—126.

Карта Балкарии середины XIX в.
(упрощенном обозначении горь)

Башня предположительно находилась в ауле Шканти. Она не сохранилась. Абаева имели еще несколько родовых башен. Две из них уцелели до нашего времени и теперь еще привлекают внимание туристов, проходящих вверх по течению р. Черек-Балкарский мимо некоего большого поселения Кунином (ныне покинутого), неподдалку от нынешнего селения Верхняя Балкария. С этими местами, в точности ныне покинутым аулом Шканти, связаны имена ставных представителей балкарского народа — Асламбека, Султан-Бека, Хашифы и Мисога Абаевых, которым суждено было, каждому по-своему, внести существенный вклад в развитие его культуры.

В 1822 году отец будущего скрипача Султан-Бека Асламбек Абаев, как сын вынужденного тавбия, девятилетним мальчиком был отправлен в Георгиевск — город-крепость на Кавказской линии, для содержания там в качестве аманата (заложника). Помимо него, в Георгиевской крепости на начало 1823 года содержались еще шестеро сыновей балкарских тавбиев, по одному от

каждой из наиболее выигранных фамилий: Абаевых, Айдубуловых, Мисаковых, Шахмановых, Сушиевых, Балкаркуловых и Урусбиевых. Благодаря усилиям командующего Кавказской линией, пожелавшего, чтобы аманаты горских народов, находившиеся в Георгиевской крепости, были обучены «российской грамоте и другим первоначальным наукам» в местном приходском училище, дети балкарских «владельцев: Асламбек Абаев, Жангот Айдибеков, Кургоко Муисаков, Кургоко [Урусиев], Келемет Балгаруков, Муса Шихманов и Шамахо Сутишев»², по-видимому, стали первыми балкарцами, которым представлялась возможность учиться в русской школе. Для тогдашней Балкарии этот небольшой эпизод в ее истории имел немаловажное значение. Ведь в те годы среди балкарцев не было хотя бы мало-мальски европеизированных людей. Таким образом, желание русского командования облегчить себе задачу управления краем путем обучения горцев русской грамоте и первоначальным наукам одновременно содействовало культурному развитию горских народов, поскольку появилась возможность приобщения их к русской культуре.

Сыну «бугтарского владельца» Кануко Абаева, Асламбеку, учиться пришлось недолго. Уже в марте 1824 года по распоряжению командующего Кавказской линией в Георгиевскую крепость были препровождены новые аманаты: Аслан Абаев и Умар Мисаков, заменившие соответственно — Асламбека Абаева и Кургоко Мисакова.

В 1834 году в числе двадцати горцев, определенных оруженосцами в лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон, туда был зачислен и Асламбек. Этому предшествовал тщательный отбор. Как видно из отношения штаба войск Кавказской линии и Черноморья к начальнику Центра Кавказской линии, оруженосцы должны были «быть из первостепенных уделен, особенно уважаемых в народе, ... красивой и стройной наружности, иметь лучших черкесских темногрудых лошадей и быть вооруженным, по их обыкновению, в полной исправности...»³. Такие требования были не случайны, ведь полускадрон был составной частью императорского конвоя.

Основную часть полускадрона составляли оруженосцы. Срок их службы в полускадроне был четырехлетний, после чего, при успешной сдаче экзаменов, они провозводились в низший офицерский чин. Каждые два года полускадрон наполнялся обновлялся. На смену отслужившим положенный срок прибывали другие. В одной из таких смен и оказался Асламбек Абаев. Эта смена в составе 3 юнкеров и 20 оруженосцев прибыла в Петербург в

² ГАРК, ф. 15, оп. 1, д. 76, л. 2.

³ ИГА КВАССР, ф. 16, оп. 1, д. 32, л. 1.

конце декабря 1834 года. Служба оруженосцев в полужескадроне была нелегкой. Жалование они получали небольшое и, как правило, нуждалась.

Организация в 1828 году лейб-гвардии Кавказского горского полужескадрона сыграла известную поджигательную роль в истории горских народов Кавказа. В первые годы существования полужескадрона поступившие на службу горцы за редким исключением были неграмотны. В Петербурге для них было организовано обучение русскому и татарскому языкам. Овладев русским языком и получив возможность свободного общения в условиях столицы, горцы очень скоро осознали полезность и необходимость образования и потому обратились к командованию с просьбой об определении их детей и родственников в русские учебные заведения. Эта просьба была удовлетворена. По свидетельству С. Петина, с 1830 по 1840 год в учебных заведениях столицы обучались 315 детей горцев⁴. Четырехлетнее пребывание в Петербурге не могло не оказать благотворного воздействия на духовное развитие молодых горцев, служивших в полужескадроне. Наиболее способные из них впоследствии, по окончании службы в лейб-гвардии Кавказского горском полужескадроне, сыграли видную роль в культурном развитии горских народов Северного Кавказа. В раннее время прошли службу в полужескадроне кабардинский просветитель Шора Бекмурзювич Нормов, Хан-Гирей, Казн-Гирей и другие известные деятели культуры Северного Кавказа.

В формировании мировоззрения Асламбека Абаева во время его пребывания в Петербурге большую роль сыграло «особое покровительство генерала Лъвова»⁵, бывшего в то время управляющим делами лейб-гвардии Кавказского горского полужескадрона. А. Ф. Лъвов (1798—1870) был высокообразованным и культурным человеком. Окончив с отличием институт путей сообщения, он ряд лет служил по специальности на строительстве военных сооружений, но в 1825 году по предложению Бенкендорфа ставился его адъютантом, а затем управляющим делами лейб-гвардии Кавказского горского полужескадрона. Однако служба в царском конвое была не главным делом его жизни, принесшим ему широкую известность. Лъвов был страстный любитель музыки. С малых лет он научился играть на скрипке и позднее блестяще выступал в концертах в Берлине, Лейпциге и Париже. Роберт Шуман писал после одного из концертов Лъвова о его игре: «...если в России играют на скрипке так, как играет г. Лъвов, то всем нам следует ехать в Россию не учиться, а учиться...» Лъвов настолько

замечательный и редкий исполнитель, что его можно поставить наряду с первоклассными артистами»⁶. В. В. Стасов в рецензии с оценкой творческой деятельности Лъвова писал, что имя его «так давно и так справедливо знаменито везде, где серьезно занимаются настоящим музыкант, и который первый подумал у нас о возможности создания таких концертов...»⁷.

Надо полагать, что особое покровительство такой личности, какой был А. Ф. Лъвов, не могло не повлиять на мировоззрение молодого горца. О правдивости такого предположения красноречиво свидетельствует дальнейшая жизнь Асламбека Абаева. Чем же могло быть вызвано такое отношение известного музыканта к одному из многих оруженосцев Кавказского горского полужескадрона? Видимо, Асламбек был безразличен к музыке, обладал хорошим музыкальным слухом и получал истинное наслаждение от игры на скрипке своего покровителя. Иначе ни о каком «особом покровительстве» не могло быть и речи. Играл ли на скрипке сам Асламбек? На этот вопрос трудно ответить, но одно можно сказать уверенно, что любовь его к этому музыкальному инструменту осталась навсегда. Не здесь ли истоки таланта его сына Султан-Бека?

В 1837 году, на третьем году службы, Асламбеку Абаеву повезло побывать в родных краях. Лейб-гвардии Кавказского горский полужескадрон, в котором он служил, походным порядком проследовал от Петербурга до Владикавказа для встречи там и дальнейшего сопровождения в Ставрополе царя Николая I, возвращавшегося из поездки по Закавказью.

В Ставрополе царю были представлены горские князья

А. Ф. Лъвов, скрипач, музыкальный деятель, композитор

⁴ Петин С. Сокровищница его императорского величества конной. СПб., 1911, с. 63.

⁵ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, л. 547, л. 1.

⁶ А. Ф. Лъвов, СПб., 1883, с. 16—17.
⁷ Стасов В. В. Избр. соч. в 3-х т. М., 1952, т. 1, с. 25.

и депутации от разных народов. В этот же день, 18 октября, Николай I присутствовал на акте открытия первой на Северном Кавказе гимназии, которой суждено будет в дальнейшем, в продолжение нескольких десятилетий, играть ведущую роль в просвещении горских народов края.

Не остался без внимания и лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон: пять юнкеров были произведены в корнеты, а восемь оруженосцев в юнкера, в числе последних был и Асламбек Абаев. Пошел последний год его службы.

В сентябре 1838 года Асламбек был произведен в корнеты по кавалерии и отправлен на Кавказ для продолжения службы в составе горской милиции при Отдельном Кавказском корпусе. Здесь он награждается серебряной медалью и орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Эти награды свидетельствовали о личных качествах Асламбека, которого отличали, по видимому, храбрость и бесстрашие в бою. Несмотря на это, дальнейшая военная служба не прельщала Асламбека Абаева. Прослужив еще несколько лет, он в 1846 году навсегда оставляет ее и уезжает в свой родной аул Шканти.

Скорее всего, Асламбек уединился в своем «имении» по семейным обстоятельствам. Незадолго до этого он женился на дочери Аслана Суишева из Безенги — Фатиме. В 1845 году у них рождается сын, которому дали имя Султан-Бек. Казалось, все складывается как нельзя лучше. Но счастливой и спокойной жизни не суждено было видеть Асламбеку Абаеву. Причиной тому были непредвиденные обстоятельства, которые вскоре обернутся для него большими неприятностями. Одно из них было связано с давнишней историей.

В самом начале XIX века, когда соседние горцы угнали у балкарцев 500 баранов, балкарцы в ответ захватили сванского князя Хусия Гелиани и его сына. Потом, убедившись, что князь невиновен, отпустили его, дав ему в порядке извинения 100 коз. Сын же его к этому времени умер от чумы, свирепствовавшей тогда в Балкарии. Гелиани не поверил этому, считая, что сын был продан в рабство или убит, и потребовал «платы за кровь». Согласно законам адата, балкарцам велено было представить свидетелей, и они представили восемь почетных стариков, которые присягнули, что сын Хусия Гелиани умер, и на этом конфликт вроде был исчерпан. Затем в продолжение длительного времени соседи жили мирно. Но вдруг, лет двадцать спустя после случившегося, когда отцы Асламбека и Кучука Абаевых и Мисаков поехали в Сванетию для свидания со своими родственниками князьями Голдебхадзе, Хусия Гелиани неожиданно арестовал их там и вновь потребовал платы за кровь сына своего. Родственникам потерпевших — Бассиату и Циоху Голдебхадзе — пришлось

отдать за освобождение Абаевых и Мисакова четырех своих крестьян. После этого прошло еще четверть века, как вдруг Голдебхадзе вспомнили о понесенных когда-то ими убытках и стали требовать от своих родственников, теперь уже непосредственно от Асламбека и Кучука Абаевых и Мисакова, возмещения стоимости четырех крестьян. В связи с этим они обратились к властям. В жалобе на Абаевых и Мисакова от 20 декабря 1850 года, поданной начальнику Центра Кавказской линии, Голдебхадзе пишут, что проходит много времени, а они «не удовлетворяют их четырьмя душами крестьян, взятыми... за выкуп тех князей Голдебхадзевыми за многими их просьбами...»⁸.

Приглашенные по этому делу медиаторы решили: балкарцам выплатить 1000 рублей, а Голдебхадзевым вернуть угнанный ранее скот.

Однако этим инцидент не был исчерпан. Абаевы и Мисаков не согласились с решением медиаторов, вероятно, из-за того, что полвека тому назад уже была установлена невинность предков Абаевых в смерти сына грузинского князя. Дело приняло широкую огласку и вызвало всеобщее недовольство среди балкарского населения, которое решило сообща обратиться по делу к властям. Обращение начиналось следующими словами: «Начальнику Центра от балкарского народа поклон. Весь народ просит допустить их говорить с вашим сиятельством по делу о претензии сванетских князей Циоха и Бассиата Голдебхадзевых на старшин Асламбека и Кучука Абаевых и Кучука Мисакова...» Далее в документе подробно излагается история этого дела. Однако письмо не возымело действия. Решение начальства было однозначным: «Абаевым заплатить тех крестьян без всяких медлений, в противном случае с каждого сверх должных Голдебхадзевым взыщется»⁹. Такое решение было для Асламбека Абаева неожиданным и тяжелым ударом. Пенсия, которую он получал после увольнения со службы в армейской кавалерии, составляла всего 167 рублей в год. Пришлось продавать скот и занимать деньги. Но и эта беспокоившая в продолжение ряда лет неприятная история, доставшаяся ему от предков, не была последней. Еще немало хлопот доставят ему родные, в особенности упомянутый Кучук Абаев. В октябре 1857 года он то ли по недоразумению, то ли по злему умыслу, направляясь в Георгиевск, взял себе в попутчики еще трех, притом вооруженных, горцев. Двигаясь к Георгиевску по р. Этока, они при прохождении Кисловодского кордона были арестованы на том основании, что все четверо были вооружены, хотя существовал официальный запрет на пошение

⁸ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 169.

⁹ Там же, д. 3, л. 97, 100.

огнестрельного оружия. Он не распространялся лишь на офицеров, но никто из арестованных не имел такого чина. Нарушители запрета жестоко наказывались. Понимая опасность положения, в которое попали горцы, новый начальник Кабардинского округа князь В. В. Орбелиани, пославший Абаева в Георгиевск, тотчас же обратился к начальнику Кисловодского кордона с просьбой передать ему арестованных, но тот отказался выдать их, мотивируя тем, что горцы были при оружии, вопреки запрету. Не помогло и последующее разъяснение, направленное им начальнику кордона, в нем, в частности, Орбелиани сообщал, что «таубий Кучук Абаев уволен был мной в Георгиевск с оружием на том основании, что он из Георгиевска должен был ехать во Владикавказ, как и пояснено было в выданном ему билете № 163, не выезжая домой...»¹⁰. Дело принимало серьезный оборот: в феврале уже следующего года содержащиеся до этого в Георгиевской крепости балкарцы были переведены в Екатериноградскую «на дальнейшее распоряжение командующего войсками левого крыла Кавказской линии».

Дело об аресте Кучука Абаева и сопровождавших его лиц затянулось на несколько лет, до 1862 года включительно, и все это время они находились под арестом. Что было далее, из материалов дела неясно, возможно, в 1862 году Кучук был наконец освобожден. Во всяком случае, в литературе имеется упоминание о том, что в 1865 году Кучук Абаев, собираясь переселиться в Турцию, продал свое имущество, но внезапно скончался¹¹.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что все эти тяжелые для Абаевых годы Асламбек делал все возможное, чтобы облегчить участь Кучука и его семьи.

Несмотря на превратности судьбы и материальные затруднения, Асламбек Абаев не пал духом. Более того, он еще острее чувствовал невзгоды, выпадавшие на долю его земляков, продолжавших жить по старым законам предков в условиях крайней бедности.

Асламбек Абаев принадлежал к числу тех немногих передовых горцев Северного Кавказа, которые связывали благополучие народа, его дальнейшее развитие с ростом просвещения и культуры родного края. Передовых взглядов придерживался Асламбек Абаев и в вопросах женского образования. Он первый из горцев осмелился порвать с вековыми традициями и обратился в 1861 году с ходатайством о принятии его дочерей Ханифы и Пашахан в светское учебное заведение. Тогдашний начальник Кабардинского округа генерал-майор князь Орбелиани в письме

к вышестоящему начальству, объясняя этот необычный для того времени поступок Асламбека Абаева, одновременно сообщает чрезвычайно ценную информацию, касающуюся периода жизни последнего в Петербурге и влияния, оказанного на его мировоззрение А. Ф. Львовым. Орбелиани пишет, что Абаев в бытность в Петербурге «был под особым покровительством генерала Львова и, имея постоянные столкновения с людьми образованными, усвоил себе убеждение, что воспитание женщины в общежитии так же необходимо, как и воспитание мужчин». В этом же письме Орбелиани ходатайствует об удовлетворении просьбы Асламбека Абаева «в том внимании, что примеру Абаева, пренебрегшего фанатическим убеждением своих единоверцев-магометан и законными предрассудками кавказских горцев, считающих женщину без права на образование и без голоса даже в семействе, может быть, последуют и некоторые другие жители-магометане кавказских племен, и, таким образом, шаг, сделанный Абаевым, будет иметь благотворное влияние на магометанский мир здешнего края. Дело я это считаю столь важным, что не могу не выразить желание, чтобы разрешение на определение этих юных магометанок в заведение последовало по возможности в непродолжительное время...»¹².

Будучи уверен в положительном решении вопроса о зачислении, Орбелиани предлагает Асламбеку Абаеву немедленно доставить своих детей в Нальчик для помещения их в местную женскую школу учиться русской грамоте. Желание Асламбека было настолько неожиданным и необычным для того времени, что даже крайне слабое состояние женского образования на Кавказе и трудности поступления в женские учебные заведения не послужили препятствием для быстрого и положительного решения вопроса. Вскоре в Нальчик пришло официальное разрешение на определение дочерей Абаева в Тифлис в заведение св. Нины. Когда Асламбеку Абаеву сообщили об этом, «он обязался, — как это видно из отношения начальника Кабардинского округа, — тотчас же привезти их в Нальчик, но между тем привез только младшую дочь Ханифу, а старшую отдавать в заведение уже раздумал, потому что жена его не решилась с нею расстаться. В это самое время явились ко мне родственники умершего балкарского таубия подпоручика Умара Шакманова и просили моего ходатайства о зачислении в заведение св. Нины шестилетней дочери его Хуже. В настоящее время обе девочки, дочери корнета Абаева Ханифа и подпоручика Шакманова Хуже [Фуза] привезены в Нальчик и находятся в доме священника... Благоправова, жена которого приняла на себя обязанность приучить этих девочек хоть немного

¹⁰ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 905, л. 4.

¹¹ Азаматов К. Г., Хутусев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980, с. 6.

¹² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 547, л. 1.

к русскому языку и потом в половине мая обещала сама доставить их в Тифлис...»¹³.

Ходатайство Орбелиани было удовлетворено. Вскоре Ханифа Абаева и Фуза Шакманова были зачислены в заведение св. Нины. Выбор Фузы Шакмановой на место, предназначенное для Пашахан, вероятно, произошел не без участия Асламбека Абаева. Семья Абаевых и Мамышевых, откуда была родом мать Фузы, Налмаз, находилась в дружественных и родственных отношениях (одна из сестер Мамышева была замужем за братом Асламбека Мурзбеком).

Заведение, куда были зачислены девочки, согласно уставу женского благотворительного общества, предназначалось «для воспитания и необходимого образования дочерей недостаточных родителей, преимущественно из [кавказских] дворян», а также «с целью образовать добрых жен и хороших матерей, проникнутых истинным пониманием своих обязанностей и христианской любви к ближним». Программа обучения в нем была рассчитана на шесть лет, по завершению которой лучшие из учениц могли продолжить образование в дополнительном, педагогическом классе.

Обращаясь с просьбой о зачислении дочерей в какое-нибудь учебное заведение, Абаев, вероятно, имел в виду, что их поместят в училище св. Александры в Ставрополе. В ходатайстве Орбелиани упоминаются два женских учебных заведения: св. Александры и св. Нины. При обоих были пансионы. Но дело в том, что в Ставрополе уже несколько лет учился в тамошней гимназии его старший сын Султан-Бек. Вполне возможно, что в ставропольское училище родители отправили бы учиться обеих дочерей. Как бы то ни было, важный шаг на пути приобщения горянок к образованию был сделан. Через год Асламбек Абаев удивит своих земляков еще одним поступком: поддержит сына в его решении покинуть гимназию ради того, чтобы учиться игре на скрипке — еще одно свидетельство влияния, оказанного А. Ф. Львовым на Асламбека во время его службы в Петербурге.

На закате своих дней Асламбек Абаев сделает еще один шаг, имевший немаловажное значение для дальнейших судеб балкарского народа: он, представитель самого влиятельного рода в Балкарии, оставит родные горы и переселится с семьей в аул Кошерово (ныне Кенже), расположенный неподалеку от Нальчика, подчеркивая тем самым, что будущее балкарского народа — в сближении с Россией, с ее народом, в приобщении его к русской культуре.

Этому переселению он придавал большое значение, рассматривая его шире, чем дело одной семьи, о чем свидетельствует и эта

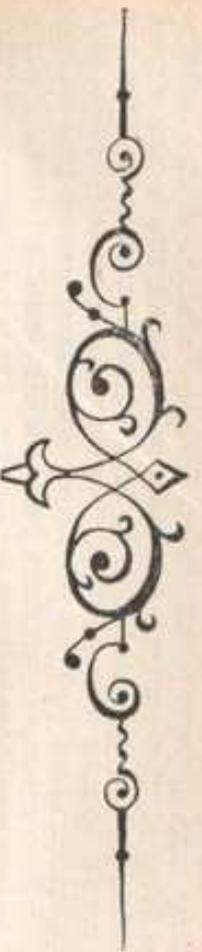
¹³ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 547, л. 8.

выдержка из его прошения на имя начальника Кабардинского округа: «...наконец на долю мою пал жребий, что я уже самый последний отрасль из горских этих владельцев должен был для общего блага и будучи окончательно приверженцем русскому престолу, оставляя уже старожилых домочадцев, из гор переселился с семьей своею на плоскость Большой Кабарды...»¹⁴

Поступок Абаева способствовал переселению части балкарцев на новые места в предгорьях Кабардино-Балкарии как только им были выделены там земли, в результате чего образовались новые балкарские поселения, а некоторые из аулов в горах были покинуты.

Таков был отец Султан-Бека, беспокоившийся об общем благе, о судьбе своего народа.

¹⁴ Там же, д. 171, л. 1.

ДЕТСТВО. ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Раннее детство Султан-Бек провел в небольшом ауле Шканты, расположенном в верховьях р. Черек в Балкарии в родовом имении (2) — небольшом клочке земли, на котором высились боевые башни, построенные его предками еще в давние времена для защиты от врагов. Наверное, любил он взбираться на эти башни. Отсюда лучше были видны окрестности Шканты. Прямо напротив аула, по ту сторону Череха, виднелся Куинном. Там тоже жили родичи, таубин из рода Абаевых. Отсюда, из Шканты, круто вверх шла тропа на перевал, отделяющий р. Черек от р. Рывашки. С него открывался великолепный вид на всю Балкарскую котловину с аулами, прилепившимися к крутым склонам облетающих ее со всех сторон гор, со сверкающими на солнце крутыми скакалошинами с них в Черек небольшими прозрачными горными речками и ручейками. В живописном месте находилась и сама аул Шканты, на склоне одного из отрогов покрытой вечными снегами вершины горы Тюльчи. Описывая окрестности Шканты, один из путешественников, побывавший здесь в самом начале 90-х годов прошлого века, отмечает, что он расположен «на уступе, с которого в давню прошедшие времена ледник Череха, протискиваясь в очень узком ущелье из гранитных скал, падал каскадом в Балкарскую долину. Вверху над аулом, на высоте 4000 футов, находится прекрасно сохранившиеся от этого ледника так называемые бараньи лабы, а на самом краю уступа стоит огромный разрыв валун, на котором кем-то, очевидно в глубокою старину, для чего-то сооружена небольшая башенка такого типа, по которому вообще строились на Кавказе в древности на скалах башни, теперь стоящие в запустении». Башни, о которой упоминает путешественник, сохранились до наших дней. Она принадлежала Амирхановым.

Рядом с отцовским «имением», по-соседству, с одной стороны размещалась семья дяди Касулата с братьями, а по другую сторону — дяди Кулука Мисакова, он тоже приходился родственником Абаевым (3). Много повздал старый Кучук на своем веку, не раз поплыл в разные истории. Ему было что рассказать Султан-Беку о жизни его предков.

Аула Шканты давно уже нет. На этом месте теперь цветут сады, и ничто не напоминает путнику о том, что еще не так давно здесь бурлила жизнь. Жители Шканты нервными обратили внимание на музыкальные дарованье Султан-Бека. Особенно запомнился им случай, который произошел после одной из поездок Асламбека Абаева в Нальчик вместе с сыном. В Нальчике они слышали игру на скрипке одного офицера. Музыка так поразила воображение маленького Султан-Бека, что по возвращении он сам смастерил некое подобие скрипки и начал «играть» на ней.

Музыкальные способности Султан-Бека заметили окружающие. Асламбек, не раз слушавший выдающихся скрипачей в бытность свою в Петербурге, в том числе такого известного мастера, как А. Ф. Львов, сумел по достоинству оценить дарование сына, купил ему настоящую скрипку, на которой тот вскоре без труда стал воспроизводить однажды услышанные им мелодии. Мотива о таланте Султан-Бека распространяется далеко за пределами родного аула, но никто в то время не мог и подумать о каком-либо специальном образовании для него, тем более, что в России тогда еще не было музыкальных училищ.

В 1851 году, когда Султан-Беку исполнилось шесть лет, отец решает отправить сына учиться в Петербург, возможно надеясь, что там у него будут условия для развития музыкального дарования. Да и вообще он был сторонником образования. В те годы небольшая часть горцев имела возможность обучаться в кадетских корпусах в Петербурге. Один из родственников Абаевых, Бек-Муруза Абаев, сын Ченего, уже учился там в Александровском кадетском корпусе. Сохранились несколько его писем к родным, по которым можно судить, что в 1851 году Асламбеком Абаевым предпринимались шаги для определения своего сына в этот корпус. Вот одно из таких писем, датированное 2 апреля 1851 года:

«Любезные родители! Здоровы ли вы? Здоровы ли братья и сестрицы мои? Скоро ли придет ко мне Солтан-Бек. Я, слава богу, здоров. Учиться стараюсь, поведением кажется довольны. Я уже читаю по-французски и по-немецки, а по-французски могу немного говорить.

1130402

Прошу также поклониться всем знакомым. Прощайте любезные родители.

Покорный сын ваш Бек-Мурза Абаев².

Вопрос Бек-Мурзы «скоро ли придет Султан-Бек» свидетельствует о том, что ему к этому времени уже было известно из писем родителей о его возможном приезде в Петербург.

Несмотря на возможность, представлявшую русским властям горцам, помещение детей на казенный счет в военно-учебные заведения столицы было делом довольно сложным, прежде всего из-за ограниченного числа вакансий в них для детей горцев. Лишь в 1853 году у Абаевых появилась надежда на зачисление Султан-Бека в кадетский корпус. Как видно из архивных документов, в январе 1853 года начальнику Центра Кавказской линии, распостыгавшемуся в крепости Нальчик, был представлен «Именной список балкарского племени мальчишкам, назначенным в Петербургские учебные заведения», в который были внесены фамилии Султан-Бека Абаева — 8 лет, Тенгиза Беканова — 10 лет и Кюстава Джангозова — 9 лет³. В другом списке, подготовленном уже самим Центром Кавказской линии для представления командующему войсками, датированном февралем и включавшем шесть кандидатов от разных народов (кабардинцев, балкарцев и карачаевцев), имена Султан-Бека Абаева и Кургоко Атажукина дописаны карандашом; по-видимому, они были внесены в основной список в последний момент, перед отправкой документа, о чем свидетельствует и надпись, сделанная карандашом перед их фамилиями: «доставлены еще». Не дожидаясь ответа командующего войсками, начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин начал готовить вновь прибывших детей к отправке в Петербург. 9 марта он направляет их к штабному декарю для освидетельствования со следующим письмом: «Препровождая при сем к вашему высокоблагородию двух мальчиков из горцев Султан-Бека Абаева и Кургоко Атажукина, имею честь покорнейше просить освидетельствовать их в присутствии военного начальника крепости Нальчикской на тот предмет, не имеют ли каких недостатков на основании законов для поступления в военно-учебные заведения, медийское свидетельство не оставить прислать ко мне...»⁴ Казалось, все уже решено и надо готовиться в дальнюю дорогу. Сколько, наверное, было пережито Султан-Беком и его родителями, отправляющимися малолетнего сына в Петербург! Но переживания были напрасными: поезда не состоялась. Как сообщила командующий войсками генералу Грамотину: «По полученным от начальства военно-учебных заве-

дений сведениям, в настоящее время недостаточно вакансий для замещения детей почетных горцев, поэтому и изъявившие желание из вверенного вам управления не все могут быть отправлены...»⁵, в связи с чем он предложил сократить число кандидатов, что и было сделано. Из балкарцев в Петербург был отправлен лишь один Тенгиз Беканов, как старший по возрасту.

Кто знает, как сложилась бы жизнь Султан-Бека Абаева, по-падая он тогда в Петербург?

В 1854 году Султан-Бек зачисляется в Кабардинскую школу, открытую всего несколькими годами ранее в Нальчике. Основным учителем в этой школе был выпускник Петербургского технологического института Н. М. Третиков. Школа была учреждена на счет Кабардинской общественной суммы (4). Она была небольшой. Число воспитанников в первые годы ее существования ограничивалось 25 учениками. Помимо кабардинцев и балкарцев здесь обучались и дети других горских народов: осетины, карачаевцы, сваны. В эти годы в школе было только два преподавателя: Третиков, обучавший русскому языку, арифметике и другим предметам, и учитель арабского языка. Основное назначение школы: дать учащимся начальное образование и подготовить наиболее способных из них к поступлению в военно-учебные заведения или в Ставропольскую губернскую гимназию. Возрастной состав школы был крайне разнообразным для начальной школы. Так, например, в 1856 году здесь обучались дети от 9 до 17 лет. Так как время обучения, по-видимому, не лимитировалось, некоторые ученики посещали ее по многу лет.

В Кабардинской школе Султан-Бек Абаев был одним из лучших учеников. Учеба давалась ему легко, а свободное от занятий время он отдавал своему любимому увлечению — игре на скрипке. Кроме того, в Нальчике нередко можно было послушать классическую музыку в исполнении местных любителей.

Нальчик середины прошлого века представлял собой небольшую слободу при крепости с населением около двух тысяч жителей. С 1854 года он стал центром вновь образованного Кабардинского округа, включавшего почти всю внешнюю территорию Кабардино-Балкарии. С этого времени жизнь в Нальчике несколько оживилась, появилась своя, хотя и небольшая культурная прослойка, в основном из офицерских чинов и их семей. Среди них несомненно были и любители музыки. Игра на скрипке балкарского мальчика из местной школы не могла оставить равнодушными нальчан. Среди немногих, неплохо разбиравшихся в музыке, был сам начальник округа Вахтанг Вахтангович Орбелиани, который не только восторгался талантом Султан-Бека, но и в продолжение

² ЦГА КВАСР. Ф. 31, оп. 1, л. 3, л. 16.

³ ЦГА КВАСР. Ф. 16, оп. 1, л. 1294, л. 7 об.

⁴ Там же, л. 16.

⁵ Там же, л. 18.

В. В. Орбелиани,
начальник Кабардинского округа,
грузинский поэт.

ряда лет активно содействовал его музыкальному образованию.

Князь Орбелиани был незаурядным человеком. Он происходил из знатной семьи (приходился племянником последнего грузинского царя Ираклия II), некоторое время учился в Нахском корпусе в Петербурге, по возвращении в Грузию стал активным участником дворянского заговора 1832 года, имевшего целью освобождение Грузии из-под власти царского самодержавия. Заговор был раскрыт, а Орбелиани приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Калугу. В 1837 году он был амнистирован. С 1838 года Орбелиани на военной службе. За боевые заслуги в 1854 году произведен в полковники, а в 1860 — генерал-майоры. Но не заслугами на поле брани остался он в памяти потомков, а прежде всего благодаря поэтическому дарованию. Вахтанг Орбелиани со временем станет одним из известных грузинских поэтов-романтиков XIX века. Его поэзия позволяет судить о нем, как о человеке, тонко чувствующем прекрасное, раскрывает прелесть его натуры.

В. В. Орбелиани не мог не обратить внимания на музыкальное дарование Султан-Бека и, более того, не мог быть безучастным к его дальнейшей судьбе. Надо полагать, что Асламбек Абаев с сыном были нередкими гостями в доме Орбелиани, тем более, что в маленькой слободе чистого дня, с которыми мог общаться начальник округа, было наперечет. Здесь в уютом кругу почтителей музыки впервые по-настоящему было оценено дарование маленького горца.

Среди семей, в которых Султан-Бек бывал и часто пользовался их гостеприимством в нальчикском период его жизни, мне всякого сомнения, была семья Мамышевых, с которыми у Абаевых с некоторой пор установилась дружеские и даже родственные отношения. Глава этого семейства сотник Марк Мамышев (он же

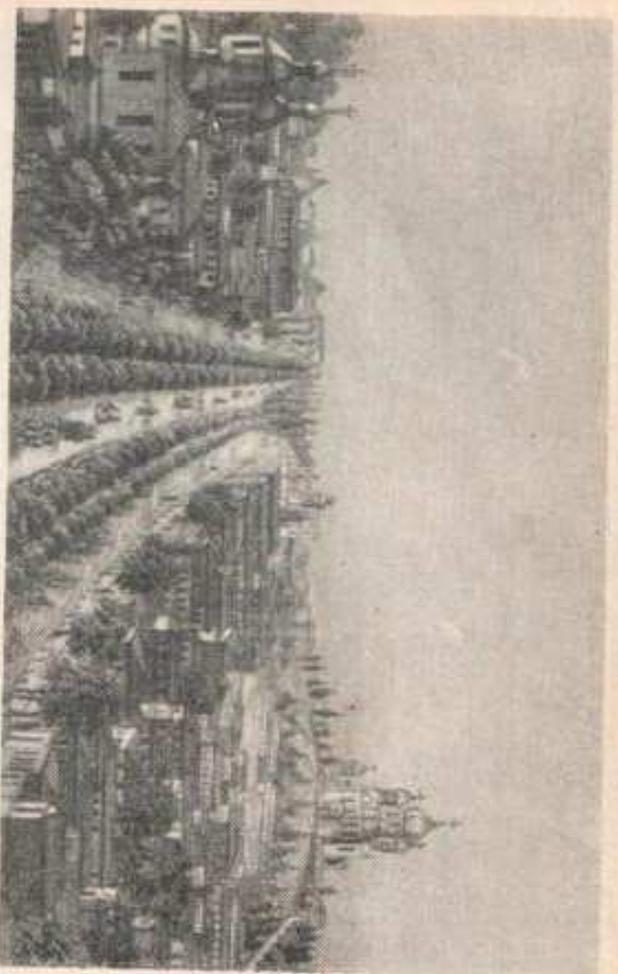
Афанасьев) из балкараев, уроженец Черема, много лет проживший в России, перешедший в христианскую веру и женившийся на русской девушке, давно обосновался среди русских в Налычке, где имел собственный дом. О близости отношений Асламбека Абаева и Марка Мамышева свидетельствует ряд сохранившихся до наших дней документов. Эта близость, по-видимому, была обусловлена общими взглядами на роль русского народа и русской культуры для судьбы балкарского народа. Мамышев был одним из тех немногих балкарцев, у которого Асламбек Абаев мог найти поддержку в своих прогрессивных начинаниях, в частности в таких вопросах, как: переезд с семей с гор в аул Кошерово, расноложенный неподалеку от Налычки; отправка дочерей учиться в русское учебное заведение; музыкальное образование сына и др. Не случайно сам Мамышев, после того как выяснилось, что в Тифлис сможет поехать только одна из дочерей Асламбека, тут же без колебаний отправил туда, пользуясь случаем, свою племянницу Фузу, дочь покойного прапорщика Умара Шахматова и сестры Налмаз, которая последние годы перед этим воспитывалась в его доме (5).

Не последнюю роль в отношениях Мамышева и Абаева несомненно играла жена Марка Ирина Монсеева, с которой он прожил двадцать лет. Какое-то влияние на главу семейства мог оказывать и брат Ирина Монсеевы капитан Латынин, служивший здесь же, в Налычке, казначеем Кабардинской общественной суммы.

С переездом Султан-Бека в Налычку дом Мамышевых должен был стать тем местом, где он впервые мог близко соприкоснуться с условиями жизни, жизнью и бытом русских, столь необычными для горцев. В лице Мамышевых юный музыкант нашел добрых поклонников его дарования, в будущем сыгравших немаловажную роль в его судьбе.

В Кабардинской школе Абаев проучился четыре года, после чего, как один из лучших ее учеников, был отправлен для продолжения учения в Ставрополь в тамошнюю гимназию, где он вместе со своим напарником из Налычской школы Карашаев Куденатовым был помещен в пансион. Случилось это 25 мая 1858 года. Так в 13 лет Султан-Бек оказался далеко от родного дома. Начался новый этап в его жизни.

Ставрополь конца 50-х годов был значительным центром на Северном Кавказе, своеобразной столицей края. Здесь располагались важнейшие административные учреждения и учебные заведения. Из архитектурных сооружений особенно выделялся возвышавшийся над городом Казанский кафедральный собор в русско-византийском стиле. Стоял он на вершине холма и казался поэтому еще более громадным. Но склоны холма впис к бассейну

Вид Старопольской середины XIX в.

спускалась широкая каменная лестница, обсаженная по бокам высокими тополями. Мимо собора почти через весь город тянулась Александровский проспект с бульваром — центральная улица Ставрополя. Неподалеку, напротив Казанского собора, стояло и здание мужской гимназии. Ставропольская гимназия тех лет пользовалась репутацией одной из лучших в России. Основанная в 1837 году, она достигла наибольших успехов в период директорства Януария Михайловича Неверова, близкого друга известных общественных деятелей Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского. Неверов успешно применил в школьной практике передовые идеи педагогической мысли своего времени. Он прививал своим подчиненным любовь к исследовательской работе и поискам, особое внимание уделял при этом вопросам, связанным с просвещением народов Кавказа. Так, благодаря его содействию в 1853 году учителим черкесского языка Берневым в Академии наук была представлена азбука черкесского языка, получившая одобрение. В 1858 году тот же Бернев составил грамматику черкесского языка, а преподаватель татарского языка И. Р. Адамов — хрестоматию тюркского и татарского языков, затем грамматику кавказских наречий тюркского языка⁵.

⁵ Кривоно М. Историческая заметка о Старопольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887.

Часть педагогов подбиралась по просьбе Я. М. Неверова из выпускников Московского университета Т. Н. Грановским. Об этом свидетельствует переписка, которая велась между ними. Например, в письме от 15 февраля 1855 года Грановский пишет Неверову: «Я получил письмо твое в конце прошлой недели, мой милый Неверов, и уже исполнил часть твоих поручений. Учитель истории найден. Это кандидат Николай Соколов... За него я могу тебе ручаться, хотя у Юхотинкова более опытности и зрелости...»

К концу 50-х годов, т. е. ко времени поступления в гимназию Султан-Бека Абаева, в ней работали квалифицированные учителя. Многие из них получили образование в Московском и Киевском университетах. Сам Неверов окончил Московский университет, до переезда в Ставрополь был инспектором Рижской гимназии, директором училищ Черниговской губернии. В Московском университете получили образование Ф. И. Юхотинков, один из лучших словесников, естествовед С. Кузьмин и историк Д. С. Сабинин. Татарский язык вел выпускник Казанского университета И. Р. Адамов. Благодаря сильному учительскому составу и смелым педагогическим экспериментам директора Ставропольская гимназия и стала одной из лучших в России. Из нее вышли многие выдающиеся деятели, известные не только на Кавказе. Здесь получил образование Герман Лопатин — революционер, близкий знакомый с Марксом и Энгельсом, один из переводчиков «Капитала».

Здесь формировалась и первая многонациональная торская интеллигенция. В стенах гимназии учились известные впоследствии писатели и этнографы: осетины Иналук Тхостов и Инал Кануков, абазинцы Давиль-Гирей Кешев и кабардинцы Казн Атажукин; юристы: черкес Вардам Кусиков и осетин Джантемир Шанаев, и многие другие. Здесь ковалась столь необходимая тогда для общины дружба между горцами, чему не в малой степени содействовал сам Януарий Михайлович. Многими годами позже Коста Хетагуров — классик осетинской литературы — в своем стихотворении «Памяти Я. М. Неверова» посвятит ему замечательные строки, в которых отмечает эту сторону деятельности Неверова:

Я знал его... Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей,
Когда и труд, и свид, и забота, —
Всего себя он отдавал лишь ей.

Я не забыл, как светился познаниям
Он управлял могучею рукой,
Когда с пути вражда и испуганья
Он нас повел дорожью нраво.

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв праждагу неконную и мечь,—
Он нас учил ценить нине дело
И понимать иначе долг и честь...

Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал нину нам любовь,—
Отважный шел к борьбе направил новый
И изменил деизм наш — «кровь за кровь».

Он нам ввухил — для истины свобода
Не дорожить, приводем диварей...
Я знал его, и помню эти годы,
Когда он жил для родины моей...⁷

Не случайно на страницах не только кавказской, но и центральной прессы можно было читать об успехах воспитанников горцев Ставропольской гимназии. Эти заметки и корреспонденции, написанные Неверовым и Юхотниковым, проникнуты искренней любовью к своим ученикам, помалю существовавшие в то время ошибочные представления о неспособности горцев к овладению науками.

В центральной газете края «Кавказ» (1858, № 101) была, например, напечатана статья Юхотникова, в которой подробно излагалось сочинение одного из воспитанников гимназии, осетина Иналука Тхостова «Кавказ по Маргинскому, Пушкину и Лермонтову». В феврале 1859 года на статью появились отклик в «Отечественных записках». Автор заметки, соглашаясь с тем, что сочинение замечательное, в то же время высказал сомнение в авторстве Тхостова. Я. М. Неверову пришлось выступить через газету «Кавказ» в защиту своего гимназиста.

«По званню начальника заведения,— писал он,— в коем воспитывался Тхостов, я почел обязанностью вывести автора хроник из заблуждения, тем более, что горцы так честолюбивы и такое подозрение их крайне огорчило»⁸. Далее Неверов дает блестящий отзыв о Тхостове, как о способном и одаренном юноше. В этой же статье Неверов подробно останавливается на успехах в ученье других горцев, обучающихся в Ставропольской гимназии, об их тяге к званью. «И это действительно замечательное явление, что в русской гимназии на 350 учащихся и 20 горцев,— писал Неверов,— торжество успеха оказывается на стороне того меньшинства». Он имел в виду результаты конкурса на лучшую сочинение. Конкурс были введены Неверовым и проводились ежегодно. В результате очередного конкурса 1858 года победителями оказались абазинцы Адиль-Тирей Кешев, получивший единогласно первую премию — «Полное собрание сочинений Го-

голя». Вторую премию — книгу «История царствования Петра I» получил Иналук Тхостов. Таким образом, обе премии достались горцам. Сочинение Кешева, получившего высшую оценку, было направлено для ознакомления издателю «Русского педагогического вестника».

Именно в это знаменательное для Ставропольской гимназии время и поучаствовали учиться в ней Султан-Беку Абаеву. Среди горцев, обучающихся в гимназии, царил общее воодушевление. Здесь были созданы хорошие условия для учебы, особенно для горцев, живших в пансионе и имевших больше возможностей для занятий, чем приходившие ученики. Из двух гимназических библиотек одна «небольшая, но составленная из всего, что есть лучшего в русской литературе», находилась «в полном распоряжении пансионеров», которые могли пользоваться ею совершенно свободно. В горцах поощрялись инициатива, любовь к истории и культуре своего народа. В журнале «Русское слово» Ф. И. Юхотников писал, что «многодум горцам, знающим русский язык и принимающим живое участие в сохранении памятников народной жизни, поручено собирать материал в своих родных аулах». Результатом подобной работы было сочинение Иналука Тхостова «Празднество в честь святых у осетин», представленное им на конкурс в 1857 году.

Разносторонне одаренный от природы, Султан-Бек Абаев сразу же обращает на себя внимание преподавателей. Первые же переводные экзамены дали неплохие результаты: Абаев оказался в числе переведенных во второй класс «с наградой». Судя по экзаменационным ведомостям, любимыми предметами его в те годы были татарский язык и география, труднее давалась арифметика.

Требования к учащимся в Ставропольской гимназии были очень высокими. Так, из 83 учеников первых классов было переведено во второй 55. Третью учащихся была оставлена на следующий год, и это при наличии в гимназии «подготовительного» класса, который предшествовал первому.

Горцы обучались совместно с остальными учащимися и соответственно были разбросаны по разным классам. Переводная оценка в первом классе вычислялась по результатам годового вывода⁹ и оценки, полученной на экзамене, который принимал сам директор. На первом своем экзамене в гимназии Султан-Бек, по-видимому, сильно волновался, еще бы: ведь экзамен принимал сам Якуарий Михайлович. Имел среднеродную оценку по арифметике 4, он получает двойку и соответственно переводную — 3. Далее «своев» у него не было. На следующем экзамене по татарскому языку при годовом выводе 5, он получает на экзамене 5 с плюсом и переводную тоже 5 с плюсом — самую высокую оцен-

⁷ Хетагуров К. Собрание сочинений в 3-х т. М., 1974, т. 1, с. 180.
⁸ Кавказ, 1859, № 39.

чнке, слышит музыку, и к этому ему доставляются все средства, и потому он развил свой слух до того, что не только отдаленные музыкальные фразы, но целые прелы разыгрывает на скрипке чрезвычайно верно, не упуская ни малейших оттенков развития мелодии, и также выучился самоучкой играть на фортепиано. Когда воспитанники-христиане учатся пению (их учит священник), Абаев непременно там и следит внимательно за каждым звуком, и при этом он не только не отстает в науках, но в числе первых учеников своего класса; такая богатая натура! — с восхитением заканчивает Я. М. Неверов. Блестящая оценка юному дарованию, данная опытным педагогом, к тому же в центральной газете края. Она еще весомей оттого, что исходила от человека, отлично разбиравшегося в вопросах музыкального искусства. В свое время, в 1838—1839 годах, будучи в Берлине посещая лекции по философии в университет, Неверов в то же время обучался музыке, бывал у композитора Мендельсона, совершенствовал свое исполнительское мастерство.

О компетентности Януария Михайловича в вопросах музыки говорит такой факт, как публикация им целого ряда статей о музыкантах в «Энциклопедическом лексиконе», издававшемся А. Плюшаром в Петербурге в 1835—1841 годах.

В архиве Ставропольского края сохранилось несколько писем, продвигающих свет на музыкальное образование Султан-Бека Абаева в годы его пребывания в Ставрополе. В ноябре 1858 года, примерно через полгода после его приезда в Ставрополь, на имя директора гимназии пришло письмо из Нальчика от начальника Кабардинского округа Орбелгани, который писал:

«Милостивый государь Януарий Михайлович!

18 мая настоящего года воспитанник Кабардинской школы из багларских таубий Султан-Бек Абаев отправлен в Ставропольскую губернскую гимназию. По усердию его к наукам, он оказывал здесь успехи и в особенности его способности не по годам были развиты к музыке.

Желая иметь сведения о дальнейших развитиях этого мальчика, я имею честь покорнейше просить ваше высокородие уведомить меня, хорошо ли учится Султан-Бек Абаев и занимается ли он музыкою? Если же не занимается последним предметом и на это потребуются особая плата, то чего будет стоить преподавание ему музыки и какой именно.

Покорнейше прошу принять заверение в совершенном почтении и таковой же преданности. Покорнейший слуга князь Вахтанг Орбелгани».

Отвечая на это письмо, Я. М. Неверов сообщает Орбелгани:

«Султан-Бек Абаев делает очень хорошие успехи в науках, велит себя отлично, по музыкой не занимается, потому что для этого нужно брать частные уроки». «Во вверенном мне пансионе, — продолжает Неверов, — три воспитанника берут уроки на скрипке у частного учителя здесь, в Ставрополе, и платят... по 8 руб. в месяц; считая два месяца на вакансии, обучение музыке Абаева будет стоить 80 рублей в год. Любова, к скрипке же оставляет Абаева и теперь, и все свободное от занятий науками время он посвящает музыке, и потому весьма желательно бы было дать ему учителя — но гимназия не имеет никакой возможности платить за то деньги...»¹²

К счастью для Абаева, деньги, необходимые для его музыкального образования, вскоре, в начале следующего года, были высланы, что дало ему возможность систематических занятий музыкой, которые должны были развить его природные задатки. Обнаружено шесть писем (четыре от начальника Кабардинского округа Орбелгани к Я. М. Неверову и два от Я. М. Неверова к Орбелгани об их получении), на основании которых можно сделать вывод о том, что деньги за уроки музыки высланы регулярно за каждую «треть» (4 месяца) по 26 рублей 66 копеек. Последнее из этих писем датировано 29 июля 1861 года. В нем сообщалось о получении денег за майскую треть, что позволяет считать, что занятия Султан-Бека музыкой продолжались по крайней мере до сентября 1861 года.

Прекращение переписки, по-видимому, было связано с отъездом Януария Михайловича из Ставрополя в Москву на новое место службы директором Тазаревского института восточных языков. С его отъездом Султан-Бек потерял не только своего учителя, но и покровителя, моральная поддержка которого была так необходима подростку.

Представляют интерес оставленные на полях сопроводительных писем разного рода записи, касающиеся передачи и получения денег. Так, на полях письма от 26 января 1860 года из Нальчика имеется следующая запись: «Денги эти переданы Киспифатору. Уведомить о получении». Возможно, речь идет об учителе музыки. Особого внимания заслуживает неразборчивая надпись на сопроводительном письме начальника Кабардинского округа от 17 июня 1860 года. Это расписка о получении 26 рублей 33 коп. Написана она на иностранном языке и, вероятно, принадлежит ученому музыку Султан-Бека. Хотя фамилию трудно разобрать, похоже, ее автор был иностранного происхождения.

На одном из писем (от 21 июня 1861 года) имеется автограф

¹² ГАСК, ф. 15, см. 2, л. 1728, л. 102, 103.

и самого Султан-Бека: «деньги мною вполне получены. Воспитанник С. Б. Абаев»¹³.

Частные уроки были в те годы обычной формой музыкального образования. В консерваторных могли учиться лишь те, кто имел возможность выехать для учебы за границу. В России тогда еще не было своих консерваторий, поэтому неудивительно, что вопрос о постановке музыкального образования стал тревожить умы нередовых музыкальных и общественных деятелей страны. В 1859 году в Петербурге было организовано Русское музыкальное общество, возглавившее борьбу за открытие отечественной консерватории. Горьчее участие в ней принял выдающийся пианист, композитор и организатор Антон Григорьевич Рубинштейн. В статье «О музыке в России», опубликованной в 1861 году и имевшей большой резонанс в общественных кругах, он писал, что «желание учиться музыке очень развито, особенно в низшем кругу; доказательством этого служит то, что когда наше общество открыло пропеллею весной бесплатные курсы, к нам явилось столько кандидатов, что мы по недостаточности средств общества принуждены были принять только одну треть их... Не доказывает ли это, как велико желание научиться этому искусству? Чем же помочь этому печальному положению? Ответаем: единственно учреждением консерватории. Нам скажут, что из консерватории редко выходили великие тини; мы согласны с этим, но кто может отвергать, что из консерватории выходят хорошие музыканты, а это именно и необходимо в нашем огромном отечестве»¹⁴.

Усилия Рубинштейна увенчались успехом. В марте 1862 года в газетах появились первые сообщения об открытии в Петербурге «Музыкального училища» (б). Весть об этом вскоре дошла и до Султан-Бека Абаева, решившего с этого момента посвятить себя целиком музыке.

Однако осуществление задуманного оказалось нелегкой задачей. Прежде всего необходимо было получить согласие родителей на поездку в Петербург, а затем найти для этого средства. За обучение в консерватории вымалось 100 рублей в год — сумма по тому времени немалая. Наконец Султан-Беку требовались еще и средства на существование, ибо никаких стипендий уставом консерватории не предусматривалось. А денежные дела Асламбека Абаева с каждым годом ухудшались. Становилось все труднее содержать большую семью — жену и шестерых детей. Да и о семье Кучука Абаева должен был заботиться. Значительных расходов потребовала и отправка в Тифлис дочери Хапифы. Аслам-

бек едва сводил «концы с концами» и, естественно, главной надеждой на поддержание пошатнувшегося состояния семейства был старший сын Султан-Бек. И все же, несмотря на материальные трудности, Асламбек дает согласие на поездку сына в Санкт-Петербургскую консерваторию. Видимо, не прошли для него даром годы, проведенные в Петербурге, знакомство с А. Ф. Львовым, и Абаев-отец понимал, что ознакомила для сына эта поездка. Немаловажное значение для принятия Асламбеком столь ответственного решения имело и обещание, данное ему в Харькове Марком Мамышевым, что все траты, связанные с обучением Султан-Бека в консерватории, он берет на себя. Получив согласие отца, Султан-Бек обращается с просьбой к начальнику Кабардинского округа об отправке его на казенный счет в Петербургскую консерваторию. Он решил оставить учебу в гимназии.

В. В. Орбелиани поддержал Абаева в его намерении и, наконец, сделал это с большим удовольствием, ведь в продолжение ряда лет он сам покровительствовал ему, беспоконясь о развитии музыкального дарования Султан-Бека. Каждое лето выманил его в Харьков, посмотреть, чему он научился в Ставрополе, каковы успехи на музыкальном поприще.

В письме от 4 августа 1862 года, адресованном в дирекцию Ставропольской гимназии, он писал: «Воспитанник этой гимназии Султан-Бек Абаев, обнаруживая склонность и способность к музыкальному искусству и не пожелав продолжать учение в гимназии, обратился ко мне с просьбой об отправлении его в С.-Петербургскую консерваторию. Приняв в соображение, с одной стороны, непреодолимое желание его, разделяемое родителями, и общество почетных жителей округа, с другой, то обстоятельство, что искусство может развиваться в нем в теперешние лета его лучше, нежели остановить это развитие до окончания курса гимназии, я с этим вместе снесся с дирекцией С.-Петербургской консерватории об определении его в число воспитанников консерватории и отправил его в С.-Петербург».

Уведомляя об этом дирекцию гимназии, имел честь покорнейше просить об исключении Султан-Бека Абаева и выдаче ему на руки имеющихся при гимназии его документов и о последующем меня уведомить»¹⁵.

Положительно решился и вопрос о плате за обучение в консерватории. Поскольку отец Абаева не мог внести 100 рублей в год за обучение сына, решающее значение для его дальнейшей судьбы имело то, как отнесется местное общество, всегда восторгалось его талантом музыканта. К счастью для Султан-Бека, оно отнеслось благосклонно. По такому необычному поводу со-

¹³ ЦГА КДАССР, ф. 2, оп. 1, л. 643, л. 5.

¹⁴ ГАСК, ф. 15, оп. 2, д. 2017, л. 18, 71; л. 2138, л. 62.

¹⁵ А. Г. Рубинштейн. Литературное наследие. В 3-х т. М.: Музыка, 1983, т. 1, с. 53.

Брание «почетных жителей» края урядливо стипендию «Кабардинского войска».

В письме к директору консерватории В. Орбеллиани писал: «...общее непререкаемое желание жителей Кабардинского округа есть одно из редких проявлений между кавказскими горцами на пути медленного движения их к цивилизации, и потому повтораю дирекции мою покорнейшую просьбу не отказать в принятии его в число воспитанников консерватории, если бы даже не поспеда эта просьба моя к определенному по положению времени, и не поставить желанию народа препятствия...»¹⁶

«Желанию народа» — таких выражений не встречалось ни в одном из многих прошений, направленных в тот год в Петербургскую консерваторию. Через несколько дней юному скрипачу вручили проездной билет до Петербурга, в котором, между прочим, говорилось:

«Билет дан сей таубию Султан-беку Абаеву, отправляющемуся в С.-Петербург для определения в тамошнюю консерваторию, и потому прошу гг. местных начальников чинить ему от Нальчика до С.-Петербурга беспрепятственный пропуск и в чем окажется нужным — законное содействие, как недооросло из дворян»¹⁷. В августе 1862 года, простившись с родными и банзакими, юный Абаев покидает Нальчик, место, где протекали его детские годы. Молодой сын гор, полный радужных надежд и энергии, без денег, но с великим желанием видеть новый мир, учиться у знаменитых мастеров, посвятить себя служению музыке и добыть славу себе и родному краю, отправляется в Петербург.

В ПЕТЕРБУРГЕ

В начале 60-х годов прошлого века Петербург пользовался славою крупнейшего центра музыкальной культуры России. Здесь жили и творили почти все выдающиеся русские композиторы, музыканты-исполнители и музыкальные критики того времени. В городе функционировали два крупных музыкальных театра: русская и итальянская оперы с прекрасными симфоническими оркестрами, а также множество небольших оркестров, в их числе и оркестр под управлением Иоганна Штрауса, который давал концерты в Павловском «воксале».

Среди солистов, выступавших в театрах столицы, были выдающиеся музыканты с мировым именем. С ростом числа любителей и почитателей музыки появилась настоятельная необходимость в музыкальных учебных заведениях. И наконец в 1862 году, как уже отмечалось выше, благодаря усилиям прежде всего А. Г. Рубинштейна, первая в России консерватория была открыта. В качестве преподавателей в нее были приглашены известные талантливые музыканты, в том числе и зарубежные. Класс фортепиано вел такие известные мастера, как А. Г. Рубинштейн, Ф. О. Лешетницкий, А. Дрейшток, для преподавания пения из Парижа пригласили Ниссен-Саломан, класс композиции вел Н. И. Заремба, класс скрипки — выдающийся польский скрипач-виртуоз Генрик Венявский.

С появлением в газетах сообщений об открытии консерватории в нее со всех концов России начали поступать просьбы о приеме. Возраст, вероисповедание, образование, социальное положение дирекцией не принимались во внимание.

Некоторые из талантливых молодых людей, не имевших возможности платить за обучение, могли надеяться на стипендию богатых меценатов, но стипендий таких было немного. Султан-

¹⁶ ЛГИИД, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

¹⁷ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 643, л. 5.

Петербургская консерватория в 60-е гг. XIX в.

Бек Абаев приехал в Петербург стипендиатом «Кабардинского войска» и первое время мог не заботиться о плате за обучение — деньги за 1862/63 учебный год поступали из Налычника. Удачно он устроился и с жильем, хотя эта проблема могла стать для него одной из первостепенных. Не имея денег, нельзя было рассчитывать снять частную квартиру, как это делали многие воспитанники консерватории. Абаев поселился среди земляков-горцев, служивших в лейб-гвардии Кавказско-горском полускадроне.

Надо полагать, что поселение в казармах «собственного его императорского величества конвое» постороннего человека было санкционировано на самом высоком уровне, а для этого необходимы были соответствующие ходатайства вышестоящих лиц. Во всяком случае, уже в письме от 4 августа 1862 года на имя директора Русского музыкального общества (РМО), в чьем ведении находилась консерватория, начальник Кабардинского округа В. Орбеланини сообщил, что Абаев «по оставленным средствам его родителей... не может иметь особой квартиры и располагает жить с... [горцами], служившими в конвое его величества»¹. Очевидно, к этому времени предварительное согласие или обещание поддержки со стороны высокопоставленных лиц у него уже име-

лось. В этом деле мог ему оказать содействие и давний петербургский покровитель отца Султан-Бека А. Ф. Львов, к которому мог обратиться с просьбой Асламбек Абаев. Хотя Львов к этому времени уже не занимался делами Кавказско-горского полускадрона, но несомненно имел там влияние. Наконец, нельзя исключить и участие в судьбе Султан-Бека генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского, бывшего до 1862 года на Кавказе командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказа. В пользу такого предположения говорит сохранившаяся в личном деле Абаева записка на имя директора консерватории, из которой явствует, что Султан-Бек встречался с князем в сентябре 1862 года. «Так как мне, — пишет он в записке, — надо явиться к князю Барятинскому в Царском Селе, то не могу быть Абаев. 27 сентября 1862 года»².

В казармах второго взвода лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона, где поселился Султан-Бек, он не чувствовал себя одиоком. Среди служивших тогда в этом взводе горцев были и такие, которые хорошо его знали задолго до того, как он появился в Петербурге. Один, как Альби Аджиев, — по налычницкой горской школе, другие — по Ставропольской гимназии. Долгое время учились вместе с Абаевым в налычницкой школе, а затем в Ставропольской гимназии Карашай Куденетов. Те, кто лично не знал Султан-Бека, уже были наслышаны о нем от его товарищей. Поэтому горцы с радостью встретили своего земляка и были готовы помочь ему чем могли. А помощь юному Султан-Беку была нужна. Пока он учился в гимназии (на казенный счет) он имел там все необходимое для жизни и учебы, включая питание и одежду, но как только Абаев оставил учебу, сразу же возникли трудности. Как видно из свидетельства, выданного ему дирекцией Ставропольской гимназии, гимназическую форму ему носить не разрешалось: «По получению этого свидетельства, — говорится в документе, — не должен он носить форменного платья, установленного для учеников гимназии, в противном случае будет подвергнут ответственности за присвоение себе незаконного права...»

В воспоминаниях известных музыкальных деятелей Г. А. Дароша и А. И. Рубца о первых годах консерватории Абаев именуется конвоиным офицером. По-видимому, эта неточность связана с формой одежды, которую носил первые месяцы после поступления в консерваторию Султан-Бек. Возникает вопрос: как эта одежда оказалась на нем? Здесь возможны два ответа: либо кто-то из горцев, служивших в это время в конвое, предложил

¹ ЛГИА, ф. 261, оп. 1, л. 2, л. 1.

² Там же, л. 10.

ему свой мушкетир, либо Султан-Бек уже из Налычика направлялся в Петербург в этом мушкетире, принявшем его отца, который многие годы бережно хранил его в память о службе в Петербурге. В этой самой форме 31 августа 1862 года Султан-Бек отправился в Демидов переулок, где тогда находилась консерватория. В тот ответственный для Абаева день его игру должен был впервые прослушать и оценить знаменитый Генрик Венявский, находившийся в ту пору в зените своей славы. Получить одобрение большого мастера — это ли не заветная мечта всякого скрипача из тех, кто стремился в консерваторию? Генрика Венявского не без основания именовали «польским Паганини», его исполнение отличалось виртуозным мастерством. Богато одаренный от природы, он уже в 11 лет блестяще окончил Парижскую консерваторию, а в 13 с большим успехом гастролировал по Европе. В 1860 году Венявского пригласили в Россию на должность «солиста его величества», а затем — с открытием консерватории — на должность профессора по классу скрипки. Получить одобрение Венявского было не так просто, тем более для Абаева, не имевшего хорошей музыкальной подготовки.

И тогда Султан-Бек, зная, что обладает исключительным музыкальным слухом, решает пойти на рискованный шаг: заявить знаменитому маэстро, что повторит вслед за ним любую сыгранную им музыкальную пьесу. Риск усугублялся еще и тем, что Венявский славился прежде всего как исполнитель технически очень сложных вещей.

Принятые экзамены проходили в просторном и светлом помещении с окнами на Мойку и Демидов переулок. В тот день с утра Рубинштейн слушал здесь пианистов. После них должны были показать свои способности и умение скрипачи и виолончелисты. Интересно запись об этих экзаменах оставил в своем дневнике А. И. Рубен, в то время тоже поступающий в консерваторию: «На следующий день я явился на экзамены, хотя и чуточку... Я вошел в залу довольно большого размера, очень светлую... Возле стены сидело много пианистов, преобладавших над мужчинами, которых было не более 12. Посреди зала стояли два рояля. Ровно в 10 вошел Рубинштейн... После пианистов настал черед скрипачей и виолончелистов. Между ними расхаживал с видным волнением конвойный офицер... Опять вошел Рубинштейн, а за ним высокий и стройный Венявский, с большими умными глазами и с открытым лицом. Начали с малолетних. Из них выделились Краснокутский и Воронов, затем вызвали Абаева, конвойного офицера. На вопрос, где его скрипка, он ответил:

— У меня нет скрипки.

— Как же вы будете играть?

— Тут много скрипок на фортепиано лежит.

А. Г. Рубинштейн, пианист и композитор, основатель первой в России консерватории

Генрик Венявский, польский скрипач и композитор, профессор Петербургской консерватории

Венявский взял одну из них и, подав ее Абаеву, сказал:

— Играйте.

На это тот ответил: «Нет, ты сыграй, а потом я повторю, что ты сыграешь». Венявский сыграл довольно сложный пассаж. Абаев сейчас же безукоризненно повторил. Венявский сыграл более трудный и сложный пассаж; Абаев повторил довольно чисто и это. На вопрос, знает ли он ноты, Абаев ответил:

— Ноты? Нет, не знаю, но слух имею хороший.

Из взрослых на экзамене выделились Пушкилов и Баранецкий³.

Видимо, эксперимент удался, поскольку Абаев оказался в одной группе с Пушкиловым и Баранецким, группе, которую непосредственно вел сам Г. Венявский. Другой группой скрипачей руководил его помощник Тераевич. Всего в классе скрипки было принято 24 человека. Зачисление Султан-Бека в более сильную группу, несмотря на слабое знание нотной грамоты, говорит о

³ Рубен А. И. Воспоминания о первых годах Петербургской консерватории. — Новое время, 1912, № 12985.

его исключительном природном даровании. Возможно, к этому времени относится высказывание о нем Венявского, как о даровании «способном при дальнейшем усовершенствовании пойти очень далеко»⁴. Такой оценкой признанного мастера мог гордиться любой из начинающих музыкантов.

Вскоре после памятного дня экзаменов состоялось официальное открытие первой в России консерватории. На торжестве перед воспитанниками выступил Антон Григорьевич Рубинштейн. Речь его, как вспоминает А. И. Рубец, произвела большое впечатление на слушателей: «В настоящее время, — говорил Рубинштейн, — консерватория открыта, и я надеюсь, что всякий, поступивший в нее, получит то, что выплыве от нее требовать, т. е. развить способности и знания. Она не может дать ученикам способностей, а может только развивать их».

О первых днях консерватории и о ее воспитанниках впоследствии публиковалось несколько интересных материалов. Кроме упоминаемый профессора А. И. Рубца, наибольший интерес представляют воспоминания Дароша. «Находясь на юное учредительное из самых разнообразных слоев общества и отчасти из самых отдаленных углов России, — писал Г. А. Дарош, — они представляли пеструю толпу. Был тут и оставший чиновник таможенного ведомства Кросс, и сын придворного певчего Рыбасов, и бывший помощник судебного следователя при Черниговской уголовной палате Рубец, и старший столоначальник департамента Министерства юстиции Чайковский (из правоведов), и дерптский студент Тирон, и грузин Сванетли, и военный инженер Мирецкий, и адвокат (впоследствии присяжный поверенный) Баранецкий и поручик лейб-гвардии Семеновского полка фон Цур-Милден, и приехавший из Нью-Кастля конторист парходного общества петербургский англичанин Люджер, и сын младшего преподавателя французского языка при третьей Петербургской гимназии Дарош. Даже был один магометанин, конвойный офицер [Султан-Бек Абавев], излишне прибавлять, что он носил княжеский титул. Разнообразные по происхождению, мы представляли некоторую пестроту и по возрасту. Мне было 17 лет, Люджеру 16 и таким, конечно, было большинство, но были и торжесто старше: Кроссу, например, было лет 30; были и постарше Кросса, был крошечный — лет 12 — поляк, хорошенький Амбрашевич, имевший обыкновенные тузять обилии кулаками в грудь взрослых товарищей, когда их шутки ему не нравились. Сверх всего этого мы и «направленные» были самого различного...»⁵

⁴ Терекме ведомости, 1869, № 52.

⁵ Дарош Г. А. Г. Рубинштейн в воспоминаниях бывшего ученика С.-Петербургской консерватории. — В кн.: А. Г. Рубинштейн. Автобиографические воспоминания. СПб., 1889, с. 80.

Среди первых воспитанников консерватории было немало талантливых молодежи, особенно в классе скрипачей. Это стало очевидным, когда в консерватории организовался ученический оркестр. «Боже, что это был за оркестр, — вспоминает Дарош. — Играла масса вещей довольно трудные... но фальшивили мы немилосердно. Хороших скрипачей у нас было сколько угодно, были два-три виолончелиста, а остальных никого не было, так что играть нам было просто невозможно». Мягкий и снисходительный в своих теоретических классах (инструментовки и свободной композиции), Антон Григорьевич в оркестровом классе сердился и кричал, доставалось то тому, то другому».

Одно время в оркестре на литаврах играл и Петр Ильич Чайковский. Рассказывая далее о начальных шагах этого оркестра, Г. Дарош не без юмора вспоминает: «Возникли мы с этой классической музыкой точно с возом, попавшим в непролазную трясиину, «из кожи лезли вон», а толку не было, пока не повеяло новым воздухом. Почти одновременно появились флейтист Пуни, Макаров. И сделавшись оркестр как оркестр, даже литавры стали спонсы с того дня, как я был изгнан с этого ответственного поста. Пока играл я, не могло быть глупо, так как вследствие неравности и трусости я барабанил хотя громко, но большей частью не в такт... Болеет солидный, заменивший меня литаврист, умевший не терять присутствие духа, был Чайковский...»

Уделял внимание оркестру в своих воспоминаниях и А. И. Рубец. Он пишет, что уже «после трех месяцев с основания консерватории Рубинштейну удалось образовать ученические концерты, в которых участвовали, между прочим, Чайковский на флейте, а посты духовых»⁶.

П. И. Чайковский в годы учебы
в консерватории

Создание учебного оркестра было очень полезным начинанием. Здесь готовились молодые музыканты к своим первым выступлениям перед публикой: на собственном опыте учились принципам организации оркестра, что для многих впоследствии послужило добрую службу, в том числе и для Султан-Бека Абаева.

Большое значение для развития будущих музыкантов имели музыкальные вечера, в которых участвовали только воспитанники консерватории по назначению своих профессоров. Эти вечера проводились каждые две недели и по большей части носили совершенновательный характер.

Веселое, бодрое настроение, владевшее поначалу всеми воспитанниками консерватории, не для всех было длительным. Одним из первых с серьезными препятствиями для нормальной учебы столкнулся Абаев, «стипендиат Кабардинского войска».

Из переписки директора Русского музыкального общества В. А. Кологривова с начальником Кабардинского округа и расписок, данных Абаевым при получении денег, видно, что денежная проблема встала перед Султан-Бекем уже с первых месяцев пребывания в консерватории. Так, в письме от 8 октября 1862 года к начальнику Кабардинского округа дирекция просит сообщить, на какие нужды выдать Абаеву присланные 80 руб. «В настоящее время, — сообщает в нем, — г. Абаев, уверяя, что ему необходимы расходы на стол и проч., уже взял из 80 руб. 35 руб.». Пока пришел ответ из Начальника (29 ноября) о том, что «прежде всего выдать ему на музыкальные издержки, затем остальшие деньги можно отпустить и на другие потребности», из 80 руб. уже были взяты 66 руб.

По сохранившимся распискам можно судить о расходах Абаева в это время и о периодах его наибольших материальных затруднений. В среднем за каждый из первых месяцев учебы (сентябрь — ноябрь) он расходовал примерно по 20 руб. Расписки, следующие с конца ноября, свидетельствуют о том, что оставшиеся 15 руб. выдавались ему лишь для «музыкальных издержек»: 28 ноября и 5 декабря — по 1 рублю; 13 декабря — 3 рубля; 21 декабря — 2 руб.; 4 января 1863 г. — 3 руб.; 11 января — 2 руб.; 19, 26 и 31 января — по 1 руб. (7).

Таким образом, становится очевидным, что Абаеву относительно спокойно удалось проучиться в консерватории лишь первые три месяца со дня его поступления. Уже с декабря он остается без всякой материальной поддержки. Для Султан-Бека начинаются тяжелые дни раздумий и поиска выхода из создавшегося положения. Нужно было немедленно решать — либо бросать консер-

ваторию, либо искать какой-то заработок и совмещать учебу с работой. Первое он отбросил без колебаний. Уж слишком велико было желание учиться любимому искусству, тем более что первый, наиболее трудный шаг, — поступление в Петербургскую консерваторию — сделан. Абаев решает поступить на службу в Кавказско-горский полускадрон, хотя это и грозило известными осложнениями. Дело в том, что поступивший на службу лишится права на побочные занятия. Однако Абаев надеялся, что ему, в виде исключения, разрешат посещение занятий в консерватории, и поэтому в январе 1863 года обратился с просьбой о зачислении в полускадрон оруженосцем.

Надежда его была обоснованной, о чем свидетельствует отношение канцелярии конвой от 29 января того же года, направленное в дирекцию Русского музыкального общества с просьбой «уведомить, не послужит ли препятствием к достижению познаний в музыкальном искусстве своекоштного воспитанника кабардинского народа Султан-Бека Абаева: поступление его на службу в собственный его величества конвой, так как за воспитание его в консерватории кабардинским народом внесена уже сумма денег на один год и которая ежегодно будет уплачиваться»⁸.

В тот же день А. Г. Рубинштейн уведомил канцелярию, что «Абаев занят в консерватории: понедельник с 8 до 11 часов, среда с 9—11 час. утра, четверг с 9—10 час. утра, пятница с 9—11 и 2—3 часов и вечером с 5—6 часов. Во вторник, субботу и воскресенье у Абаева нет занятий. Если же Абаев, по уважительным причинам не может явиться на урок, то он обязан письменно уведомить о сем инспектора консерватории. При сем дирекция имеет честь приновокупить, что если занятия г. Абаева в консерватории, по вышеозначенному расписанию, не будут совпадать с его службою, то дирекция не находит препятствий к поступлению г. Абаева на службу. Директор А. Г. Рубинштейн»⁹.

Такая оперативность с ответом и последняя фраза говорят о том, что Антон Григорьевич понимал безвыходность положения Султан-Бека и поддерживал его в решении поступить на службу, хотя в принципе он был противником совмещения учебы в консерватории со службой.

Переписка по поводу зачисления Абаева на военную службу продолжалась более месяца, а тем временем положение Султан-Бека стало критическим: ко всем прежним неприятностям добавилась еще одна — в начале февраля 1863 года Султан-Бек простудился и тяжело заболел. В записке к инспектору консерватории Василию Алексеевичу Кологривову от 4 февраля он сообща-

⁷ ЛГИА, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 2, 3, 8.

⁸ Там же, л. 6.
⁹ Там же, л. 5.

ет: «С вчерашнего дня я заболел грудной болью и совершенно не в состоянии посещать уроки пока не поправлюсь». Болезнь оказалась серьезной. 25 февраля он вновь напишет Кологривову: «Василий Алексеевич, по случаю болезни от простуды, я не могу быть в консерватории»¹⁰.

Наконец 4 марта 1863 года Абаева зачисляют во 2-й взвод (горцев) лейб-гвардии Кавказско-горского полугуэскадрона. В очередном месячном рапорте по полугуэскадрону, в ведомости «о прибыльях... убыльях... за март месяц» в графе «прибыльям» значилось: «Султан-Бек Абаев, из первостепенных дворян, балкарского племени, магометанского вероисповедания, в службу вступил 5 марта 1863 г., холост»¹¹.

При зачислении Абаева оруженосцем в горский полугуэскадрон с него потребовали подлинку о непосещении консерватории. Он вынужден был дать ее, о чем свидетельствует следующее письмо управляющего делами императорской главной квартиры графа Дамберта к начальнику главного штаба Кавказской армии от 22 декабря 1864 года, в котором сообщалось, что «горец Султан-Бек Абаев при определении оруженосцем во 2-й взвод (горцев) лейб-гвардии Кавказского эскадрона... в марте месяце 1863 года дал подлинку о прекращении занятий в музыкальной консерватории, если он будет принят на службу в конвой»¹². Несмотря на подлинку, которую взяли у Абаева, из документов канцелярии императорской квартиры, которая ведала делами полугуэскадрона, видно, что военное начальство пошло навстречу настойчивым просьбам Абаева и его сослуживцев и разрешило, несмотря на данную им подлинку, посещение консерватории в определенные дни. Вероятно, и непосредственно среди высокопоставленных чинов конвоя и служащих канцелярии были сочувствующие Султан-Беку, в противном случае ему бы не позволили столь длительное время посещать консерваторию.

С поступлением на службу разрешилась проблема питания, одежды и прочего, без чего нельзя было продолжать учебу, хотя, разумеется, учиться стало гораздо труднее. Требования к служившим в императорском конвое были строги. Об этом можно судить по случаю, происшедшему как раз в то время, когда шла переписка о зачислении Абаева в конвой. Один юнкер и двое оруженосцев из 4-го взвода Кавказско-горского полугуэскадрона подали жалобу на своего взводного командира, отругавшего взвод «Бранцимын» словами за то, что некоторые пришли на смотр не по форме. Разбирала этот случай комиссия. В итоге жаловав-

шиеся были исключены из конвоя. Можно допустить, что по болезни Султан-Бека в полугуэскадроне было нелегко. Действительно, в отличие от других оруженосцев он имел возможность часто находиться за пределами казарм (раз уж было разрешено посещение уроков в консерватории), кроме того, он, наверное, имел тесные контакты с некоторыми офицерами лейб-гвардии — любителями музыки, что также должно было отразиться на отношении к нему непосредственных начальников. Но, несмотря на сказанное, совмещение службы с учебой в консерватории при его здоровье, надо полагать, давалось Абаеву нелегко.

В годы службы Султан-Бека Абаева в лейб-гвардии у него, вероятно, были и приятные отвлечения от службы, хотя и краткие, связанные с подготовкой и участием в разного рода концертах, устраиваемых воинскими частями, в том числе в ежегодных концертах в пользу инвалидов, устраиваемых с благотворительной целью.

Подготовка к концерту начиналась задолго до назначенного дня (обычно 19 марта). Он всегда проходил с большим успехом и обычно через несколько дней давался повторно.

В мае 1863 года в консерватории состоялась первые экзамены. Подводились итоги первого года обучения. Судя по воспоминаниям А. И. Рубца, они прошли успешно: «Все мы, преподаватели и ученики, были чрезвычайно довольны блестящим исходом учебного года».

После экзаменов большинство воспитанников консерватории разъезжалось по домам на летние каникулы. Что же касается Абаева, то его ожидала служба в лейб-гвардии Кавказско-горском полугуэскадроне. Радость успешного окончания первого года обучения в консерватории вскоре омрачилась для него смертью земляка-кабардинца, сверстника и однокашника по Кабардинской школе, оруженосца Альбина Аджиева. Надо сказать, что случаи серьезных заболеваний были частым явлением среди горцев, служивших в Петербурге. Северный климат и нелегкие условия службы часто приводили к болезням, нередко имевшим смертельный исход. Редкий год проходил в полугуэскадроне, чтобы кто-нибудь из горцев не похоронили или не отравили домой с тяжелыми, чаще леточными заболеваниями. В мае месяце, когда Султан-Бек еще славал экзамены в консерватории, состояние здоровья Аджиева уже было тяжелым, и командование разрешило ему отпущек на родину на 6 месяцев. Уже был получен билет на бесплатный проезд по Николаевской железной дороге и прогонные до Владикавказу. Но 3 июня Аджиев скончался в госпитале. Похороны были назначена комиссия для распродажи имущества покойного. От оруженосцев в этой комиссии был представлен

¹⁰ ЛГИА, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 8, 9.

¹¹ ЦГВИА, ф. 7, оп. 1, д. 734, л. 25.

¹² ЛГИА, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 31.

Султан-Бек Абаев. Сам он приобрел «скини, новыи» бешмет по-кобного.

В это время полужескадрон стал готовиться к предстоящему переходу в летние лагеря под Красное Село, находившиеся неподалеку от Петербурга. На лето здесь располагались и другие гвардейские части Петербургского гарнизона. В лагерях под Красным Селом обычно устраивались маневры и смотры в присутствии императора. Лагерная жизнь напоминала походную службу. Люди размещались в палатках, а лошади — под открытым с боков дощатым навесом. В течение лета бывали одна-две тревоги. По тревоге требовалось собираться в указанное место. «По старой привычке конвой являлся на место неожиданного сбора первым...» Эти тревоги почти всегда заканчивались молодеческой джигитовкой, в которой участвовали и Кавказско-горский полужескадрон.

После двухмесячного лагерного сбора полужескадрон вернулся на свои зимние квартиры, а спустя некоторое время для Абаева начались занятия в консерватории. Наконец он мог спокойно, не заботясь о жилье, одежде и пище, отдать все свое свободное от службы время учебе, но не тут-то было. Неожиданно для Султан-Бека, да, наверное, и для его доброжелателей, возникла новая проблема — плата за обучение. Неожиданно, поскольку он продолжал официально числиться стипендиатом «Кабардинского войска». Сумма платы за обучение была по тому времени значительной, и не все учащиеся могли своевременно внести ее. А дирекция Русского музыкального общества (РМО) скидок никому не делала и не могла делать, ведь это был основной источник существования консерватории. Нередко она обращалась в суд для взыскания денег с должников, как это было с одним из лучших учеников Веневского Консультинном Пушкиловым, вовремя не внесшим в счет платы за обучение 125 руб.¹³

Такая же участь постигла и Федора Достоевского, о чем свидетельствуют многие письма, документы и повестка в суд, хранящаяся в его личном деле.

Абаева в начале учебного года не беспокоили, поскольку он по-прежнему числился стипендиатом «Кабардинского войска» и дирекция РМО вела пока переписку с начальником Кабардинского округа о высылке платы за обучение Султан-Бека. Но когда переписка эта стала затягиваться, его также при случае стали упрекать в неплате за обучение. Таким образом, перед Абаевым вновь, в который уже раз, возникает вопрос — как удержаться в консерватории. Сам он не имел средств, чтобы уплатить за учебу, — оставалась единственная надежда на получение денег от начальника Кабардинского округа. А тем временем дела оборачивались не в его пользу.

Первый запрос, посланный дирекцией РМО начальнику Кабардинского округа о высылке положенных за обучение Абаева в 1863/64 учебном году ста рублей, остался без ответа. На второй запрос в ноябре того же года ответа также не последовало. Началось второе полугодие, а денег из Нальчика по-прежнему не поступало. 6 февраля следующего 1864 года дирекцией Русского музыкального общества вновь было послано отношение начальнику Кабардинского округа с просьбой выслать необходимые 100 рублей. И на этот раз — молчание. При таких обстоятельствах дальнейшее пребывание Абаева в консерватории стало невозможным. Его все чаще упрекают в неплате денег за обучение, а несколько позже сам А. Г. Рубинштейн лично заявил Султан-Беку, что обучать его бесцельно консерватория не будет. Заявление Рубинштейна было последним ударом, после чего Абаев прекращает занятия в консерватории. Как видно из отчета Русского музыкального общества за 1863/64 год, Абаев прочитался спокойно лишь первое полугодие, во втором же — его уже не считали учащимся консерватории: «В числе 219 человек считан г. Абаев, от которого деньги еще не получены ни за 1-ое ни за 2-ое полугодие (во втором он и не считан)»¹⁴. Однако он не теряет надежды на поступление в скором времени положительных известий из Нальчика.

Тем временем на родине Султан-Бека выяснили, кому платить за его обучение в консерватории. В. В. Орбелiani, бывший начальник Кабардинского округа, уже не было в Нальчике, он получил новое назначение по службе и переехал во Владикавказ, где занял должность начальника Западного военного отдела в управлении начальника вновь образованной Терской области, а новый начальник округа, по-видимому, не был в курсе дела. Поэтому он обратился по этому поводу с письмом к начальнику Терской области, а тот, в свою очередь, к командующему Кавказской армией. Наконец из управления Западного военного отдела Терской области на имя директора Русского музыкального общества пришло обнадеживающее письмо, датированное 13 февраля 1864 года, в котором сообщалось, что следуемые за воспитание в консерватории Абаева деньги всего 180 рублей серебром будут в скором времени высланы, на что ожидается разрешение его высочества командующего армией великий князь Михаил Николаевич, вследствие сделанного о том представления начальником Терской области...¹⁴ Начальником области был М. Т. Дорис-Меликов. Да, Орбелiani не забыл Султан-Бека, в противном случае письмо в дирекцию РМО из его отдела не пошло бы. Достоверно

¹³ Отчет РМО за 1863/64 год. СПб., 1865, с. 14.

¹⁴ ДИА, ф. 361, оп. 1, л. 2, а. 17.

было ему ограничиться преподаванием отношения РМО по востанци, как это сделал новый начальник Кабардинского округа По-видимому, Оренбурги поспешил уведомить музыкальное общество, желая предотвратить неприятности, которые могли ожидать Абаева в консерватории в связи с платой за обучение.

Похоже, что именно в это время Вахтанг Вахтангович рассказал Лорис-Меликову о талантливом горце из Балкарии и нашел в нем поддержку.

Нетрудно представить себе радость Султан-Бека, когда дирекция РМО ознакомила его с содержанием этого письма. Наконец он сможет спокойно посещать занятия в консерватории. Мало того, что его не будут больше попрекать неуплатой за обучение, но он получит еще 80 рублей сверх платы, на различные расходы. Но радость была преждевременной, о чем он должен был сам догадываться. Деньги, следуемые за обучение, не поступали, и дирекция РМО вынуждена была уже в пятый раз обратиться с той же просьбой к начальнику Кабардинского округа, причем в письме указывалось, что «г. Абаев по неизвестным причинам классы консерватории посещал весьма небрежно, а последнее время совсем не появлялся, а потому дирекция покорнейше просит уведомить в возможно скором времени, угодно ли будет Кабардинскому войску оставить г. Абаева впрель стипендиатом Кабардинского войска... ввиду в то же время г. Абаеву, чтобы он занимался с большим прилежанием, ибо в противном случае, не смотря на его природные способности, дирекция не предвидит никакой для него пользы»¹⁵.

За отсутствием начальника Кабардинского округа это письмо было направлено «в дополнение предписания начальника округа от 31 мая сего года (8) ... Черекскому участковому начальнику с предложением «спросить корнета Абаева, желает ли вносить за сына своего на будущее время следуемые за обучение его деньги... и донести полковнику князю Кабулову в самом непродолжительном времени, с объяснением, к какому времени Абаев намерен уплатить требуемые консерваторией деньги за учебный 1863/64 год».

Материальное положение Асламбека Абаева к этому времени стало крайне тяжелым. Он не только не мог обещать платить в будущем, но и не имел средств, чтобы погасить задолженность за прошедший учебный год. На вопрос участкового начальника Абаев ответил, что «отправил сына своего в прошлом 1862 году для обучения в консерваторию только с одним желанием дать ему музыкальное образование. Все же денежные траты и расходы по этому делу дожились, согласно заявленному желанию, на покой-

ного сотника Мамышева (9). Со смертью последнего исчезли все средства к уплате за обучение Султан-Бека»¹⁶.

Участковый начальник, ознакомившись на месте с материальным положением Асламбека Абаева, докладывал после этого начальнику Кабардинского округа о том, что «100 рублей серебром, следующих в консерваторию за учение сына, Асламбек по своей крайней бедности не находит средств к уплате ни теперь, ни в будущем и вместе с этим объяснил, что если бы сыну его возвратилась охота учиться, то он вносить денег в консерваторию ни копейки не может. При поступлении Султан-Бека на службу в конвой его величества, желая с последнего помочь ему, Асламбек позанимствовал из Кабардинской общественной суммы 100 руб. серебром, которые употребил на уплату Аджиеву за купленную сыном в Петербурге лошадь умершего вадника Альбия Аджиева: это позанимствование крайне его стесняет и лишает к своему собственному существованию и, следовательно, тем более к уплате долгов сына. Ко всему этому Асламбек добавил, что так как сын его Султан-Бек в настоящее время состоит на службе, подучает нзрядное жалование, то числящийся за ним долг может покрываться ежемесячным вычетом из отпускаемого ему из казны содержания».

В сентябре 1864 года эта переписка была отправлена дирекции РМО. В дополнение к донесению участкового начальника начальник Кабардинского округа в сопроводительном письме сообщал, что «корнет Асламбек Абаев по бедности своей действительно не в состоянии платить денег за обучение сына своего в консерватории, и потому он должен быть исключен из оной»¹⁷.

Сразу же по получении писем от начальника Кабардинского округа дирекция РМО, не выкинув в существо дела, обратилась за разъяснением к Султан-Беку Абаеву, которому пришлось написать объяснительную записку следующего содержания:

«В дирекцию Русского музыкального общества

Султан-Бека Абаева
Объяснение

Вследствие предьявленной мне переписки дирекции Русского музыкального общества с начальником Кабардинского округа относительно уплаты за воспитание мое в консерватории денег в количестве 100 руб. серебром, имею честь объяснить, что ни отец мой и ни я должны платить означенных денег, так как я определен в консерваторию за счет сумм Кабардинского округа и хотя я

¹⁵ ЛГИА, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 21.

¹⁶ Там же, тл. 22—23.

¹⁷ Там же, д. 23.

Из Дирекции Духовн. Училищамъ
Всего 20

Султан-Бек Абаева

Всего 20

Всего 20
Дирекции Духовн. Училищамъ
и Кабардинскому Консерваторному Училищу
г. Владикавказъ
Всего 20
Султан-Бек Абаева
Всего 20

Авторграф Султан-Бека Абаева. 1864 г.

получаю жалование, но по ограниченности его означенной суммой и уплатить не могу. Что же касается того, что я прекратил занятия свои в консерватории, то это произошло от того, что меня безденежно не хотели обучать, что объявил мне директор Рубинштейн относительно уплаты поминутых 100 руб.
Покорнейше прошу требовать от начальника Кабардинского округа.

29 сентября 1864 г.

Султан-Бек Абаева¹⁸

Судя по дальнейшим событиям, дирекция РМО приняла к сведению объяснение Абаева. В октябре 1864 года дирекция обратилась с письмом, теперь уже в военную канцелярию начальника Кавказского го сылка на управление Западного военного округа, которое «отношением от 13 февраля сего года... уведомяло дирекцию, что следующие за воспитанника консерватории Абаева деньги будут в скором времени высланы...». Далее, касаясь присланной в РМО переписки от начальника Кабардинского округа о том, что отец Султан-Бека не может платить за обучение сына, в письме отмечается, что Абаев принят в консерваторию на основании отношения начальника Кабардинского округа и дирекция «не имела никаких отношений с отцом Абаева», поэтому «просит канцелярию его высочества наместника Кавказского сделать распоряжение о высылке ста рублей за воспитанника Абаева в консерваторию за учебный 1863/64 год с кого следует и по высылке денег эти переслать в дирекцию Русского музыкального общества».

Наконец в мае 1865 года, после почти двухлетней переписки, консерваторией была получена причитавшаяся ей сумма, причем главный штаб Кавказской армии уведомил дирекцию РМО, что «Султан-Бек Абаев при определении его оруженосцем во 2-й взвод горцев лейб-гвардии Кавказского эскадрона в марте 1863 года дал подписку о прекращении занятий в музыкальной консерватории»¹⁹. Это уведомление сразу объяснило, почему деньги за обучение не высылались. Такое стечение обстоятельств лишило Абаева на последней надежды на продолжение музыкального образования. С консерваторией все было кончено.

Пока шла переписка о плате за обучение, Султан-Бек, лишенный возможности посещения занятий в консерватории и не желая тратить время попусту, готовился к сдаче экзаменов на звание прапорщика. Испытания проводились при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа 22 декабря 1864 года. Как видно из экзаменационного листа, испытания прошли удовлетвори-

¹⁸ Там же, л. 24.

¹⁹ Там же, л. 25—26, 27.

4 С. Н. Сафарян

1851
49
1262

тельно²⁰. Вот средние оценки в баллах, полученные С.-В. Абаевым по отдельным «наукам»: русский язык — 16, арифметика — 12, всеобщая история, средняя и новая — 9, российская история — 9, география России — 8, всеобщая география — 8, военный устав, от рекрутской школы до полкового учения включительно — 9, гарнизонная, лагерная и форпостная службы — 9.

Итого — 80 баллов, при необходимом минимуме — 74. Хотя результаты испытаний был успешным, до офицерского звания Абаеву по непредвиденным обстоятельствам (в который уже раз) будет еще далеко.

Ровно через неделю после того, как Султан-Бек сдал экзамены на чин прапорщика, в консерватории начались первые в ее истории выпускные экзамены. Присутствовал ли он на этих экзаменах? Трудно сказать: могли не отпустить со службы.

Выпускные экзамены состоялись 29 и 31 декабря 1864 года. Как и следовало ожидать, экзамены прошли успешно. В истории Петербургской консерватории первый выпуск был особым. Никогда позже она не выпускала одновременно такого числа способных и талантливых музыкантов. Особенно отличились П. И. Чайковский, К. Альбрехт, Г. Кросс и другие. По классу Венявского тогда окончили консерваторию Д. Панов, К. Пушкилов и В. Салин. Дальнейшая судьба этих незаурядных скрипачей тесно связана с развитием русского скрипичного искусства. Все трое выступали в оркестрах императорских театров. Панов впоследствии организовал и возглавил первый в России профессорский русский квартет. Некоторое время он был также преподавателем Петербургской консерватории. Пушкилов считался одним из лучших русских скрипачей. Салин, оставив службу в императорских театрах, преподавал в музыкальных классах Харьковского отделения РМО, а затем в Московской и Киевской консерваториях.

Однако не все учащиеся в консерватории заканчивали курс в срок. А. Г. Рубинштейн был очень требователен к выпускникам. Многие оставались в консерватории сверх установленного срока, продолжая учение до получения диплома или аттестата о ее окончании. Позже Панова, Пушкилова и Салина закончил консерваторию П. Краснокутский, впоследствии ставший преподавателем скрипки в инструментальных классах Придворной певческой капеллы, а затем профессором Петербургской консерватории, и И. Альтани, служивший затем капельмейстером в оркестрах, сначала в Киевской опере, а затем в Московском театре оперы и балета. Еще один одноклассник Абаева, В. Воронов, со временем организует в Петербурге музыкальную школу, о которой будут

писать в газетах: «Школа В. Воронова с каждым годом видимо совершенствуется и достигает своей цели — распространения в России солидного музыкального образования, приобретенного за цену втрое дешевле, чем в консерватории».

Большинство же первых выпускников консерватории оседали в провинциальных городах, поступали учителями музыки в местные заведения или жили частными уроками музыки.

Пока друзья Абаева по консерватории один за другим заканчивали учебу, он продолжал оставаться в Кавказско-горском полдуксадроне. Здесь перед ним открывалась довольно сносная перспектива быть произведенным в недалеком будущем (как обычно, в конце июля или августе месяце) в первый офицерский чин и возвращении на родину. Но его планам не суждено было сбыться так легко.

Случилось непредвиденное. В июне 1865 года, буквально за два месяца до возможного окончания службы в лейб-гвардии Кавказско-горском полдуксадроне, в первом военно-сухопутном госпитале, где Абаев находился на лечении, произошли беспорядки. Как оказалось при разбирательстве этого дела, виновниками беспорядков оказались оруженосцы Кавказско-горского полдуксадрона: двое (Манденов и Чулукидзе) из 1-го взвода (грузин) и один (Абаев) из 2-го взвода (горцев). Дело приняло серьезный оборот. Манденов, как главный зачинщик, был отдан под суд, а несколькими днями позже (25 июня) под арест были взяты также Чулукидзе и Абаев. Через несколько дней их освободили из-под ареста и тут же исключили из конвоя. Одновременно с этим решением управление императорской главной квартиры направило отношение Петербургскому оберполцимейстеру «о наложении за образом жизни в Петербурге исключенных из конвоя оруженосцев кн. Чулукидзе и Абаева». Положение Султан-Бека стало еще более сложным, когда через месяц, 31 июля, была получена бумага от петербургского коменданта «о неизменности в дальнейшем пребывания в Петербурге оруженосцев князя Платона Чулукидзе и Султан-Бека Абаева»²¹.

Что же за беспорядки произошли в госпитале, если даже не допускалось дальнейшего пребывания указанных лиц в Петербурге? Как следует из отношения главного штаба Кавказской армии от 2 августа 1865 года, оруженосцы были исключены из конвоя «за противозаконные поступки»²². Вот так неожиданно рухнул план Султан-Бека. Тем временем, как и ожидалось, в конце июля восемь его сослуживцев из 2-го взвода были произведены в офицерское звание. Для Абаева же открывалась новая, довольно печальная перспектива быть отправленным на родину в неза-

²⁰ ЦГИА КБАССР, ф. 7, оп. 1, д. 937, л. 210, 223.
²¹ Там же, л. 223.

видном положении уволенного со службы. 12 августа в Петербургское окружное интендантское управление из управления главной квартиры пришло распоряжение «об отпуске прощонов до Владикавказа исключенному из конвоя оруженосцу Султан-Бек Абаеву»²².

Несмотря на наличие такой записи в журнале входящих бумаг управления, пребывание Абаева на родине остается под большим вопросом, поскольку каких-либо следов его деятельности на родине в период после исключения из конвоя обнаружить не удалось. Вероятнее всего, Абаев не воспользовался «прощонами». Веским аргументом в пользу того, что Султан-Бек не был на родине, может служить его письмо к отцу от 27 декабря 1866 года, отправленное из Петербурга уже после восстановления на службе. Из содержания письма, приводимого ниже, можно сделать вывод, что они (отец и сын) долгое время (по меньшей мере год) не встречались.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, Абаев не терял надежды на благоприятный исход его дела, иначе он не подал бы весной следующего года прошение о предоставлении его к офицерскому званию, которому дали ход. Сохранился журнал входящих бумаг императорской главной квартиры за 1866 год, в котором имеется запись от 6 мая 1866 года: «Надпись командира конвоя за № 417, с представлением прошения о производстве в офицеры юнкера уволенного в отставку Абаева». Однако действия командира конвоя, как оказалось, были поспешными. Прежде Султан-Беку нужно было восстановиться на службе в конвое, что ему и было разрешено «по прошествии года со дня исключения из оного»²³.

Наконец 15 июля 1866 года Абаев был определен на прежнее место службы в Кавказско-торский полускадрон оруженосцем. С возвращением в полускадрон для него вновь началась строгая регламентированная для лейб-гвардии военная служба. За год его отсутствия в жизни полускадрона существенных перемен не произошло, если не считать изменений в личном составе 2-го взвода (горцев), который обновился более чем наполовину. Еще в августе прошлого года в него вошла большая группа прибывших с Северного Кавказа горцев. В их числе был и Асламбек Урусбиев, земляк Султан-Бека. В отличие от Абаева, Урусбиев прибыл в Петербург с единственной целью сделать карьеру военного.

Он дослужился до полковника. Немало лет его военной службы прошло в конвое. Этот период был использован им не только

для исполнения служебных обязанностей, но и в немалой степени для дальнейшего обогащения рода Урусбиевых. В 70-х годах прошлого века он добивается выделения ему 300 десятин земли в «местечке Хаяюк» на Баксане для организации на ней сыроваренного производства; возвращает в собственность семейства Урусбиевых леса по Баксанскому ущелью, ранее изъятые Лорис-Меликовым от Урусбиевых и переданные в казну.

Что же касается Султан-Бека, то его мало интересовала военная служба — не затем он пришел в Петербург. При желании карьеру военного он мог начать намного ранее и успешнее. Сейчас же ему нужно было «дослужиться» хотя бы до младшего офицерского звания, что не только обдешило бы его материальное положение, но в какой-то мере оправдало его пребывание в Петербурге перед родными и близкими. Поскольку экзамена Абаевым ранее были сланы, он ожидал, что производство его в прапорщики произойдет очень скоро. Судя по письму, которое он отправил в декабре отцу, производство его в прапорщики должно было состояться в сентябре 1867 года. По-видимому, кто-то из начальства его в этом обидел. Во всяком случае, он обратился с письмом к отцу, в котором просит похлопотать о его зачислении в батальон, расположенный в Нальчике. Указанное письмо представляет исключительную ценность, поскольку позволяет полнее представить душевный облик автора, его отношение к родным, к своему народу. Вот полный текст этого письма:

«27-го декабря 1866 года. Петербург.

Дорогой Аслан-Бек!

Неужели Вы думаете, что я умер, нет, благодаря бога здоров. Меня очень удивляет то, что забыли меня, будто бы не существую в мире, это не делает Вам честь. Я вовсе не хотел писать, зная, что обо мне забыли, другой отец и по смерти долго не забывает своего сына, а я еще жив. Нахожусь с малолетства между европеями, образовал себя настолько, что могу быть поганым родным и соотечественникам, следовательно, непросто забыть меня. Служба моя в конвое идет хорошо, надеюсь в сентябре вместе быть произведенным. Как можно скорее пришлите согласие батальонного командира. Хочу служить в Нальчике. Если же я останусь в России, то уверяю Вас, до смерти не возвращусь на Кавказ. Поэтому хлопните, чтобы я попался на Кавказ.

Кланяйтесь всем родным и знакомым. Ожидая скорого ответа Остаюсь любящий сын — Султан-Бек Абаев»²⁴.

²² ЦГВИА, ф. 7, оп. 1, д. 937, л. 253.

²³ Там же, д. 939, л. 84, 128.

²⁴ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 171, л. 2, 3.

Асламбек Абаев, конечно же, постарался выполнить его просьбу. В начале февраля 1867 года он обратился к начальнику Кабардинского округа с прошением о зачислении сына в дислоцированный в Нальчике Кавказский линейный № 7 батальон. К нему Асламбек приложил приведенное выше письмо Султан-Бека, благодаря чему, между прочим, автограф большой значимости, подшитый вместе с другими документами в «Дело» о зачислении Абаева в означенный батальон, сохранился до наших дней.

В прошении к полковнику Нуриду Асламбек Абаев мотивирует свою просьбу еще и тем, что он «уже древний старик» и вся его надежда сейчас на сына, «как могущего со временем поддержать систему пропитания семейства моего».

В заключение он просит начальника округа, пользуясь тем, что в Нальчике в это время находился начальник Терской области, «предоставительства перед ним о том, чтобы... Солтан-Бек со времени производства в первый офицерский чин был бы зачислен на службу в Кавказский линейный № 7 батальон...». По-видимому, Лорис-Меликов не возражал. Делу был дан ход.

Началась переписка между различными военными инстанциями, закончившаяся письмом начальника Кабардинского округа к командиру конвоя, с препровождением «отзывов» командира Кавказского линейного № 7 батальона и «помощника командующего войсками по завелыванию местными войсками Терской области...» по предмету принятия в Кавказский линейный № 7 батальон юнкера, служащего во вверенном вам конвое Солтанбека Абаева»²⁶.

Асламбек Абаев, наверное, был рад такому стечению обстоятельств. Наконец он сможет увидеть сына, более чем через пять лет разлуки. Приедет, будет рядом, возьмет на себя часть семейных тягот, тогда можно будет спокойно доживать свой век. Но надеждам его не суждено было сбыться. Султан-Бек не придет ни в эту, ни в следующую осень. Лишь в августе 1869 года высочайшим указом он будет произведен в прапорщики по милиции, с награждением серебряной медалью за службу в конвое. До этого дня Асламбек Абаев уже не доживет.

Постоянная нужда и заботы вскоре подорвали его здоровье, и 22 октября 1868 года Асламбек скончался, оставив без всяких средств к существованию шестерых детей. О том, в каком трудном положении оставил своих детей Асламбек, видно из их прошения на имя начальника Черекского участка с просьбой сохранить за ними отцовскую пенцию в размере 167 рублей. В прошении, между прочим, говорится: «...отец наш умер, оставив нас в круглом сиротстве... при самой крайней бедности и к тому же

оставшись на нем долги, всего на сумму 350 рублей серебром, которые, вероятно, надут уплатою на ответственность нашу.

Обстоятельства наши, с каждым днем беднее и даже клонящиеся без пособия к крайности, заставили беспоконить милостивое начальство о покровительстве к нам и исполнителю за службу отца нашего узаконенной пенсии, дабы дать тем возможность существованию нашему и уплатить оставшийся после его долг».

Декабря 2 дня 1868 года, Нальчик».

Для подтверждения правильности всего написанного в прошении детей Асламбека Абаева начальник Кабардинского округа потребовал от начальника Черекского участка представить вместе со списком семейства Абаева «приговор общества о бедном состоянии этого семейства».

Вскоре такой приговор состоялся. Написан он был на арабском языке с приложением справки начальника Черекского участка о том, что: «...настоящий общественный приговор действительного учинен обществом аула Кошерокова о бедном состоянии сирот, оставшихся после смерти корнета Асламбека Абаева»²⁷.

Весть о кончине отца застала Султан-Бека врасплох, ведь Асламбеку было лишь 55 лет. Не сообразясь долготрапная встреча отца с сыном, а как много собрался он рассказать ему о своей жизни в Петербурге, о превратностях учебы и службы, о радостях и невзгодах, пережитых им за прошедшие годы.

Султан-Бек был старшим сыном в семье Абаевых, и потому все заботы о младших братьях и сестрах теперь должны были на его плечи. Но в данный момент он ничем не мог помочь им. Оставалось ждать окончания срока службы, т. е. около года.

Наконец в начале сентября 1869 года в Петербурге был получен приказ по лейб-гвардии Кавказскому горскому полускадрону «о производстве 36-ти юнкеров за выслугу лет в прапорщики милиции». В числе произведенных был и Абаев. Теперь можно было готовиться к возвращению на родину.

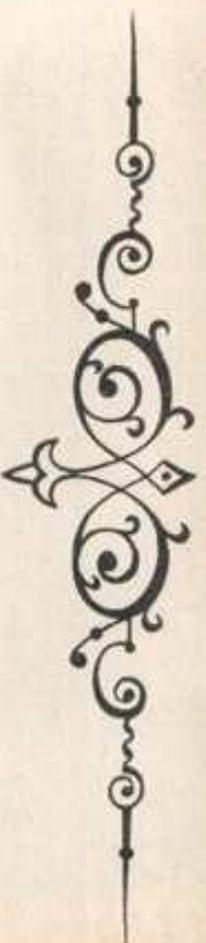
В это время в Петербурге приезжает из Нальчика земляк и дальний родственник Султан-Бека Абаи Шаханов. Он окончил Ставропольскую гимназию и теперь приехал сюда продолжить учебу в Медико-хирургической академии.

Удивительное стечение обстоятельств сопровождало длительное время этим двум сынам Балкарин: в 1858 году Абаев заканчивает учебу в Нальчикской горской школе и направляется для продолжения образования в Ставропольскую гимназию — в том же году Шаханов поступает в ту же школу; в 1862 году Султан-

Бек оставляет учебу в гимназии и уезжает в Петербург — через пару лет Абай поступает в Ставропольскую гимназию; теперь же, когда Абая собирают покинуть Петербург — сюда приезжает Шаханов. Лишь однажды, и то лишь на короткое время, жизнь сведет их вместе во Владикавказе, чтобы затем снова разлучить, на этот раз навсегда.

Султан-Бек, несомненно, был рад встрече и принял активное участие в первоначальном устройстве Абая в Петербурге. Он познакомил его с северной столицей, с ее достопримечательностями. Академия находилась недалеко от казарм лейб-гвардии Кавказско-горского полка Скадрона, почти напротив, на противоположном берегу Невы. Вскоре у Шаханова начались занятия, а Султан-Беку пришла пора расставаться с городом, где прошил его полтавские энергия и ралужных надежд юные годы. Каким только прерат-ностен судьбы не изведает он за это время. Но какой бы она ни была трудной, за эти годы Абая много повидел и многому научился.

Петербург 60-х годов прошлого века был одним из крупнейших культурных центров Европы. Здесь функционировали несколько театров, не было недостатка в разного рода концертах, в которых принимали участие многие знаменитости того времени. Большое впечатление производил на молодого горца великий облик города, центральная часть которого к шестидесятым годам уже сформировалась и в таком виде сохранилась до наших дней. Уже тогда Абая мог восхищаться великими творениями Растрелли, Монферана, Воронихина, Росси и других зодчих, создавших неповторимый облик центральной части города, с величественными дворцами, площадями, украшенными величественными памятниками, неповторимой гранитной набережной Невы. Вся эта впечатляющая картина Петербурга тех лет, в сочетании с богатейшей музыкальной культурой, с которой сопринкосулся Султан-Бек Абая, не могла не оставить в душе горца глубокий след. Наверное, грустно было ему покидать этот город, но чувство долга обязывало это сделать. Пришла пора воплотить в реальность слова. Ранее сказанные отцу: «Находясь с малолетства между европейцами, образовал себя настолько, что могу быть полезным родным и соотечественникам».

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ПЕРВЫЙ УСПЕХ

В сентябре 1869 года из Петербурга выехала, направляясь в дальний путь, группа молодых офицеров из горцев, уроженцев Северного Кавказа. Они только что отслужили положенный срок в лейб-гвардии Кавказско-горском полку Скадроне и теперь возвращались в родные края. Среди них особенно выделялся молодой бажарец, при случае доставлявший спутникам удовольствие своей виртуозной игрой на скрипке. Это был Султан-Бек Абая. Вместе с ним «прогонял» до Владикавказа полчищем еще четверо горцев, так что добираться до Налчика ему пришлось не одному. Памяница Абая Гариб Солтан Меликова рассказывала со слов матери, что Султан-Бек, возвращаясь на родину из Петербурга, во пути выступал с концертами.

Его появление в Налчике не прошло незамеченным. Более того, приезд Султан-Бека Абая, как оказалось, был очень кстати. В последние годы в административном центре Кабардинского округа заметно оживилась культурная жизнь. Жители слободы стали проявлять интерес к разного рода спектаклям и концертам. Тон задавало местное благотворительное общество. Помимо регулярно проводимых обычных собраний, с танцами почти до утра, оно давало платные спектакли и концерты. Деньги были нужны для покрытия расходов на содержание небольшой женской школы на 20 учениц, учрежденной по инициативе и на средства общества. В последний сезон было дано пять таких спектаклей. Сбор с каждого из них, как правило, превышал 100 рублей. Сумма довольно приличная по тем временам для такой небольшой слободы, какой был Налчик. Для популяризации спектаклей и привлечение по возможности большего числа посетителей плата за вход была дифференцированной и колебалась в больших пределах от одного рубля 50 копеек за кресло до 25 копеек за место

Бек оставляет учебу в гимназии и уезжает в Петербург — через пару лет Абай поступает в Ставропольскую гимназию, теперь же, когда Абаев собирается покинуть Петербург — сюда приезжает Шаханов. Лишь однажды, и то лишь на короткое время, жизнь сведет их вместе во Владикавказе, чтобы затем снова разлучить, на этот раз навсегда.

Султан-Бек, несомненно, был рад встрече и принял активное участие в первоначальном устройстве Абая в Петербурге. Он познакомил его с северной столицей, с ее достопримечательностями. Академия находилась недалеко от казарм лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона, почти напротив, на противоположном берегу Невы. Вскоре у Шаханова начались занятия, а Султан-Беку пришла пора расставаться с городом, где прошил его подлинные энергии и радужных надежд юные годы. Каких только превратностей судьбы не изведал он за это время. Но какой бы она ни была трудной, за эти годы Абаев много повидал и многому научился.

Петербург 60-х годов прошлого века был одним из крупнейших культурных центров Европы. Здесь функционировали не сколько театров, не было недостатка в разного рода концертах, в которых принимали участие многие знаменитости того времени. Большое впечатление производил на молодого горца внешний облик города, центральная часть которого к шестидесятым годам уже сформировалась и в таком виде сохранилась до наших дней. Уже тогда Абаев мог восхищаться великими творениями Растрелли, Монферана, Воронихина, Росси и других зодчих, создавших неповторимый облик центральной части города, с величественными дворцами, площадями, украшенными величественными памятниками, неповторимой гранитной набережной Невы. Вся эта впечатляющая картина Петербурга тех лет, в сочетании с богатейшей музыкальной культурой, с которой сотрудничал Султан-Бек Абаев, не могла не оставить в душе горца глубокий след. Наверное, грустно было ему покидать этот город, но чувство долга обязывало это сделать. Пришла пора воплотить в реальность слова, ранее сказанные отцу: «Находясь с малолетства между европейцами, образовал себя настолько, что могу быть полезным родным и соотечественникам».

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ПЕРВЫЙ УСПЕХ

В сентябре 1869 года из Петербурга выехала, направляясь в дальний путь, группа молодых офицеров из горцев, уроженцев Северного Кавказа. Они только что отслужили положенный срок в лейб-гвардии Кавказско-горском полускадроне и теперь возвращались в родные края. Среди них особенно выделялся молодой балкарец, при случае доставлявший спутникам удовольствие своей виртуозной игрой на скрипке. Это был Султан-Бек Абаев. Вместе с ним «проехал» до Владикавказа получили еще четверо горцев, так что добираться до Налчыка ему пришлось не одному. Племянница Абаева Гариб Солтан Меликова рассказывала со слов матери, что Султан-Бек, возвращаясь на родину из Петербурга, по пути выступал с концертами.

Его появление в Налчыке не прошло незамеченным. Более того, приезд Султан-Бека Абаева, как оказалось, был очень кстати. В последние годы в административном центре Кабардинского округа заметно оживилась культурная жизнь. Жители слободы стали проявлять интерес к разного рода спектаклям и концертам. Тон задавало местное благотворительное общество. Помню регулярно проводимых обычных собраний, с танцами почти до утра, оно давало платные спектакли и концерты. Деньги были нужны для покрытия расходов на содержание небольшой женской школы на 20 учениц, учрежденной по инициативе и на средства общества. В последний сезон было дано пять таких спектаклей. Сбор с каждого из них, как правило, превышал 100 рублей. Сумма довольно приличная по тем временам для такой небольшой слободы, какой был Налчык. Для популяризации спектаклей и привлечения по возможности большего числа посетителей платя за вход была дифференцированной и колебалась в больших пределах от одного рубля 50 копеек за кресло до 25 копеек за место

Среди присутствовавших на концерте и особенно восторженно реагировавших на каждое выступление С.-Б. Абаева непременно был и новый смотритель местной горской школы И. Р. Адамов, тот самый учитель татарского языка в Ставропольской гимназии, у которого Султан-Бек числился учеником и был единственным, кто имел во его предмету среднегодовой балл — пять с плюсом. Как должен был обрадоваться Исосиф Романович встрече со своим любимым учеником! Вель он был свидетелем первых шагов Абаева в музыке. Здесь, в Налчыке, Адамов, наверное, часто вспоминал одаренного балкарского мальчика, благо что в руководной им школе учился его родной брат Кайтуко, который незадолго до возвращения Султан-Бека из Петербурга был направлен для продолжения образования в Ставрополь. Теперь же у него в школе учились родственники Султан-Бека, Мисосст Абаев, Текушчи 1869/70 учебный год он закончил с исключительным результатом: по всем предметам показателям, характернейшим успеваемость учившегося, у него будут только пятерки. И это в то время, когда у большинства учащихся школы средние баллы будут ниже «четырёх. Справедливости ради следует отметить, что к этому времени Мисоссту Абаеву исполнилось 13 лет.

Теплый прием, оказанный нальчанами Султан-Беку Абаеву, не мог отвлечь его от решения давно беспокоивших его семейных дел.

Приехав на родину, Султан-Бек застал семью в самых стесненных обстоятельствах. Долги отца тяжелым бременем легли на плечи детей Асламбека. В пенсии, которую они пытались вылотать сразу после смерти отца, в 1868 году, им отказали, а по поводу выдачи взамен нее положенного единовременного пособия все еще тиндулась переписка³. Имени матери Султан-Бека, Фатимы Аслановны (первой жены Асламбека), было секвестрировано. Младшая сестра продолжала учебу в тифлисском училище св. Нины. Хотя Ханифа содержалась там на казенный счет, но ей все же периодически нужна была материальная поддержка. В помощи нуждался и Мисосст Абаев, лишившись несколькими годами ранее отца и также не имевший поддержки со стороны. Сложно обстояло дело и с братом Кайтуко, который хотя и окончил «полный курс» в Налчыкской школе с очень хорошими успехами⁴ и был отправлен в пансион при Ставропольской гимназии для продолжения образования, но по причине возраста (ему к этому времени уже исполнилось 16 лет) он был зачислен в гимназию лишь временно. Ждали решения попечителя Кавказского учебного округа.

При таких обстоятельствах Султан-Беку не оставалось ничего другого, как осуществить свой давний замысел — поступить на службу в местную воинскую часть. Уже через неделю после даного им концерта он подает прошение о переводе на службу в 7-й линейный стрелковый батальон⁵.

Просьба Абаева была поддержана начальником округа, тем более что за два года до этого, при жизни еще Асламбека Абаева, согласно вышестоящего войскового командования на зачисление его в указанный батальон уже было дано. Однако, несмотря на это, намерению С.-Б. Абаева не суждено было сбыться. 7 ноября из штаба войск Терской области на имя начальника Кабардинского округа пришла депеша, в которой говорилось о том, что «наказной атаман [Лорис-Меликов], предполагая ходатайствовать о прикомандировании к одному из полков Терского казачьего войска жители Кабардинского округа г. Абаева, находившегося в С.-Петербургской консерватории, приказал потребовать на Абаева надлежащие письменные сведения. Вследствие сего, штаб войск просит ваше анкоблагородие о скорейшем доставлении на упомянутого офицера полного послужного списка и особо краткой о службе его записки»⁶.

Вот так неожиданно и к лучшему нарушились планы Султан-Бека. Теперь перед ним открывалась более радужная перспектива: музыкальная деятельность. Кроме того, возможность переезда во Владикавказ, центр Терской области, где он мог получить объективную оценку своим музыкальным способностям, мог посвятить себя служению любимому искусству, — все это не могло не радовать Султан-Бека. Поэтому, не дожидаясь решения начальства, он в том же месяце выезжает во Владикавказ.

К тому времени Владикавказ — центр обширной Терской области, включившей в себя территории современной Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, части Ставропольского края (с городами Кисловодск, Пятигорск, Минеральные Воды и Георгиевск) и Северного Дагестана (с городом Кизляр), представлял собой небольшой быстро растущий городок. В конце 60-х годов его население вместе с военными насчитывало 14 тысяч жителей. Город раскинулся по обеим сторонам бурного Терека. Деловые и культурные учреждения располагались на правом берегу реки, большинство на центральной улице — Александровском проспекте с бульваром. На этой же стороне Терека были и учебные заведения Владикавказца: реальная прогимназия с горским пансионом, Ольгинское женское училище, ремесленная и другие школы. По другую сторону реки в основном квартировали

³ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 314, л. 20—25.

⁴ ГАСК, ф. 15, оп. 2, д. 2886, л. 73—74.

⁵ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 383, л. 1.

⁶ Там же, л. 7.

воинские части. Военные составляли немногим менее половины населения города.

Во Владикавказе было очень много зелени — бульвары, многочисленные парсадики, обширные сады, в том числе примыкавшие к Александровскому проспекту городского сад. В ротонде городского сада выступал военный оркестр. Два раза в неделю устраивались базары. В эти дни в город съезжались множество торговцев не только из близлежащих сел Осетии, но и из соседних Чечни и Ингушетии, Кабарды и Балкарии. По примеру столицы, ровно в 12 часов дня с крепостной башни стреляли из пушки. Жители развлекались по неделям танцами на танцевальных вечерах, устраивали любительские спектакли с благожелательными целями. Спектакли, вечера танцев, иногда концерты проводились в зале Общественного собрания (клуба). В театре Ледяева⁷ давали гастрольные профессиональные артисты. В городе было немало любителей и ценителей музыки, которые хоть и редко, но устраивали вокально-инструментальные концерты. Один из таких концертов состоялся незадолго до приезда Абаева, в конце сентября 1869 года. Часто ставились любительские спектакли.

В газетах «Кавказ» и «Терские ведомости» помещались критические заметки о выступлениях местных музыкантов и приезжих артистов.

Во Владикавказе в те годы жили известный музыкант, друг М. А. Балакирева и В. В. Стасова, Н. А. Бороздин. Он не только страстно любил музыку, но и сам с успехом сочинял. Удавалось ему это нелегко, о чем можно судить по высказыванию Балакирева по поводу написанной Бороздиным «Коллекция польских романсов». В письме к Стасову с Кавказа в 1868 году Балакирев писал, что «в польском репертуаре после Моноушко ничего лучшего не имеется»⁸.

Бороздину Балакирев посвятил романс «Песнь Селима». Во Владикавказе Бороздин жил с 1868 по 1870 год, занимая должность председателя городского суда. В 1868 году, узнав о том, что Балакирев находится на Минеральных Водах и собирается затем посетить Тифлис, Бороздин, как видно из письма Балакирева от 19 июля 1868 года, телеграфирует последнему, прося не проежжать Владикавказ, не побывая у него⁹.

Примерно в это же время Балакирева приглашает во Владикавказ с просьбой дать концерт начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов. Концерт состоялся 25 августа.

Георграфическое положение Владикавказа благоприятно сказыв-

алось на культурной жизни города. Через него проходила важнейшая магистраль, соединявшая Россию с Закавказьем и ее обширным и культурным центром — Тифлисом. Многие артисты и музыканты, проезжая через Владикавказ, давали здесь концерты. Посетил город и Генрик Венявский. В конце октября, через месяц после выступления Балакирева, он тоже дает здесь концерт.

В ноябре 1869 года, немногим более чем через год после концерта Венявского, во Владикавказ приезжает его ученик Султан-Бек Абаев. В первые дни своего пребывания во Владикавказе он выступает несколько раз в узком кругу ценителей музыки. В числе первых, кто хотел и мог позачиниться с игрой Абаева, несомненно был Н. А. Бороздин. Исполнение Абаева превзошло все ожидания. О приезде молодого скрипача сразу же стало известно всему городу. Абаеву предлагают выступить с концертом, который назначается на 21 декабря 1869 года в зале Общественного собрания. В концерте приняли участие также несколько местных любителей музыки. Он прошел при переполненном зале. Выступление Султан-Бека Абаева произвело сильное впечатление на слушателей. Это тем более замечательно, что всего год назад та же публика принимала такого выдающегося, признанного музыкальным миром скрипача, как Г. Венявский.

На страницах «Терских областных ведомостей» развернулась полемика о мастерстве Султан-Бека Абаева. Первая редакция не замечала о концерте появилась в газете 24 декабря, и в ней давал от природы «редким музыкальным талантом», что он «получил образование в Петербургской консерватории под руководством Венявского, отъездившего о нем, как об артисте, способном при дальнейшем усовершенствовании пойти очень далеко. Своєю игрою г. Абаев успел обратить на себя самое достойное внимание многих других знатоков музыки и был радушно принимаем обществом везде, где давал концерты». «Успех же его перед владикавказской публикой, — говорилось далее, — можно назвать блестящим. Его встречи и провожали дружными рукоплесканиями, заставляли по два раза повторять некоторые прессы, особенно «Венецианский карнавал», который Абаев исполняет неподражаемо. Чтобы владеть так свободно смычком и делать без малейшей натяжки и фальши самые неудобные переходы, как это удается г. Абаеву, нужно родиться истинным артистом, а не сделаться музыкантом вследствие учения и паявки»¹⁰.

Блестящая оценка для молодого скрипача! Следует отметить, что «Венецианский карнавал», о неповторяемом исполнении кото-

⁷ Перепишет М. А. Балакирева с В. В. Стасова. М., 1935, с. 250, письмо № 207.

⁸ М. А. Балакирев. Воспоминания и письма. Л., 1962, с. 85, письмо 19.

⁹ Терские ведомости, 1869, № 52.

рого упоминается в заметке. — Одно из наиболее сложных в техническом отношении музыкальных произведений. Не случайно Генрик Веньявский часто заканчивал свои концерты именно этим произведением Паганини.

В заключение автор отзывается лишь вскользь упомянув об игре Любителей, принимавших участие в концерте, отметив при этом, что исполняли они свои номера «весьма недурно». Последнее выражение вызвало недовольство одного из местных ценителей музыки, и в следующем же номере «Терских ведомостей»¹⁶ появилась его заметка о том же концерте. Автор ее, отметив хорошее выступление двух участников концерта (А. И. Салашкой, ставшей позже учительницей музыки в Тифлисском пансионе, и О. Г. Баввой), специально останавливается на игре Султан-Бека Абаева. «Вполне раздельно сочувствие, — пишет некто А., — выражено в отрывке к игре и таланту г. Абаева, мы считаем долгом, со своей стороны, сделать по этому поводу несколько замечаний. Конечно, бесспорно, что г. Абаев обладает редким музыкальным талантом, игра его производит сильное впечатление на слушающих... это адажио мягко и нежно, смычок замечательный...», но тут же замечает, что «ему недостает серьезного знания музыки...». Однако, боясь, по-видимому, осуждения со стороны широкой публики, восторженно принявшей Абаева, он добавляет: «...несколько времени усидчивых занятий, при таком таланте, каким обладает г. Абаев, могли бы поставить его, может быть, наряду с лучшими скрипачами нашего времени».

Эта оговорка автора, стремившегося, видимо, из чувства оскорбленного самолюбия, умалить впечатление от игры Абаева, говорит лишь в пользу молодого исполнителя. Примечательно, что, возражая против оценки исполнения Султан-Беком Абаевым «Венецианского карнавала» как «неподражаемого», он сравнивает молодого скрипача с Генриком Веньявским, который год тому назад давал концерт в том же зале. «Тот, кто слышал игру Веньявского, не может не заметить, что «Венецианский карнавал» сыгран на концерте г. Абаева хотя хорошо, но далеко не подражаемо». Таким образом, и второе возражение не умаляет успеха Абаева, особенно если учесть, что Веньявский в те годы достиг вершин своего исполнительского мастерства и «Венецианский карнавал» был его любимым произведением. Не случайно и Султан-Бек, будучи учеником Веньявского, овладел блестяще этой виртуозной пьесой. Между прочим, «Венецианский карнавал» побили исполнять и другие ученики Веньявского. И хотя автор заканчивает свою заметку пожеланиями «успеха г. Абаеву и желанием увидеть его впоследствии серьезным деятелем на поприще

избранного искусства», его возражение автору редакционной заметки вызвало резкое выступление последнего в очередном номере «Терских ведомостей». Особое внимание в статье первого рецензента уделялось замечанию А. о том, что Абаеву «недостает серьезного знания музыки».

Ниже приводится выдержка из этой обстоятельной и представляющей большой интерес заметки:

«Далее г. А., признавая вместе с нами редкий музыкальный талант г. Абаева, замечает в то же время, что «ему недостает серьезного знания музыки». Признаться, мы не совсем ясно понимаем, что собственно подразумевает Абаев под «серьезным знанием музыки»; но позволяем себе догадываться, что речь здесь идет о технической или, так сказать, ремесленной стороне исполнения известных музыкальных пьес, а не о музыке вообще, потому что без серьезного знания музыки нельзя производить и сильного впечатления на слушателей, каким бы природным талантом ни обладал артист, а что г. Абаев производит своего игрою сильное впечатление на слушателей — этого не отрицает и г. А. Мы не беремся судить, насколько г. Абаев знаком с техникою своего искусства и насколько игра его в состоянии удовлетворить пристрастного ценителя музыки, основывающего свой приговор не на непосредственном впечатлении, произвольном игрою, но на известных формальных требованиях. Но думаем, что в музыке, как и в других искусствах, важна не форма, а сущность, и что сознательное или бессознательное нарушение этой формы не всегда означает отсутствие самого искусства».

Как известно, нет ни одного замечательного писателя, поэта и оратора, который не подвергался бы ожесточенным нападкам со стороны присяжных ценителей по ремеслу — в незнании установленных правил. Например, Пушкина осуждали на основании старой риторики. Годом за тринадцать лет, изображаемых нам картин и тяжелый слог, обремененный причастиями и деепричастиями, многих европейских ораторов обвиняли в отступлении от правил, указанных Квинтилианом. Но никому не придет в голову отрицать у этих людей серьезное знание своего искусства.

Что музыка не служит исключением из общего правила, доказывает тем, что каждый гениальный или даже выходящий из ряда обыкновенных артист имеет свою особую школу, резко отличающуюся от предшествовавших школ. Этого, конечно, невозможно было бы достигнуть, если бы талантливые музыканты рабски подчинялись раз установленным правилам. Нет спора, для того, чтобы быть поэтом, писателем, оратором, кроме природного дара, нужно еще обладать основательным знанием родного языка; точно так же и талантливому артисту необходимо знать теорию му-

языки. Но дальнейшее развитие должно заключаться не в копировании чужих образцов, а в усовершенствовании собственного таланта самостоятельным трудом...»

Таким доброжелательным отзывом о музыкальном даровании Султан-Бека Абаева заканчивается polemica в «Терских ведомостях». Несмотря на кажущуюся противоречивость в оценке таланта Абаева как музыканта и исполнителя, оба автора, один прямо, другой косвенно, дают весьма высокую оценку игре Султан-Бека. В этой связи большой интерес представляет авторство помещенных в газете заметок. Есть основание полагать, что статья за подписью А. привалдежда К. Арпеховскому, служившему в то время советником областного суда, председателем юрторого был Н. А. Бороздин. К. Арпеховский был инициатором и одним из распорядителей «вокально-инструментального» концерта, состоявшегося незадолго до выступления Абаева, в конце сентября того же года. Заметка о концерте публиковалась в № 42 «Терских ведомостей» за подписями распорядителей: К. Арпеховского и Ф. Эпштейна. Об этом же концерте К. Арпеховский дал небольшую информацию в газету «Кавказ». Именно Арпеховского можно считать первым отзывом о концерте с участием Абаева, ибо речь шла главным образом о Султан-Беке, а о любителях лишь вскользь говорилось, что они выступили «весьма недурно». Что же касается редакционной заметки, то установить ее автора несколько сложнее. Наиболее вероятно, что написана она либо Иналдуком Гадоевичем Тхостовым, либо редактором «Терских ведомостей» Адиль-Гиреем Кешевым. Не исключена также возможность авторства Н. А. Бороздина. В пользу первого (Иналдука Тхостова), говорят: прежде всего — стиль его сочинения, написанного еще в гимназические годы («Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Державину»); употребление выражений «присяжный ценитель» и других, как типичные юридического образования, и, наконец, не кто иной как Иналук Тхостов, в доме которого часто бывал Абаев, мог лучше всех знать о сложившемся «в известном кружке здешнего общества» мнении. Будто г. Абаеву, при несомненном его таланте, недостает серьезного знания музыки».

Не меньше оснований для авторства и у Адиль-Гирея Кешева, имевшего к этому времени значительный опыт разного рода публикаций, одна из них — «Характер адыгских песен» — характеризует автора как человека, интересующегося вопросами музыкальной культуры. В пользу авторства Кешева говорят и его прямая причастность к «Терским ведомостям», что немаловажно. Нельзя исключить и возможное участие в polemике знатока музыки Н. А. Бороздина, для лексикона которого, как юриста, также могли быть характерны упомянутые выражения. Об отношении же к молодому музыканту «в известном кружке здешнего

общества» он мог знать со слов К. Арпеховского — своего советника в Терском областном суде. Наконец, известно, что Бороздин выступал со статьями на музыкальные темы в прессе. Так, в 1866 году в газете «Кавказ» публикуется «Отчет духовного музыкального вечера в г. Ставрополе...» за подписью Н. А. Бороздина. В то время он жил там и занимал должность губернского прокурора. В 1873 году он же, будучи уже членом Тифлисского окружного суда, публикует в той же газете ряд статей под общим заголовком «Музыкальные заметки», в которых освещает различные аспекты музыкальной жизни Тифлиса.

Пolemика на страницах «Терских ведомостей» показала, что в Абаеве Владикавказ признал даровитого музыканта-скрипача.

Успех выступления Султан-Бека Абаева в первый месяц его пребывания во Владикавказе побудил дирекцию местной прогимназии, а возможно и самого начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова (Горский пансион при прогимназии находился в ведении начальника области), организовать для пансионеров прогимназии занятия музыкой «для развития эстетического чувства воспитанников и для доставления им развлечений в свободное от занятий время...»¹¹, поручив это дело Абаеву. Надо полагать, что Султан-Бек с радостью принял предложение. Во всяком случае, уже с 1 января 1870 года он числится учителем музыки в прогимназии. Абаев по-прежнему оглядываясь на него, обязанностям. С первых же дней он полностью погрузился в решение организационных и хозяйственных вопросов. Надо было срочно приобрести необходимые музыкальные инструменты, разработать программу обучения, распределить часы, выделенные на уроки музыки, и т. д. Со своей сторо-

Н. Г. Тхостов, чиновник особых поручений при начальнике Терской области, эстонский этнограф и общественный деятель

¹¹ ЦГА ССАСР, ф. 136, оп. 1, л. 17, л. 15.

ны организаторы не скупились на средства для приобретения инструментов. Уже к 22 января были куплены «новый рояль, по-держанное фортепиано (для начинающих), семь скрипок, два альтя, три флейты, два кларнета, виолончель». Было израсходовано более 900 рублей. С февраля месяца начались занятия. Дети обучались игре на скрипке, фортепиано, виолончели, а также на флейте и кларнете. Султан-Бек обучал игре только на первых трех инструментах, а для обучения на духовых инструментах, флейте и кларнете были приглашены другие лица из оркестров, находившихся во Владикавказе.

С самого начала занятия были объявлены добровольными. Несмотря на это, желающих учиться музыке было очень много, поэтому решено было допускать к занятиям только тех учеников, «которые вполне заслуживают поощрения в виде награды хорошими способностями, также поведением и, кроме того, отличающимся хорошим пением».

Примечательно, что из первых 38 воспитанников, начинавших учиться музыке, 28 занимались у Султан-Бека Абаева, и большая часть из них — 18 избрала скрипку, любимый инструмент своего учителя, шестеро избрали фортепиано и еще четверо — виолончель, остальные обучались игре на духовых инструментах.

Так началась музыкально-педагогическая деятельность Абаева. Следует отметить, что она не ограничивалась только временем учащихся игре на музыкальных инструментах. Немало времени он уделял и обучению детей пению. Есть основание полагать, что занятия пением с учащимися были обусловлены не только трудностями материального характера, которые испытывал Султан-Бек (за уроки музыки была установлена небольшая плата), но и любовью к этому виду искусства, непосредственно связанного с музыкой. Вероятно, она была у него с ранних лет. Не потому ли Абаев был так неравнодушен к церковным песнопениям в бытность свою учеником Ставропольской гимназии. Тогда же сам заинтересовал и сам процесс обучения пению. Я. М. Неверов, пением учащегося-музыканта, считал нужным обратиться на это внимание читателей газеты «Кавказ». Как уже отмечалось ранее, тогда, в 1859 году, в статье «Еще об образовании кавказских горцев» он писал: «Когда воспитанники-христиане учатся пению (их учит священник), Абаев непременно там и следит внимательно за каждым звуком...»

Ввиду отсутствия специалистов, учителя этого обязательного (в отличие от обучения музыке) предмета менялись в прогимназии чуть ли не каждый месяц. Так, с июня 1869 года по ноябрь в разное время уроки пения вели Богомолов (штабс-капитан), Саврава, Краевский, Бигаев, Киндлер (дирекционный капелмейстер). В

конце ноября часть уроков дал Абаев, а в следующем месяце и позднее уже все уроки пения вел он. Таким образом, с начала 1870 года Абаев ведет одновременно уроки музыки в пансионе и пение в прогимназии. Но конечно же основное свое внимание и время он уделяет музыке. Преподавание музыки в пансионе было тем приятнее для Султан-Бека, что из 177 воспитанников 90 принадлежали к различным горским народам Северного Кавказа. Помимо осетин, которые составляли большинство, здесь учились ингуши, чеченцы, кабардинцы и др. Воспитание соотечественников, каковыми он считал не только балкарцев, но и других горцев Кавказа, привитые им эстетических вкусов, пробуждение в них, посредством воздействия музыкой, чувства прекрасного и возвышенного было давней его мечтой. Абаев с увлечением взялся за новое для него дело, и уже через полгода сформированный им оркестр из воспитанников смог исполнить «небольшую пьеску»¹².

Выступлению оркестра состоялось в день посещения Владикавказской прогимназии и Горского пансиона заместителем Кавказа командующим Кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем. Он прибыл сюда в сопровождении попечителя Кавказского учебного округа Януария Михайловича Неверова. Да, того самого Неверова, о котором так много говорилось выше. Не сколько позже он напишет об этом посещении и особо об Абаеве в отчете о состоянии учебных заведений на Кавказе за 1870 год, который будет опубликован в «Журнале Министерства народного просвещения». Я. М. Неверов сообщает в нем, что лично «имеет честь представлять» заместителю Кавказа «во Владикавказской гимназии (10) учителя музыки и пения г. Абаева, горца, получившего образование в Ставропольской гимназии и развившего свои музыкальные способности в Петербурге». «Этот молодой человек», — пишет далее Неверов, — при основательном знании музыки, вообще превосходно владеющий скрипкой, не только успел в короткое время образовать из воспитанников Владикавказской гимназии оркестр, но, заведя и певческим хором гимназии, несмотря на свою принадлежность к мусульманской религии, настолько ознакомился с русской духовной музыкой, что вполне удовлетворительно руководит хором»¹³.

Слова «при основательном знании музыки, вообще превосходно владеющий скрипкой» заслуживают особого внимания. Ведь они исходят от большого знатока музыки, не раз слушавшего выступивших мастеров России и Западной Европы. Конечно же, в оценке деятельности Абаева в гимназии, да и его самого как личности, нашли отражение и личные симпатии Януария Михайловича

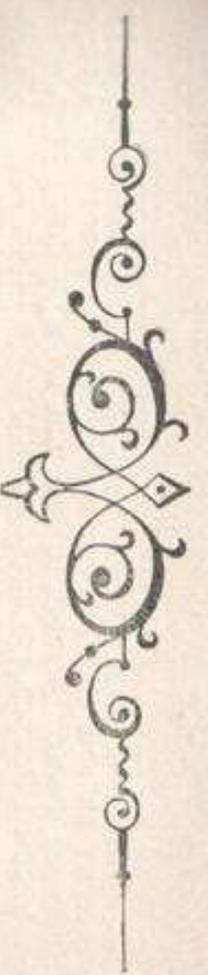
¹² Точные ведомости, 1870, № 35.

¹³ ЖМНП, 1871, № 10 (приложение, с. 143).

ча к Султан-Беку, когда-то воспитывавшемуся под его началом. Не кто иной, как Я. М. Неверов, еще в 1859 году первым сообщил через официальную прессу о редком музыкальном даровании воспитанника Ставропольской гимназии Султан-Бека Абаева. Теперь Неверов мог только приветствовать вступление Султан-Бека на новое поприще. Вель в течение многих лет он сам стремился распространить музыкальное образование в учебных заведениях края. В том же отчете Неверов замечает, что «гимназические оркестры в Ставрополе и Владикавказе изобилуют горцами». По-видимому, и в этом не малая заслуга Султан-Бека Абаева.

Ученческие оркестры создавались и в ряде других гимназий Кавказа. В Ставропольской гимназии подобный оркестр организовался в 1868 году благодаря усилиям преподавателей музыки Кригера и Гофмана, однако руководили они им недолго. После Гофмана учителем музыки стал окончивший консерваторию Шварц. Видимо, под влиянием нового учителя дирекция гимназии заявила «о необходимости иметь у себя по преимуществу оркестр духовых инструментов, что требует несравненно меньше времени для своей удовлетворительной организации»¹⁴. Такое решение объяснялось прежде всего трудностями, с которыми сталкивались преподаватели музыки при подготовке скрипачей, что и подчеркивалось в заключении: «...особенно же затрудняюсь в скрипачах, требующих слишком много времени для своей мало-мальски сносной подготовки».

Несмотря на такие же трудности, Султан-Беку Абаеву в течение длительного времени удавалось сохранять высокий исполнительский уровень созданного и руководимого им ученического оркестра во Владикавказском реальном училище.

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

В первые месяцы своего пребывания во Владикавказе С.-Б. Абаев, судя по всему, встречался с начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым, который поддерживал горцев, имевших образование. Он старался привлечь таких людей к участию в управлении многонациональным краем, не останавливаясь перед назначением их на ответственные должности. Так, по предложению Лорис-Меликова Дмитрий Кодзюков (11), кабардинец по национальности, получивший образование в Московском университете, возглавил работу вновь учрежденной комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев, решавшей кардинальные вопросы поземельной реформы в Кабарде и Балкарши. Чинловником особых поручений при начальнике Терской области длительное время служит осетин Иналук Тхостов, учившийся в Ставропольской гимназии, выпускник Московского университета. В 1867 году во Владикавказе выходит в свет первая газета «Терские областные ведомости». Первым редактором ее был назначен абазинец Адиль-Гирей Кешев, бывший воспитанник Ставропольской гимназии, учившийся затем в Петербургском университете, писатель и этнограф.

По распоряжению Лорис-Меликова Султан-Бека должны были прикомандировать к какой-либо воинской части, с тем чтобы свое основное время он употребил для занятий музыкой в Горском пансионе приprogимназии. Так оно и произошло, хотя для этого потребовалось несколько месяцев тягостного для Султан-Бека ожидания. Как видно из послужного списка Абаева, он был прикомандирован на службу к 1-й Волгской бригаде с составлением при воинском музыкантском хоре» 23 марта 1870 года: «Музыкантский хор», или оркестр Терского казачьего войска,

¹⁴ Ставропольские губернские ведомости, 1871, № 46.

¹ ЦГА СОАССР, ф. 130, оп. 1, д. 714, л. 12—13.

представлял собой солидный коллектив. В его штате числилось более 70 человек. Даром его были штатные музыканты. Помимо них в состав оркестра входили ученики и прикомандированные от строевых полков. С 1870 года оркестром стал руководить Иосиф Иванович Фальб. Выходец из Ботемин, он в 1859 году переехал с оркестром в Россию, где вначале выступал в Таганрогском театре, а затем руководил военным оркестром на Северном Кавказе. В 1870 году по предложению начальника Терской области Дюрис-Меликова Фальб принял оркестр Терского казачьего войска (12). С открытием во Владикавказе стационарного театра (1871 г.) оркестр Терского казачьего войска стал также театральным оркестром. Какие были обязанности у Султан-Бека в музыкальном хорез, весной, по суду по размеру жалования, которое ему выплачивали (около 8 рублей в месяц)? они ограничивались, по-видимому, занятиями с учениками оркестра.

Хорошее настроение от первых успешных выступлений перед Владикавказской публикой и перспективя по службе, которое должно было содействовать Султан-Беку в первые месяцы его пребывания во Владикавказе, омрачалось арестом, ранее наложенном властями на именные матери. Из прошения Абаева, которое было подано в канцелярию начальника Терской области еще в декабре 1869 года, видно, что наложение секвестра сопровождалось оскорблениями в адрес его матери.

Это крайне неприятное для Султан-Бека дело завершилось, как и следовало ожидать, в его пользу. Секвестр, наложенный на именные матери, был снят. Надо полагать, что при рассмотрении этого дела в Терском областном правлении не остались безучастными к нему служившие там чиновники И. Г. Тухостов и А. Г. Кешев.

Летом 1870 года Султан-Бек, используя канцелярное время, побывал в родных местах в Балкарии в верховьях Черека, где проживали многие его родственники из рода Абаевых. Но мать его давно уже не жила в Шканти. После развода с Асламбеком она вышла замуж за Магомета Шакманова и навсегда уехала в Худам, поселение, располагавшееся в соседнем с Балкарским Худамском обществе. Это был типичный балкарский аул. Описание Худам тех лет дали в своей статье известные кавказоведы В. Миллер и М. Ковалевский, останавливавшиеся там во время их известного путешествия в начале 80-х годов по Балкарии. «Через несколько часов мы подъехали к первому горскому аулу Худаму. Подъезжая к нему, мы долго ехали по каменистой узкой дорожке, по обеим сторонам которой тянулись маленькие, разрозненные камнями участки пахоты... плоские крыши покрыты зем-

лей, и если бы не плетеные и вымазанные глиной широкие круглые трубы, мы не догадались бы, что ходите по крыше, а не по зеленой лужайке. Перед четырехугольными жилищами помещенными идут навети на массивных столбах. Отдельно от других построек при каждой сакле помещение для всякого приезжего — куланка...»²

Как же жила в новом браке Фатима Аслановна? Сохранился документ, относящийся к разделу имущества покойного Магомета Шакманова, по которому в какой-то мере можно составить представление об условиях ее жизни и отношении к ней мужа: «...у Магомета было до семи женщин, с которыми он жил, но все они были отпускаемы им, точно так же мать Кайшау была отпускаема не один раз Магометом, и опять Магомет ее брал, но зато настоящая жена Заррахмата (речь идет о Фатиме.— С. С.) с того времени, как была взята Магометом, жила безотлучно при нем до самой смерти его и кроме ее никого при нем не было...»³

Вскоре после смерти Магомета Фатима Аслановна вышла замуж за молодого таубия Джарахмата (Заррахмата), сына Каймата Шакманова из того же селения Худам. Джарахмат, несмотря на свою молодость, выделялся среди односельчан. Он был грамотен, не чууждался новых культурных вещей. После окончания Нальчикской горской школы Джарахмат некоторое время служил в Нальчике переводчиком при начальнике горского участка. После женитьбы он оставил службу и всю последующую жизнь провел в Худаме, где в скором времени стал старшиной общества. Султан-Беку Абаеву он, по-видимому, понравился. Только в таком случае могла у них возникнуть мысль об объединении именов Джарахмата Шакманова, его жены — матери Султан-Бека и самого Абаева в единое целое.

Мысль о соединении имущества, наверное, возникла сразу же после того, как был снят секвестр с именных матери Султан-Бека. Инициатором объединения несомненно была Фатима Аслановна, добившаяся о будущем своего сына. Чтобы придать юридическую силу задуманному объединению имущества сторон, была составлена соответствующая бумага, которая и была вскоре представлена на рассмотрение в Нальчикский горский словесный суд. Вот полный текст этого любопытного документа:

«Условие.

1870 года, августа двя. Мы, нижеподписавшиеся Фатима Шакманова, урожденная Суншева, и Джарахмат Шакманов, заклю-

² Миллер В. и Ковалевский М. В горских обществах Кабарды. — Вестник Европы, 1864, апрель, с. 548.

³ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, л. 341, л. 1.

Число сие условие в том, что имущество, бывшее до сих пор у каздыго отделения — движимое и недвижимое, а также часть имения Абаева, находящегося в Балкарии, кроме кахотного места Бочу-Юк Сабан и покосного места Арт-уду Бечегия, соединили согласно шархата в одно имущество при Худамском Исхак Эфенди с тем, что мы и также сын Фатима, Султанбек Абаев, будем жить вместе и в согласии. Все, что будет приобретено нами всеми, будет поступать в общее имение, долги, а также и прочие спекуляции будут уплачены из имения; в случае смерти Фатимы, найдя еще женою Жарахмата, если Жарахмат, а также Султанбек Абаев не захотят жить вместе, то все имущество разделить пополам, как делют имение два родных брата; когда же Жарахмат умрет и не будет у него детей, то его часть имения достается Султанбеку Абаеву или же Фатиме; в случае же смерти Абаева имение переходит изоборот. Если Жарахмат вздумает развестись с Фатимой, то она при уходе от Жарахмата получит все свое имущество, кроме имения, принадлежащего Жарахмату, полученного им от отца».

Очень скоро суд отклонил просьбу сторон на том основании, что у Джарахмата Шахманова и Султан-бека Абаева есть родные братья и имения их не разделены. Получив отказ, составители «Условия» решили обратиться с прошением непосредственно к начальнику Терской области, Лорис-Меликов, лично, по-видимому, не занимавшийся рассмотрением подобных дел (для этого у него была канцелярия с большим штатом служащих), на этот раз проявив интерес и участие. Возможно, его заинтересовала юридическая сторона дела, но вероятнее всего имевшийся уже личный контакт с Абаевым и заинтересованность в его дальнейшей судьбе. Во всяком случае, уже на следующий день, после подачи прошения (9 февраля 1871 года) он направляет письмо начальнику округа, в котором просит, «если прилагаемые документы окажутся достаточными данными, засвидетельствовать это условие, в противном случае, дабы не требовать Фатиму Шахманову в Налычик, поручить участковому приставу собрать необходимые для дела сведения и затем исполнить, если возможно, просьбу названных жителей вверенного вам округа и о последующем уведомить...»⁵ В ответ на это Налычский суд ответил канцелярии начальника Терской области, что указанное «Условие» не может быть им засвидетельствовано, «так как оно крепостное и на основании... подлежит к засвидетельствованию старшего областного нотариуса».

Лорис-Меликов, неудовлетворенный ответом, повторно обращается к начальнику Георгиевского (13) округа, на этот раз, разъяснив ему, что «условием этим устанавливается из 3-х лиц комиссия общему пользованию движимым и недвижимым имуществом, на какое имущество лица эти имеют свои отдельные права собственности и что этим актом вовсе не устанавливается переход права собственности на недвижимое имущество от одного лица к другому, так как права собственности каждого из устанавливаемых остаются неприкосновенными, поэтому условие, заключаемое Абаевым и др., следует отнести к числу актов...»⁷ и т. д. Лорис-Меликов заключает, что решение вопроса об «Условии» в компетенции Налычского горского суда, поэтому предлагает его засвидетельствовать.

Судя по расписке, данной Абаевым 23 августа 1871 года, акт «о соединении имений» был засвидетельствован. Занимаясь делами, связанными с объединением «имений», Абаев ближе познакомился с многочисленным родом Шахмановых, издавна населявших Худам. Его внимание привлекла семья таубия Иссы Шахманова, наиболее влиятельного из рода Шахмановых. Еще в 1859 году в числе немногих балкарцев он был избран в комитет по разбору личных и поземельных прав кавказских горцев. В комитете он представлял Худамское общество. Во второй половине 60-х годов Исса Шахманов принимал активное участие в освобождении зависимых сословий. Он, по-видимому, придерживался передовых для своего времени и окружения взглядов и на вопросы образования. Во всяком случае, когда возник вопрос об обучении горцев Терской области сельскохозяйственному и ремесленному делу, организованному при практическом хуторе Лачино близ Тифлиса, он сразу же поддержал своего сына Давлет-Гирек, околывшего до этого Налычскую горскую школу, в его желании поехать туда учиться. Всего от Терской области на учебу в Лачино было направлено семеро горцев; от Кабардинского округа тогда, в августе 1867 года, были выбраны лишь двое, в том числе и Давлет-Гирек, «изъявившие желание, — как говорились в рапорте начальника округа начальнику Терской области, — приобрести познания в сельском хозяйстве и ремеслах и вполне соответствующие требованиям...»⁸ Дальнейшая судьба сына Иссы Шахманова сложилась довольно интересно, хотя и закончилась печально.

Практический хутор в Лачино был учрежден несколькими годами ранее Кавказским обществом сельского хозяйства «для приобретения опыта, введения в крае новых культур, и применения

⁵ ЦГА КВАССР, ф. 29, оп. 1, л. 17, а. 1.

⁶ Там же, д. 10.

⁷ Там же, д. 13, 14.

⁸ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 7, л. 261, а. 19.

улучшенных земледельческих орудий, а также для практического обучения сельскому хозяйству молодых людей из горцев»⁹.

Давлет-Гирей попал в практический хутор Лачино в период его становления. Работы было много. Основные работы на хуторе выполнялись силами самих учащихся. Но тяжелый труд не испугал его, сына горского князя. Обучался и работал он на хуторе два года, все это время был в числе лучших учеников, и за успехи в учебе его отметили наградой.

Давлетнее пребывание в Лачино возбудило у молодого горца из Худлама желание продолжить дальнейшее образование, и поэтому летом 1869 года Давлет-Гирей обращается с просьбой к начальнику округа «о принятии в нем участия в отношении продолжения им наук по сельской части в одном из высших заведений...»¹⁰. С такой же просьбой обратился к начальнику округа и Исаа Шакманов, и на этот раз поддерживавший стремление сына к образованию.

Тем временем само Кавказское горское управление, видя бесполезность дальнейшего пребывания горцев в Лачино, забрав их из хутора, намереваясь, если не встретится каких-либо препятствий, отправить в следующем же году в училище, при императорском Никитском саду учрежденное, или в другое какое-либо, из числа расположенных на юге России, сельскохозяйственное заведение, для усовершенствования...». Вскоре место определилось. Им было учреждено в 1868 году при Никитском ботаническом саду в Крыму училище садоводства и виноделия. Училище было открыто летом 1869 года.

Пока шла переписка по поводу определения горцев в училище, Давлет-Гирей, вернувшись из отпуска в конце лета в Тифлис, как видно из Бумаг Кавказского горского управления: «дабы не оставить его здесь вовсе без занятий, он отдал временно в Александровскую учительскую семинарию, для учения...»¹¹ Такое решение властей не могло не порадовать Давлет-Гирей. Наверное, это были самые счастливые дни в его жизни. Теперь можно было не сомневаться в благоприятном исходе дела и в том, что вперед его ждет интересная учеба. Окончательного решения пришлось ждать несколько месяцев. Но, надо полагать, что это время не было тягостным для Шакманова, если учесть, что здесь, в Тифлисе, совсем рядом, в женском учебном заведении св. Нины находились его милые землячки — Фуза Шакманова и сестра Султан-Бека Абаева Ханифа. К тому же Фуза, дочь Умара Шакманова,

приходилась ему родственницей. Безусловно, при первой же возможности он старался забежать к ним, как это позволяло строгое начальство заведения.

Наконец 30 декабря, перед самым началом нового года, небольшая группа горцев с Северного Кавказа, в составе которой был и Давлет-Гирей, была отправлена из Тифлиса в Крым. В январе 1870 года она прибыла парходом из Сухум-Кале в Ялту, небольшой в то время курортный городок на южном берегу Крыма.

Недалеко от Ялты находилась Никитский ботанический сад, а при нем училище, в котором учился Давлет-Гирей Шакманов. Теоретические занятия в классах, подкрепляемые практическими работами в саду и на виноградниках, должны были нравиться Давлет-Гирею не меньше, чем это было в Лачино. Но здесь все было на более высоком уровне, да и окружающая природа должна была воодушевлять и радовать: постоянно рядом слышны шелест листвы, волнующая своим простором морская ширь, великодушный, почти круглый год в цвету Никитский ботанический сад.

Но радость учебы и труда в Никитском училище садоводства и виноделия была для Давлет-Гирей недолгой: всего год с небольшим. Не случись с ним беды, наверное, его учеба и здесь была бы отменена наградой, как это уже было ранее в Лачино, и училище он закончил бы с хорошими результатами. Но она случилась. В феврале 1871 года он заболевает тяжелой формой туберкулеза. Не помогает и лечение в Ялтинской больнице. Подождав несколько месяцев, что по рекомендации лечащего его земского врача он должен был навсегда распрощаться со школой и Крымом. Уже 27 марта управление Сухумского отдела сообщило начальнику Кавказского горского управления: «Директор императорского Никитского сада препроводил ко мне... уроженца Терской области горского воспитанника Давлет-Гирей Шакманова со свидетельством врача о расстройстве его здоровья под присмотром другого горского воспитанника Баракова, просит содействия моего к дальнейшему направлению на родину...»¹² Шакманов не может продолжать свои занятия по болезни...»¹³ Вот так печально и к большому огорчению для Шакмановых окончилась странствия Давлет-Гирей. Вернувшись домой, он, вероятно, впервые встретился с Султан-Беком Абаевым, о котором много слышал. С некоторых пор Абаев при каждом своем приезде в Худлам не забывал заглянуть в их дом, поговорить с отцом на разные интересные обиходные темы. Причиной такого внимания со стороны Султан-Бека к семье Исаа Шакманова была юная дочь хозяйки Бабуш. Полюблилась она Абаеву. Хотя чувство это не было взаимным, летом 1871 года они поженились. Султан-Бек

⁹ Записки Кавказского общества сельского хозяйства, 1869, с. 19. (Из отчета секретаря общества за 1867 и 1868 гг.)

¹⁰ ЦГА КВАСР, ф. 2, оп. 1, д. 860, л. 19.

¹¹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 7, д. 261, л. 59, 69.

¹² Там же, л. 81.

не терял надежды, что рано или поздно «стерпится — слюбится».

В первое время после возвращения из Петербурга Абаев много времени уделяет и своим родным братьям и сестрам. Особое беспокойство доставляет ему Кайтуко. Направленный как один из лучших учеников Нальчикской горской школы для продолжения образования в Ставропольскую гимназию, он неожиданно для всех забросил там учебу и через год, в конце сентября 1870 года, был исключен из нее с формулировкой: «за полную неуспеваемость в науках». Возможно, что в этом отрицательную роль сыграло затянувшееся более чем на полгода решение вышестоящим начальством вопроса о правомерности зачисления Кайтуко в гимназию. Как бы то ни было, он остался не у дел, и Султан-Беку вновь пришлось обращаться за поддержкой к М. Т. Дорис-Меликову и И. Г. Тхостову, о чем свидетельствует следующее отношение, направленное канцелярией начальника Терской области начальнику Георгиевского округа 12 марта 1871 года: «Праворучик Миглиш Султан-Бек Абаев обратился к начальнику области с просьбой о зачислении родного брата его родом из Георгиевского округа Балкарского общества таубии Кайтуко Абаева пансионером на счет Кабардинской общественной суммы во Владикавказское ремесленное училище. Сообщая об этом вашему высокоблагородию, канцелярия по поручению его превосходительства просит вас уведомить для доклада генерал-адъютанту Дорис-Меликову, не встретится ли с вашей стороны препятствий к зачислению Абаева пансионером в названное училище на счет Кабардинской общественной суммы.

За правителя канцелярии Ин. Тхостова»¹³.

Конечно же после такой «бумажки» можно было ожидать скорого положительного ответа. Так оно и случилось. Начальник округа сообщил, что с его стороны препятствий нет, и Кайтуко вскоре после этого был зачислен в ремесленное училище.

В противоположность Кайтуко младшая сестра Абаева, Ханнифа, успешно овладевала знаниями в женском учебном заведении св. Нины в Тифлисе. По экзаменационным ведомостям, ежегодно представляемым начальнику округа Советом благотворительного общества, в ведении которого находилось училище, видно, что с возвращением брата из Петербурга Ханнифа, и ранее отличавшаяся хорошими успехами, стала учиться еще лучше. В экзаменационной ведомости за первое полугодие 1871 года у нее по всем предметам (русскому языку, математике, истории, географии, естественным наукам), за исключением рукоделия, только пятерки. Так что Султан-Бек мог быть доволен своей сестрой. Хорошо училась и ее подруга и землячка Фуза Шахманова. Девушки-

горянки считались лучшими ученицами учебного заведения. Принимая во внимание успехи в ученье балкарских девушек Ханнифы Абаевой и Фузы Шахмановой, начальник Георгиевского округа решил просить Совет благотворительного общества св. Нины предложить им, не останутся ли они «по окончании курса наук еще на один год в заведении, для слушания педагогических курсов. В таком случае, — писал он далее, — я позабочусь прискаты им занятия, соответствующие их специальному образованию в деле воспитания».

Предложение Совета, как и следовало ожидать, очень обрадовало девушек: «...они с особенной готовностью, — сообщалось в ответе начальнику Георгиевского округа, — изъявили свое согласие остаться по окончании курса наук еще на один год в заведении, для слушания педагогических курсов».

Перед ними открывались заманчивые перспективы учительской деятельности в родных краях. Но для зачисления в педагогический класс одного желания воспитанниц было недостаточно. Требовалось решение педагогического совета заведения св. Нины. В мае 1872 года этот совет на своем заседании «за отличные успехи удостоил перевода в 7-й класс для слушания педагогических курсов окончивших курс наук в пансионе заведения девиц: Хуже [Фуза] Шахмановой и Ханнифы Абаевой»¹⁴. Таким образом, балкарские девушки Фуза и Ханнифа стали первыми горянками, которые решились вступить на трудный, но благородный путь просвещения родного народа. Одной из них, Ханнифе Абаевой, не пришлось закончить курсов. В ноябре того же года Совет благотворительного общества св. Нины уведомил начальника Георгиевского округа о том, что «воспитанница Тифлисского заведения св. Нины девица Ханнифа Абаева сего числа [15 ноября 1872 года] вышла замуж за учителя Бакинской гимназии Гасан-Бека Меликова... свадьба эта состоялась неожиданно и то с разрешения августейшей председательницы общества госпожи великой княгини Ольги Федоровны»¹⁵.

Сама Ханнифа Абаева, она же Ханнифа-Ханум Меликова, болтает чем через полвека, уже в советское время, вспоминая тот памятный день, писала: «В этом 1872 году в газете «Кавказ» появился список девиц, окончивших учение в Тифлисском заведении св. Нины. В числе окончивших курс была и Ханнифа-Ханум Абаева, урожденная Терской области, г. Нальчика. Желая устроить себе новую жизнь на новых для мусульман разумных началах, Гасан-Бек, естественно, пожелал иметь подругу жизни интеллигентную женщину и с этой целью поехал в Тифлис, чтобы познано-

¹³ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1072, л. 35.

¹⁴ Там же, л. 547, л. 96, 99, 104.

¹⁵ Там же, л. 107.

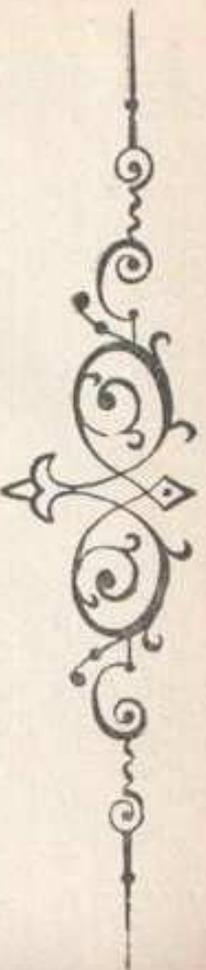
Хайфа-Ханув и Гасан-Бек Меликовы

миться с интеллигентной мусульманкой. Познакомившись с Абаевым, Гасан-Бек увидел, что и она одна с ним взглядов и стремлений. Решили пожениться и совместно работать»¹⁶.

Гасан-Бек Меликов (в будущем известный просветитель азербайджанского народа — Гасан-Бек Зардаби) родился в селении Зардоб в Азербайджане, в семье проторшика Сетим-Бека. Первоначальное образование получил в Шемахинском училище, отсюда за успехи в учебе был отправлен на казенный счет учиться в Тифлис. После окончания 1-й Тифлисской гимназии он поступает в Московский университет. В 1865 году, окончив университет с степенью кандидата, Гасан-Бек возвращается на Кавказ и определяется на службу в Тифлискую межевую палату. Через некоторое время он переезжает в г. Куба, где работает секретарем мирового суда. Но эта работа, по-видимому, мало удовлетворяла Гасан-Бека Меликова, и он решает посвятить себя преподавательской деятельности. В 1869 году он переезжает в Баку и становится учителем естественной истории в реальной гимназии и в женском учебном заведении св. Нины.

Начало деятельности Гасан-Бека в роли учителя не прошло незамеченным. В отчете о состоянии учебной части за 1869 год попечитель Кавказского учебного округа Я. М. Неверов обратил особое внимание на Меликова. Он писал о нем, что «это первый пример учителя наук мусульманина в гимназии». К этому периоду в жизни Гасан-Бека следует отнести и заочное его знакомство с С.-Б. Абаевым: просматривая или заслушивая на заседаниях педагогического совета гимназии отчет попечителя округа за 1870 год, он не мог не обратить внимания на восторженный отзыв, данный Я. М. Неверовым Абаеву — учителю музыки во Владикавказской гимназии, горцу-мусульманину. С.-Б. Меликов должен был заинтересоваться личностью Абаева и его музыкальной деятельностью в Горском пансионе. Более того, уже в это время деятельность Султан-Бека могла пробудить в Гасан-Беке мысль о необходимости культурно-просветительской работы среди азербайджанцев. Не повлияло ли это заочное знакомство с Абаевым и на выбор подруги жизни? Во всяком случае, быстрое замужество Хайфы не могло бы состояться, если бы Меликову не импонировала семья Абаевых: ее покойный отец, Асламбек, первым из горцев осмелившийся послать свою дочь учиться в Тифлис, и ее брат, Султан-Бек, которые, не страшаясь религиозных фанатиков, своим примером и действиями прокладывали путь к культуре и просвещению горского населения Кавказа.

¹⁶ Рукописный фонд Академии наук АзССР. Архив Зардаби, Хайфа-Ханум Меликова. Биография Г.-Б. Меликова, с. 27.

ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ

Восторженный прием, оказанный владикавказской публикой Султан-Беку Абаеву во время его первого концерта перед большой аудиторией в конце декабря 1869 года, и последовавшая затем полемика на страницах «Терских ведомостей» были предюдией к его дальнейшим успехам. Судя по публикациям в печати, этот концерт был не последним в ту памятную зиму. В феврале 1870 года та же газета поместила «Письмо в редакцию», из которого видно как то, что он еще выступил с концертами, так и то, что владикавказская публика стала скучать, как только они прекратились: «...г. Абаев и его соучастники после двух-трех концертов, умогли. Гг. любители театра — тоже... Гг. любители могли бы, хоть из сострадания к публике, дать несколько представлений...»¹

Следующий концерт с участием Абаева, получивший широкий отклик в печати, состоялся через год, в феврале 1871 года. К нему готовились основательно и заблаговременно сообщили в печати. О намечавшемся концерте можно было узнать из газеты «Кавказ», поместившей корреспонденцию из Владикавказа, в которой сообщалось, что на 2 февраля там «назначен в городском клубе любительский музыкальный концерт с благотворительной целью, в коем примут участие большей частью лица из... [Горцев], а также и г. Абаев, известный уже нашей публике своим музыкальным искусством»².

Концерт был организован с целью оказать помощь воспитаннику Ставропольской гимназии Михаилу Коченову, дать ему возможность продолжить образование в консерватории. Материальное положение его семьи не позволяло юноше рассчитывать на ее

поддержку. Вся надежда была на казенную стипендию, которая впоследствии и будет ему выделена по решению дирекции Ставропольской гимназии, но пока он был без необходимых средств. С.-Б. Абаев знал о затруднениях Коченова и не иначе как сам выступил инициатором этого концерта. Тем более, что с подобными трудностями ему уже приходилось сталкиваться самому. Помимо Султан-Бека Абаева и Коченова, в концерте выступили Долгиев и две любительницы.

Концерт имел большой успех. О нем писали не только в «Терских ведомостях» и «Кавказе», но и в «Петербургской газете». Во всех газетах прежде обращалось внимание читателей на национальный состав концертантов. «Терские ведомости» отметили, что «все трое участвовавших в нем мужчин, происхождением горцы Терской области: кабардинский горец г. Абаев, замечательную игру которого не в первый раз уже слушала владикавказская публика; ингуш (г. Долгиев, тоже скрипач) и осетин (г. Коченов)»³. В газете «Кавказ» о концерте в пользу Коченова сообщалось: «Он родом осетин и играет на корнет-а-пистоне. Замечательно, что в концерте принимали участие еще два... [горца] музыканта, один кабардинец [балкарец] скрипач г. Абаев, другой ингуш г. Долгиев, тоже скрипач»⁴. Эту же характеристику черту концерта отметила и «Петербургская газета»⁵.

Так во взаимной поддержке рождалась новое отношение между кавказскими горцами. Концерт имел еще одну примечательную особенность: горцы, которые еще совсем недавно не имели понятия о классической музыке, теперь выступили одновременно группой в несколько человек с большой концертной программой. В марте 1872 года «Терские ведомости» объявили еще об одном концерте, устроенном на этот раз, как сообщила газета, «в пользу некоторых недостаточных молодых людей из здешних... [Горцев], с целью предоставить им возможность поступить в высшие учебные заведения». Хотя концертанта и не назвали по имени, участие Абаева не вызывает сомнения. Если речь зашла о помощи нуждающимся, Султан-Бек Абаев неизменно готов был поддержать любое решение, считая это своим священным долгом. Уже через несколько месяцев после прибытия во Владикавказ он выступает в любительском благотворительном спектакле — исполняет соло на скрипке, о чем сообщалось в газете «Кавказ». «В промежутках, — писала газета, — усаждал наш слух своим даровитым смачком молодой артист г. Абаев»⁶.

¹ Терские ведомости, 1870, № 9.

² Кавказ, 1871, № 17.

³ Терские ведомости, 1871, № 6.

⁴ Кавказ, 1871, № 20.

⁵ Петербургская газета, 1871, № 32.

⁶ Кавказ, 1870, № 39.

О том, с какой добросовестностью относился Султан-Бек Абаев к участию в благотворительных концертах, говорит следующий случай, происшедший в апреле 1872 года. На 19 апреля назначался любительский спектакль. Абаев должен был исполнить на нем соло на скрипке. В тот день, задолго до спектакля, он зашел к Иналуку Тхостову, который передал ему, что спектакль отменяется. В связи с этим вечер Султан-Бек проведет у Тхостова. Однако спектакль все-таки состоялся. Во время антракта один из любителей объявил, что Абаев болен и выступление его отменяется. На Султан-Бека такое стечение обстоятельств подействовало, по-видимому, очень отрицательно. Всегда для навстречу пожеланиям общества, он сам часто организовывал концерты с благотворительной целью и теперь был поставлен в неловкое положение. Стремясь в какой-то мере загладить свою неловкую вину перед Абаевым, Тхостов пишет обстоятельное письмо в редакцию «Терских ведомостей», в котором объясняет суть дела:

«Г. Редактор! Так как я причиню неловкого положения, в которое был поставлен артист Абаев во время любительского спектакля, бывшего 19-го апреля в пользу бедных, то надеюсь, что вы дадите место настоящему моему заявлению. Афишами, прибитыми к столбам Владикавказского бульвара и разносимыми по городу, объявлено, что упомянутое представление будет 19-го апреля 1872 г. и что билеты на вход можно получить у распорядителя, князя П. А. Туманова. Затем, накануне представления, именно 18-го числа апреля 1872 года, я был в клубе и, встретившись с князем Тумановым, узнал от него, что спектакль, назначенный на 19-е число, отменен на 21-е по случаю болезни г-жи Сафоновой. Ввиду этого заявления распорядителя, князя П. А. Туманова, я уверил г. Абаева, пришедшего ко мне 19-го числа в час пополудни, что спектакль по болезни Сафоновой отложен на пятнадцатую 21-е число и в доказательство привел ему весь разговор свой с князем Тумановым, присовокупив при этом, что и я бы пошел в театр. Так как и у меня есть билет на это представление. Не имея причин не верить мне, г. Абаев остался у меня, и мы просидели вместе целый вечер. На другой день я узнал, что спектакль состоялся и один из любителей-артистов во время антракта со сцены объявил публике, что по внезапной болезни г-на Абаева он созою на скрипке играть не будет.

Г. Абаев, как можно усмотреть из изложенного, был здоров и невредим 19-го числа, но неловкой в театр обязан распорядительности князя Туманова, по милости которого многие благотворительно купившие себе на этот спектакль билеты остались у себя на квартирах, ожидая 21-е число.

Им. Тхостова?»

⁷ Терские ведомости, 1872, № 16.

Абаев никак не принимал к сердцу нужды других и в особенности учащихся, тех, чьи родители по бедности своей неспособны были собственными силами дать им образование. Безотказно участвовал он в различного рода благотворительных концертах: в пользу бедных учеников реального училища и учениц Ольгинской женской гимназии, в пользу учеников Лорис-Меликовского ремесленного училища и общества по распространению образования среди горцев, в пользу сирот нагих воевод и раненых, «на посылку в Петербург для поступления в высшие специальные заведения пятерым окончившим курс в училище молодым людям» и пр. И никогда не принимал Султан-Бек Абаев позы пассивного участника концертов, вынужденного выступать лишь постольку, поскольку ему неудобно отстать от других, а наоборот, он часто сам становился инициатором подобных концертов.

Вот сообщение газеты «Терские ведомости», свидетельствующее об этой стороне деятельности Абаева: «На праздниках любителей... предполагают дать концерт в пользу Лорис-Меликовского ремесленного училища... Выразили готовность участвовать г. Абаев, г. Фальб с оркестром Терского казачьего войска. Концерт будет разнообразен и, судя по горячему участию любителей и серьезных приготовлением, привлечет публику...»⁸ «Нам передавали, что в первой половине этого месяца г. Абаев, при участии любителей музыки и певца, даст концерт с благотворительной целью. Программу концерта обещают самую разнообразную, в выполнении ее — участие наших любимейших артистов и артисток. Будем надеяться, что ни дурная погода, ни недостаток сочувствия в публике не помешают осуществлению доброй мысли г. Абаева»⁹.

Иногда он сам дает концерты, а вырученные деньги идут на нужды учеников реального училища. В циркулярах Кавказского учебного округа неоднократно сообщалось о таких пожертвованиях. В 1878 году была вынесена благодарность «учителю музыки при пансионе Владикавказского реального училища, прапорщику Султан-Беку Абаеву за пожертвование им в пользу бедных учеников училища III P., вырученных от данного им с благотворительной целью концерта». В 1880 году от попечителя Кавказского учебного округа — снова благодарность: «...учителю музыки Владикавказского реального училища Султан-Беку Абаеву, пожертвовавшему в пользу бедных учеников училища 80 руб. из сбора с данного им 25-го марта концерта»¹⁰.

Трудно переоценить ту помощь, которая оказывалась бедным

⁸ Терские ведомости, 1876, № 52.

⁹ Терские ведомости, 1879, № 36.

¹⁰ Циркуляр Кавказского учебного округа, 1878, № 3, с. 54—55 (Терские ведомости, 1878, № 22), 1880, № 4, с. 171.

учащимся благодаря усилиям Абаева на протяжении всей его жизни. В реальном училище, например, где Султан-Бек проработал многие годы, прежде всего благодаря ему ни один из нуждающихся воспитанников не был отчислен из училища из-за неуплаты денег за обучение. Попечитель Кавказского учебного округа в отчете за 1878 год, касаясь постановки музыкального образования во Владикавказском пансионе при реальном училище и отмечая благотворное влияние музыки и пения на эстетическое развитие воспитанников, пишет, что «...оба эти искусства принорочены заведенно еще и следующую пользу. Ученический оркестр и хор дают по временам концерты в пользу бедных учеников училища, и благодаря сборам, полученным от таких концертов, постоянно представляется возможность оказывать пособие беднейшим ученикам и провозводить взносы за правоучение. При этой мере за все время существования реального училища, как сообщается в своем отчете директор, — ни один из учеников не был исключен из заведення за невозможность платы за правоучение...». А вот и конкретные цифры, наглядно иллюстрирующие вышеуказанные слова, которые были приведены директором реального училища в его отчете: «Со времени существования ученического оркестра, собрано 934 рубля, которые внесены за учение 102 учеников»¹¹.

Какой широкой душой и добрым сердцем нужно было обладать Султан-Беку Абаеву, чтобы постоянно терпеть нужду, получая за свои труды гораздо меньшее денежное вознаграждение, чем коллеги по реальному училищу, не жалея своих сил и здоровья, так беспокоиться о судьбе других.

Чтобы как-то облегчить свое материальное положение, Абаев иногда выступает в концертах для сбора средств «в свою пользу». Особенно примечателен такой концерт, данный 1 ноября 1879 года оркестром Терского казачьего войска совместно с Абаевым и другими любителями и «привлекший массу публики: театр был полон»¹².

Оркестр Терского казачьего войска под руководством Фальба пользовался уже с середины 70-х годов славой одного из лучших оркестров на Кавказе. «Театральный оркестр (Терского казачьего войска), бесспорно, составляет одно из лучших украшений нашего театра», — писал тогда в «Терских ведомостях». «Мы живо помним те восторги, которые вызывал оркестр прошлым летом на Кавказских Минеральных Водах, где он играл во время сезона. Публика пожелательно изумилась ему, подчас даже сравнивала его со знаменитыми оркестрами Штрауса и Гунгля и недоумевала,

да, каким образом наши терские казаки могли быть доведены до такой виртуозности, блеска и даже шик в исполнении пьес».

Наибольший успех в этом концерте выпал на долю «любимца владикавказской публики» Султан-Бека Абаева. «Из всех выпущенных номеров программы, — писал рецензент, — особенный восторг публики был возбужден игрою г. Абаева. Особенно блестятельно прошел «Венецианский карнавал» (во II отделении), вызвавший долго не умолкавший гром аплодисментов»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом концерте, как и в первом, который Абаев давал в 1869 году, сразу по приезде во Владикавказ, он захватывает и приводит в восторг публику исполнением «Венецианского карнавала», любимого произведения скрипачей-виртуозов и импровизаторов от Паганини до Венявского. Именно Генрик Венявский «неподнял эту музыкальную шутку с необыкновенной быстротой, легкостью и увлеченно», как отмечали современники. До конца жизни он любил и продолжал исполнять ее. Музыкант Теопольд Ауэр, вместе с Николаем Рубинштейном бывший вице-железнодорожного Венявского незадолго до его смерти, впоследствии в своих воспоминаниях писал, что «когда серьезное состояние его здоровья на минуту отпустило его сознание, он, как будто бы предчувствуя приближение смерти, сказал: — Запомните, вы оба, что «Венецианский карнавал» умирает вместе со мной. Он говорил, — продолжал Ауэр, — о той блестящей виртуозной вещи, которую Эрнст неважно стал популяризировать и которая является одним из крупнейших триумфов для самого Венявского. Действительный смысл его фразы был тот, что вместе с ним кончилась славная пьеса виртуозов, как таковых, — последователей Паганини»¹⁴.

Восторг, вызванный у публики исполнением «Венецианского карнавала» Султан-Бекон Абаевым, говорит о его незаурядном исполнительском мастерстве.

К концу 70-х годов, то-есть к периоду творческой зрелости, концерты дается Абаева становится наиболее значительной. Его выступления в эти годы вместе с признанными мастерами вокального и инструментального жанра, в том числе с артистами императорских театров, приезжавших на гастроли во Владикавказ, позволяют благодаря возможности сравнения дать объективную оценку его таланту и успеху у владикавказской публики.

К этому времени центр общественной и культурной жизни Северного Кавказа перемещается из Ставрополя во Владикавказ.

¹¹ Там же.

¹² Г. В. Эрнст — чешский скрипач и композитор.

¹³ Ауэр Теопольд. Средств музикалтов. II, 1927, с. 123—124.

Отмечая необыкновенно быстрый рост Владикавказа, один из корреспондентов газеты «Кавказ» в середине 70-х годов писал: «Ну, право, Владикавказ быстрее вырос, чем вырастают города в Америке, при совершенно неодинаковых условиях». Росло в городе и число поклонников сценического и музыкального искусства. Местными любителями чаще даются спектакли и концерты. Участились и выступления приезжих знаменитостей. Если ранее большинство из проезжавших через Владикавказ артистов по разным соображениям не считало нужным встречаться с местной публикой, то теперь положение изменилось. Известные мастера, выступая в концертах, развивали художественный вкус местных жителей, помогали им учиться давать оценки творчеству того или иного артиста.

В этой связи представляют интерес выступления Абаева вместе с известной приданной итальянской оперы Адой Фабиани. Фабиани была одной из популярнейших концертных певиц 70—80-х годов прошлого столетия. Ее пение обычно вызывало восторженные отзывы современников. Так, о ее выступлении в Петербурге с известным виолончелистом А. В. Вержбиловичем в конце 80-х годов в «Музыкальном обозрении» писали: «Фабиани можно смело приписать к лучшим концертным певицам в стро-том смысле слова».

В концертах, состоявшихся 4 и 25 января 1875 года, помимо Фабиани и Абаева, приняли участие и другие артисты и любители, в том числе артист императорских театров Д. И. Соколов. Абаев выступил с большой и разнообразной программой, что лишний раз подтверждает полное признание его таланта организаторами концерта.

Репертуар включенных в программу Султан-Бека Абаева музыкальных номеров свидетельствует о его вкусах и исполнительском мастерстве. Он сыграл: «Элегию» и «Большую фантазию» Эрнста на темы из оперы «Отелло», «Камаринскую» Глинки и «Романс», музыку для пения и скрипки немецкого композитора Б. Ромберта. Наконец, по просьбе публики особенно удачно он выразил иррой на скрипке настроение полудлившего неца, поющего «По улице мостовой»¹⁵. Аккомпанировал Абаеву на первом концерте Лукашевич (артистка) и Ю. С. Руднева (любительница), под аккомпанемент последней он играл «Элегию» и «Большую фантазию» из «Отелло» Эрнста. На втором концерте Абаев с Бородиным, артистом местной труппы, и Рудневой (фортепиано) с большим успехом исполнили «Вальс меланхолик». На этом же концерте Абаев выступил сого с «Большой фантазией для скрипки из «Тамбурди» (аккомпанировала Руднева). Оба концерта вы-

звали широкий отклик в печати. Особый успех выпал на долю Султан-Бека Абаева. «Игра на скрипке г. Абаева, этого любителя пашей публики, сопровождалась многими востонами»¹⁶. — сообщила «Терские ведомости» о выступлениях Абаева на первом концерте, а несколько позже та же газета в обширной заметке о втором концерте, «в котором приняла участие почти все музыкальные силы, находившиеся налицо во Владикавказе, писала: «Героем вечера (в музыкальном отношении) был, бесспорно, г. Абаев. Нам редко приходится слышать такую бархатистость и нежность звука, какою отливается его игра на скрипке; в ней ясно слышна знаменитая школа Вьетана* и Венявского. Характер музыки г. Абаева преимущественно эгегический и минорный, так что все бравурные мотивы у него большей частью выходят не эффектны; но зато там, где нужна неувящая мелодия, где музыка выдает в меланхолический тон, там г. Абаев просто чарует своею скрипкою, и звуки ее, что называется, льются прямо в душу...»¹⁷

Этот и ряд других отзывов, касающихся игры Абаева, подтверждают, что на его манеру исполнения, на выбор им музыкальных пьес существенное влияние оказали занятия под руководством Генрика Венявского в Петербургской консерватории. В репертуаре Абаева не случайно преобладают произведения выдающихся скрипачей, последователей Паганини: Эрнста, Вьетана, Венявского. Их произведения он исполнял, у них учился, по их заветам совершенствовал свое мастерство.

На обоих концертах успешно выступили также Д. И. Соколов, прочитавший несколько рассказов, и артист местного театра Бородин, который предстал перед публикой как виолончелист, скрипач и певец.

Любопытный случай произошел на втором концерте (25 января): «После исполнения «Вальса меланхолик» двумя скрипками (Абаев и Бородин) и фортепиано (Руднева) требовали энергично bis; вышли все трое исполнители и, когда публика умолкла, в ожидании повторения, один спешивший в первом ряду кресел, закричал: «Абаев, bis, Абаев, bis, Абаев, bis!» Трью разошлось: Абаев (любитель) остался посредине сцены, Руднева (любительница) села возле фортепиано, Бородин ушел за кулисы»¹⁸.

Восторженный прием, оказанный Абаеву на этих концертах, свидетельствует о том, что уже к середине семидесятых годов он достигает больших высот исполнительского мастерства. Не случайно к этому времени Султан-Бек становится «любимцем владикавказской публики» и остается им до конца своей жизни.

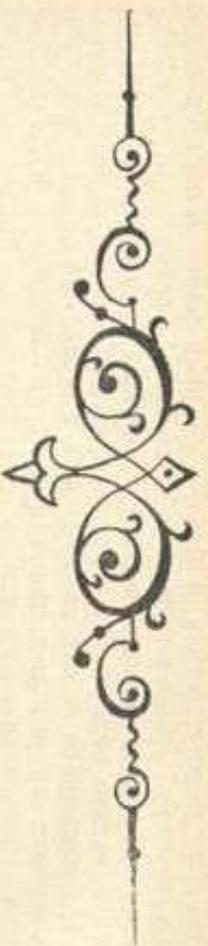
¹⁵ Кавказ, 1875, № 9.

¹⁶ Терские ведомости, 1875, № 2.

* А. Вьетти — бельгийский скрипач и композитор.

¹⁷ Терские ведомости, 1875, № 6.

¹⁸ Кавказ, 1875, № 29.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Значительных успехов достигает Султан-Бек Абаев и в музыкально-педагогической деятельности. Созданный им в 1870 году при пансионе реального училища учебный оркестр становится одним из лучших оркестров учебных заведений Кавказа. Мало того, ни об одном учителе музыки или руководителе оркестра, служивших в учебных заведениях края, не было написано столько лестных отзывов в печати, сколько о Султан-Беке Абаеве. Учебные оркестры при гимназиях возникли и в ряде других городов Кавказа, однако, как правило, они не отличались таким мастерством исполнения. Непостоянство состава оркестрантов часто не позволяло некоторым учителям музыки поддерживать на высоте уровень игры оркестра.

В то же время руководители Владикавказского реального училища в ежегодных отчетах, как правило, отмечают хорошее состояние оркестра и старания учителя музыки Абаева. «Благодаря особому усердию и той любви к музыке, которую умеет внушать ученикам Абаев,—говорится в одном из отчетов по реальному училищу,—ему удается поддерживать стройность оркестра, несмотря на частую замену новичками части музыкантов, бывающих из оркестра за окончанием курса¹. В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1879 год сообщается, что «владикавказский пансион имеет прекрасный оркестр, руководимый г. Абаевым, знатоком музыки и занимающимся преподаванием ее с полным удовлетворением².

Около 60 воспитанников, а в некоторые годы и более обучаются под его руководством музыке; из них почти половина входит

в состав оркестра. Некоторое представление о занятых музыкой во Владикавказском реальном училище дают следующие материалы из отчетов его директора за 1883 и 1886 годы.

«...Музыкой занимались пансионеры ежедневно от 3^{1/2} до 5-ти часов вечера на струнных инструментах, под руководством Абаева, а на духовых инструментах обучал особый учитель. По субботам проходила оркестровая игра под руководством Абаева. Музыкаю занимались бесплатно и те из приходящих учеников, которые участвовали в церковном хоре. Всех обучающихся музыке 55, из них 24 входило в состав оркестра...»³

«...Музыкою занимались пансионеры ежедневно... На струнных инструментах под руководством Абаева, а на духовых под руководством Солнышкина. По субботам проходила оркестровая игра под руководством Абаева. Всех обучающихся музыке к концу отчетного года было 64 ученика—41,8% всего наличного числа пансионеров, бывших в январе 1887 года; из них 25 входят в состав учебного оркестра. Благодаря усердию Абаева, учебный оркестр доведен до очень хорошего состояния...»⁴

Благодаря стараниям Султан-Бека учебный оркестр достигает больших успехов. Об Абаеве как учителе музыки и о достигнутых созданным им учебным оркестром успехах много пишут в «Терских ведомостях». В этом отношении ему мог бы позавидовать любой учитель музыки на Кавказе, а их было немало.

Репертуар оркестра включал произведения как русских, так и зарубежных композиторов и часто менялся. Не менялась лишь заключительная часть выступления. В заключение исполнялось обычно «Славься» из оперы Глинки «Иван Сусанин» (совместно с хором реального училища).

Выступления оркестра реального училища перед владикавказской публикой сопровождалась неизменным успехом. Эти успехи станут еще весомей, если учесть, что концерты давались в помещении актовом зала, которое по своим акустическим свойствам было малопригодно для выступления музыкантов. В одном из отзывов на очередной концерт в реальном училище на это обстоятельство было обращено внимание читателей: «...но концерту во многом повредил оригинальный зал училища, устроенный, очевидно, вовсе не для концертов. Низкий и длинный, со множеством каменных и деревянных колонн, с какими-то нишами и полуколоннами,—он не имеет ни малейшего резонанса, и в этом отно-

¹ ЦГА СОАССР, ф. 130, оп. 1, д. 95, л. 14.
² Там же, д. 111, л. 19.

шени юным артистам училища нельзя не позавидовать залу соседней женской гимназии».

В оркестре получили воспитание многие способности ученики, которые продолжили свое музыкальное образование в консерватории и посвятили себя в дальнейшем музыкальному искусству. В числе первых, наиболее способных учеников Абаева, учившихся у него в течение четырех лет, был Алексей Лукашевич. Закачавшая в 1875 году реальное училище, этот юноша, полюбив музыку, решил поступить в Петербургскую консерваторию. Не без помощи своего учителя Лукашевичу удалось уговорить директора реального училища обратиться к вышестоящему начальству с ходатайством о выделении ему казенной стипендии, так как материальное положение его семьи не позволяло ему ехать за свой счет. «Зная музыкальные способности Алексея Лукашевича и его белое состояние, — писал директор училища попечителю Кавказского учебного округа, — имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, если возможно, не оставить неходатайствовать ему казенную стипендию в С.-Петербургскую музыкальную консерваторию».

Однако желанию Лукашевича не суждено было сбыться. Ему отказали на том основании, что «С.-Петербургской консерватории кавказских воспитанников не положено». Лукашевичу ничего не оставалось, как поступить в одно из военных учебных заведений Петербурга. Дальнейшая музыкальная деятельность его неизвестна.

Из учеников Абаева более позднего времени наибольшего внимания заслуживает Георгий Швачкин, бывший его любимцем. Он поступил в училище на следующий год после окончания его Лукашевичем и сразу же привлек внимание своими незаурядными музыкальными способностями. Швачкин, видимо, неспроста поступил во Владикавказское реальное училище. Родители даровитого мальчика жили в Пятигорске и, несомненно, для них удобнее было бы отдать сына либо в местную прогимназию, либо в Ставропольскую гимназию, одно из самых солидных учебных заведений Кавказа. Решение отправить Георгия во Владикавказ диктовалось, по-видимому, желанием дать своему сыну музыкальное образование, по-видимому, желанием дать своему сыну музыкальное образование. Примечательно, что учителем музыки для Георгия Швачкина избрали не преподавателя Ставропольской гимназии Шварца, окончившего Пражскую консерваторию, а горца Абаева, сумевшего к этому времени завоевать славу одного из лучших скрипачей края. Швачкин поступил в училище и стал заниматься у Абаева с конца 1876 года, а уже через полтора года, во время посещения наместником Кавказа реального учили-

ща, он в его присутствии исполнил на скрипке пьесу «Соловей», о чем сообщалось в циркуляре Кавказского учебного округа за 1878 год.

Но настоящий успех выпадает на долю Швачкина через несколько месяцев, когда летом 1878 года, будучи на каникулах в своем родном городе Пятигорске, он принимает участие в одном из концертов. О выступлении молодого скрипача и о впечатлении, произведенном его игрой на слушателей, известно из отзыва, вскоре появившегося в местной газете «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод». «Единодушным сочувствием, — пишет автор заметки, — был встречен магенький скрипач Швачкин, которого нельзя проигнорировать. Это будущий артист, если он получит правильное музыкальное развитие. Игра его доказывает не только замечательный талант, но и страстную любовь к музыке; не говоря о той легкости, с какой он владеет смычком, о том удивительном музыкальном инстинкте, который диктует ему безопытный смысл каждой музыкальной фразы и даже то, что трудно допустить в ребенке, — чувство, относительная беглость и чистота исполнения доказывают, что этот замечательный ребенок все свободные минуты отдает страстно любимому предмету. Все истинные ценители искусства должны желать и просить счастья всего родителя молодого Швачкина не лишать Россию будущего артиста и не лишать своего сына карьеры артиста, которая, кроме высоких, ничем не заменимых эстетических наслаждений, даст ему славу и богатство...»⁹

О плодотворности работы Абаева в качестве учителя музыки свидетельствует и тот факт, что большинство номеров в концертах оркестра, как правило, исполнялись самими воспитанниками, его лучшими учениками. В этом отношении показательно объявление, помещенное в «Терских ведомостях» от 15 декабря 1879 года. «Завтра в полдень, — сообщается в газете, — в реальном училище будет дано музыкальное утро. Цель музыкального утра — помочь бедным ученикам, инициатива — учителей музыки и пения гг. Абаева и Хламова, исполнение — собственными силами учащихся. Публика всегда сочувственно относилась к подобным мерам самотомости, особенно в таком серьезном деле; отзовется она так же сочувственно и теперь. Но кроме благодетели, и некоторые обязанности обещанного концерта несомненно привлекут любителей музыки, как соловей из «Эриани» исполнит воспитанник Швачкин, трио из «Жизни за царя» г. Абаев и воспитанники Швачкин и Шамраев, дуэт из «Вильгельма Телля»* — г. Абаев и воспитан-

* Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод, 1878, № 12.

⁹ «Рнани» — опера Д. Верди, «Жизнь за царя» (Иван Сусанин) — опера М. И. Глинки, «Вильгельм Телль» — опера Д. Россини.

ница Ольгинской женской гимназии Черняк, а затем и соло са-мого г. С. Абаева. Кроме того, несколько капитальных пьес исполнит хор с оркестром. Надеюсь, что зал училища будет так же переполнен публикой, как это было прежде⁷. Участие в концерте воспитанница женской гимназии Черняк показывает, что Абаев в своей музыкально-педагогической деятельности не ограничивался пансионом и реальным училищем, но имел учеников и из других учебных заведений Владикавказа.

Как сообщалось после «Музыкального утра» в «Терских ведомостях»: «Публика вынесла из концерта очень приятное впечатление, особенно благодаря превосходной игре г. Абаева, маленького скрипача-воспитанника Швачкина и прекрасного исполнения хором певчих популярной из русских и малороссийских песен».

Успехи в музыкальном образовании учащихся реального училища побудили инспектора нового учебного заведения Владикавказской классической прогимназии, основанной в 1881 году (с 1885 года классическая гимназия), обратиться в феврале 1882 года с просьбой к попечителю Кавказского учебного округа о решении преподавания музыки также в прогимназии, тем более, что об этом просили сами учащиеся.

После того, как попечитель дал свое согласие, учителем музыки в прогимназии пригласили Султан-Бека Абаева. Уже в следующем, 1883 году благодаря его стараниям в прогимназии организуется ученический оркестр, которым он руководил в течение полутора лет. В 1884 году оркестр дважды выступил перед публикой. Несмотря на свое трудное материальное положение, Абаев вел оркестр все это время «безденежно». Этот факт лишний раз показывает, что ради любимого искусства Султан-Бек забывал о себе. Только с ухудшением состояния здоровья он вынужден был оставить свои занятия в прогимназии.

Через некоторое время после его ухода с оркестром стал заниматься учитель черчения и рисования той же прогимназии Дынкин, до этого известный организатором небольшого оркестра струнных инструментов в Дорис-Меликовском ремесленном училище. Через несколько месяцев после принятия руководства гимназическим оркестром (1886 г.) Дынкин выступает с ним во Владикавказской классической гимназии. Успех выступления оркестра «Терские ведомости» (1886, № 7) ценником ставят в заслугу новому руководителю, ни словом не упомянув об основателе его Султан-Беке Абаеве.

⁷ В классической гимназии, — сообщалось в «Терских ведомос-

⁷ Терские ведомости, 1879, № 51.
⁸ Терские ведомости, 1880, № 1.

тей», — оркестр устроен еще быстрее: в начале текущего учебного года в ней еще не было ничего подобного, а через четыре месяца публика уже слушает полный ученический оркестр, играющий до того недурно, что даже не верится...» Такое кажущееся фактов не могло пройти незамеченным многими любителями и поборниками музыкального образования во Владикавказе. Особенно обидно было ученикам, в памяти которых не могли еще стертаться уроки их первого наставника, учителя музыки Султан-Бека Абаева.

В следующем номере «Терские ведомости» опубликовали письмо от М., который писал: «Если бы почтенный автор этой заметки⁸ дал себе труд познаться ближе с делом, то он узнал бы следующие подробности о гимназическом оркестре, которые известны и учащимся, и учителям, и многим родителям, и начальству гимназии. Узнал бы, что начало оркестра положено не четыре месяца тому назад, как сказано в заметке, а еще в 1883 году, с августа месяца, когда первым преподавателем музыки был приглашен наш талантливый скрипач г. Абаев, который и устроил этот оркестр и в продолжение полутора года занимался с ним безвозмездно. Оркестр этот первый раз дебютировал перед публикой в 1884 г... В этом же году оркестр играл на акте в классической гимназии, под управлением г. Абаева... В начале же нынешнего учебного года оркестр лишь поступил под управление нового лица, г. Дынкина, так как г. Абаев по своей тяжелой болезни принужден был отказаться от всяких занятий, в том числе и от оркестра в классической гимназии, состав которого по настоящее время остается тот же, что был и при г. Абаеве».

Подготовленная музыкально-педагогическая деятельность Султан-Бека Абаева нашла свое отражение не только в успешных выступлениях оркестра, но и в успехах отдельных его учеников, особенно Георгия Швачкина, любимого его ученика.

Выступления Швачкина все более обращают на себя внимание местной публики. Особенною успеха достиг юный музыкант благодаря стараниям своего учителя к 1882 году. «Этот юноша (лет 15—16) имеет замечательное дарование, и если бы он мог несколько отдалиться искусству и пройти высшую школу музыкального образования, то из него несомненно вышел бы выдающийся артист», — писали в «Терских ведомостях» после его выступления в феврале 1882 года на очередном концерте в реальном училище. «Словом, — продолжает газета, — талантливый г. Абаев уже во многом успел передать своему ученику ту редкую у скрипачей мягкость тона, которая отличается его игра, — и, право, было бы

⁸ Известия в виду публикации в предлагаемой номере газеты.
⁹ Терские ведомости, 1886, № 8.

трешно г. Швачкину зарывать в землю такое капитальное наследие для истратить его на пустычки»¹⁰.

В течение семи лет Георгий Швачкин учился у Абаева. За это время при хороших природных задатках юноша вырос в прекрасного скрипача. На следующий год после упомянутого концерта Швачкин покидает реальное училище и уезжает в Петербург, где в том же 1883 году поступает в консерваторию, которую успешно заканчивает в 1886 году.

Талантливый пропагандист и учитель музыки, Абаев оказывал большое влияние на молодежь Владикавказе. Влияние это испывали не только его ученики, учившиеся непосредственно у него, но и многие его почитатели. Виртуозное исполнение музыкальных прес, способность передавать тончайшие переживания и оттенки звуков не могли оставлять слушателей равнодушными, особенно подростков. Среди молодых людей города и Терской области было немало таких, которые были обязаны Абаеву тем, что впоследствии посвятили свою жизнь музыке: часть из них окончила консерватории и служила делу музыкального образования в различных городах страны, другие становились музыкантами-исполнителями в оркестрах.

Особенного внимания в этой связи заслуживает судьба Василия Солнышкина, сына бывшего флейтиста оркестра Терского казачьего войска. Знакомство Абаева с семьей Солнышкина было давним и возможно близким. В продолжение длительного времени они вместе занимались музыкой с воспитанниками реального училища. Как видно из документов, для обучения игре на духовых инструментах в реальном училище приглашались и работали там длительное время Иван Солнышкин. Его семья очень нуждалась, и когда обнаружилось исключительное дарование сына, он не мог долгим образом поддерживать желание Василия учиться музыке. А талант у того был несомненный. В 1882 году, в тринадцатилетнем возрасте Василий Солнышкин с успехом выступил перед Владикавказской публикой. Прием, оказанный юному музыканту, был настолько доброжелательным, что через местную галерею был организован сбор средств на дальнейшее музыкальное образование Солнышкина, поскольку отец не мог помочь сыну своими средствами. Состоялось также несколько концертов в пользу юного музыканта, однако собранных денег оказалось недостаточно для поездки Василия в Петербург и для поступления в консерваторию, да и средства эти уходили больше на семейные потребности. И тогда страстно влюбленный в музыку четырнадцатилетний скрипач решил уйти из дому и отправиться пешком из Владикавказе в столицу. «Идя по поголуту железной дороги, —

собираюсь в «Новом времени», — он укрывается от непогоды под старыми шпалами, сложенными близ железной дороги... Таким образом он дошел через 27 дней до Петербурга, питаясь подавениями...»¹¹

В Петербурге совершенно случайно он встречается с влиятельным лицом, которое принимает участие в его дальнейшей судьбе. Солнышкина зачисляют в инструментальные классы Придворной певческой капеллы. Там он обучается в классе скрипки у профессора П. Краснокутского, сокурсника Султана-Бека Абаева по Петербургской консерватории, и в 1892 году успешно ее заканчивает. Затем в 1892—1898 годах был преподавателем инструментальных классов капеллы, в которой до этого учился сам. Скончался Василий Солнышкин в молодом возрасте в 1899 году во Владикавказе. Ему было тогда всего 30 лет.

Под влиянием Султана-Бека Абаева находилась и другая молодая музыкант, Евгений Колчин, впоследствии учившийся вместе со Швачкиным в Петербургской консерватории, после окончания которой в 1887 году выступил в качестве первой скрипки в оркестре Тифлисского оперного театра, а с 1895 года в оркестре Московской оперы. Позднее Колчин стал преподавателем Московской консерватории, был ее инспектором. Некоторое время Евгений Колчин с успехом возглавлял оркестр Терского казачьего войска во Владикавказе. В заметке о выступлении оркестра, помещенной в областных ведомостях, отмечалось тогда: «Дирижера оркестра г. Колчина выдвигали много раз»¹².

Были среди учеников Абаева другие способные молодые люди, продолжавшие свое образование в консерваториях. Известную роль в музыкальной жизни края сыграл, например, Семен Захретьер, бывший ученик реального училища, окончивший Петербургскую консерваторию¹³. Долгое время он преподавал игру на скрипке во Владикавказе и других городах. Газета «Кавказское слово» писала в одном из своих номеров о Захретьере: «... между прочим, недурно организован оркестр из любителей (преимущественно чиновников и учащихся) струнных и духовых музыкальных инструментов, под руководством и управлением... С. Я. Захретьера, состоящего преподавателем музыки и в то же время помощника классных наставников во Владикавказском 1-ом реальном училище». Совсем как С.-В. Абаев: помощник классных наставников и учитель музыки в том же училище. В 20-х годах Семен Яковлевич заведовал музыкальной школой в Грозном.

¹¹ Новое время, 1883, № 2796.

¹² Терские ведомости, 1900, № 136.

¹³ ЛТИД, ф. 361, д. 1441, л. 17.

Окончили Петербургскую консерваторию по классу фортепиано и дочери учителя Владикавказского реального училища Додбежева — Евгения и Зинаида. Последняя впоследствии стала пианисткой и преподавателем организованных во Владикавказе музыкальных классов.

В 1886 году, после окончания Петербургской консерватории, во Владикавказ возвращается Георгий Швачкин. 27 июня вместе с Е. Колчиным, учившимся в той же консерватории, он дает концерт. Выступление двух скрипачей, выросших во Владикавказе, и особенно Швачкина, о таланте которого много писали в бытность его учеником реального училища, вызвало большой интерес со стороны местных любителей музыки.

Швачкин оставался во Владикавказе недолго, вскоре он переезжает в центр Кубанской области город Екатеринодар. Первый же его концерт перед местной публикой, состоявшийся в мае 1888 года (он выступал с известной оперной певицей Роскиковой, артисткой императорских театров), принес ему заслуженный успех и признание. По поводу его выступления в «Кубанских областных ведомостях» писали: «Г. Швачкин, музыкант по призванию, переехав с душой творения великих композиторов так, что ни у кого из публики не являлась мысль послушать самих авторов, но после исполнения каждого номера вырывалась из груди восторг, выражавшийся громкими и продолжительными рукоплесканиями. Директор порадоваться за нашу Петербургскую консерваторию, выпускающую таких учеников, как Г. Швачкин...»¹⁴. В продолжение четырех лет выступления Швачкина встречали радужный прием со стороны екатеринодарцев.

Когда в 1891 году Швачкин последний раз собрался выступить в Екатеринодаре, местная газета дала следующую оценку его музыкальной деятельности и отношения к нему местных ценителей музыки: «В субботу, 9-го февраля, в зале женской гимназии состоялся социальный концерт артиста Г. Т. Швачкина, в течение четырех лет доставлявшего екатеринодарскому обществу большое, выдающееся наслаждение своей игрой, всегда изысканной, строго облумманной и глубоко прочувствованной... В мае месяце Швачкин покидает Екатеринодар и, как говорят, уезжает в Петербург — есть о чем и есть о ком некрепне от всей души пожелать, особенно нашему музыкальному кружку, терпящему в Г. Т. дарвинского солиста, первенствовавшего в его концертах»¹⁵.

В 1892 году Швачкин проходит по конкурсу в состав руководителем Э. Ф. Направником оркестра императорского Марининского

¹⁴ Кубанские ведомости, 1887, № 19.
¹⁵ Кубанские ведомости, 1891, № 6.

театра*, где выступает в качестве первой скрипки в течение почти 20 лет. До 1912 года, когда состоялась решение оркестровой комиссии: «...за выслугою установленного двадцатипятилетнего срока, освободить от дальнейшей службы, с исключительным назначением податочных пенсий первого скрипача Георгия Швачкина»¹⁶.

С. И. Танеев, композитор, директор Московской консерватории

В связи с этим необходимо сказать и о земляках Султанбека Абаева — балкарцах Наурузе и Исмаиле Урусбиевых. Они не получили какого-либо специального музыкального образования, но привязанность к музыке сохранили навсегда. Науруз Урусбиев был старше своего двоюродного брата Исмаила (сына Александра Мурзакуловича). Он окончил Владикавказское реальное училище в 1885 году, когда тот еще учился в начальных классах. В том же году случай свел Науруза с С. И. Танеевым, посетившим тогда селение Урусбиево. После этого у него с Сергеем Ивановичем установились хорошие отношения, которые подерживались долгие годы.

В 1888 году Науруз вместе с ним слушал в Большом театре в Москве оперу «Евгений Онегин» (14). Тогда же Танеев познакомил Науруза Урусбиева с Петром Ильичом Чайковским. Несколько позже, в 1891 году, Танеев вновь встречается с Наурузом, на этот раз в Пятигорске. Последний приглашает Танеева к себе в аул погостить. Танеев, как видно из его письма к Чайковскому, с удовольствием принимает приглашение и пытается в свою оче-

* Наме Ленинградский государственный академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова.
¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 497, оп. 6, л. 5004, л. 10.

речь уговорить на эту поездку Петра Ильича: «Науруз будет в Росторе, если ты его посетишь, — пишет он Чайковскому. — Когда он приехал три года назад, я его повел в «Онегина», это была первая опера, которую он увидел в своей жизни. И музыка, и декорации, и оркестр, и певие — все это произвело на него необыкновенно сильное впечатление, и он до сих пор вспоминает об этом представлении. Я уверен, что впечатление, которое произведет на тебя его аул и путешествие, будет несколько не слабее, чем то, которое испытал... горец, увидев «Онегина»... я собираюсь выезжать первого августа. Обдумай и решишь!»¹⁷

Много позже, в июле 1903 года С. И. Танеев по приглашению Науруза вновь побывал у него в гостях. Этот приезд был примечателен тем, что Танеев по просьбе Урусбиева учил его нотной грамоте, а Науруз играл ему на кобузе (смычковый инструмент, типа скрипки) багдарские мелодии. «Перед сном, — пишет в своем дневнике Танеев, — я опять учил Науруза нотам и интервалам». «Перед обедом учил Науруза Измайловича. Он после обеда играл на кобузе песни, которым научил его отец Измаил»¹⁸.

Что же касается Измаила Урусбиева, то он известен прежде всего организацией в Налчыке в конце 1904 года музыкального кружка. Об этом знаменательном для небольшого городка событии сообщалось в «Терских ведомостях»: «Месяца полтора назад возникло небольшое общество любителей музыки; составился кружок из 18 человек... мандолинистов, гитаристов, багдалаччинов и т. п., под управлением Урусбиева; в недалеком будущем предполагается первый концерт описываемого кружка»¹⁹. Концерт, о котором идет речь, состоялся в феврале 1905 года. В нем выступил хор багдалаччинов, было исполнено соло на флейте, пение под аккомпанемент и т. д. Автор заметки о концерте, помещенной в областной газете, отметил в заключение: «Характерная черта этого кружка — отсутствие в нем дам».

Упомянувшееся в той же заметке соло на флейте, по-видимому, исполнил один из хорошо известных во Владикавказе флейтистов — Иван Солнышкин, работавший ряд лет с Султан-Бекком Абаевым в реальном училище, где он обучал детей игре на духовых инструментах. Здесь, в Налчыке, он преподавал уроки музыки в местной горской школе (15). Преподавал недолго (около двух лет), в августе 1905 года он оставил Налчык и вернулся во Владикавказ.

В том же году (после отъезда Солнышкина) уроки музыки в

горской школе стал вести И. Урусбиев, о чем свидетельствует «Кавказский календарь» на 1906 год: «Налчыкская горская школа... учитель музыки Измаил Александрович Урусбиев». Он и до этого не раз собирался заняться этим, но по тем или иным причинам не получалось. В первый раз он предложил свои услуги еще до приезда в Налчык И. Солнышкина. В марте 1902 года смотритель школы сообщил директору училищ Терской области: «Преподавание музыки и пения в прошлом году предложил взять на себя служащий в Налчыке командир милиционеров поручик Урусбиев...»²⁰ Однако из последующей переписки следует, что, приглашенный вести занятия музыкой И. Урусбиев «вследствие болезни отказался в сентябре от этих занятий».

Измаил Урусбиев, так же как и Науруз, был знаком с С. И. Танеевым, который, будучи на отдыхе в Налчыке, неоднократно записывал к нему домой. Судя по дневниковым запискам Танеева, Измаил Урусбиев обладал особым музыкальным дарованием, хотя имел слух и сам сочинял. 1 июля 1903 года Сергей Иванович записал: «...вскоре пришел Измаил Александрович Урусбиев. Пошли с ним в клуб испытывать его музыкальные способности. Он имел слух... играет и сочиняет. Я его особенно не обладеживал и сказал, что учиться он может». Еще одна любопытная запись сделана 16 июля: «С 9-го часа были у Измаила Александровича, который играл на усовершенствованной гармонии какой-то вальс и довольно плохо на виолончели «Мелодию» Рубинштейна»²¹.

Несмотря на эти замечания строгого экзаменатора, И. Урусбиеву нельзя отказать в его привязанности и любви к музыке, что нашло выражение как в организации им музыкального кружка, так и в желании учить музыку учащимся Налчыкской горской школы.

Успешная музыкально-педагогическая деятельность Султан-Бека Абаева в 1880 году была отмечена «высочайшей наградой» — орденом св. Станислава III степени. В газете «Кавказ» по этому поводу сообщалось: «Мая 14 дня 1880 года. В Тифлисе. Государь император, по ходатайству е. и. высочества наместника Кавказского и по удостоению Кавказского комитета, в 23 день апреля сего года, всемирноизвестши союзногласно пожелать нижепомимоуваным лицам, за отличия неслужебные, следующие награды... св. Станислава 3-й степени, для нехристиан установленный». стоящему по найму учителем музыки во Владикавказском реаль-

¹⁷ П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, письмо 177.

¹⁸ Танеев С. Дневники. М., 1985, кн. 3, с. 49.

¹⁹ Терские ведомости, 1905, № 11.

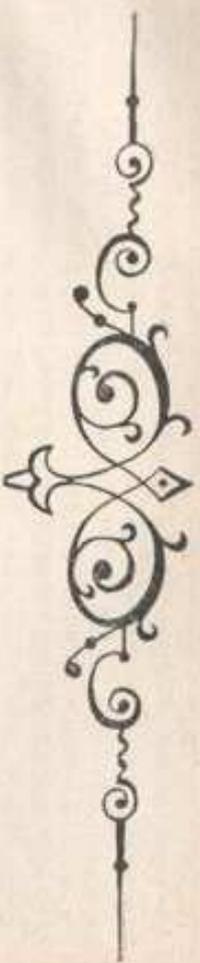
²⁰ ЦГА КБАССР, ф. 123, оп. 1, л. 1098, л. 19.

²¹ Танеев С. Указ. соч., с. 46, 53.

* На таких наградах изображены святых были заменены гербом России.

ном учителе, прикомандированному к Сунженскому полку, прапорнику милиции Султан-Бек Абаеву²².

Да, действительно для прапорщика, прикомандированного к Сунженскому полку,—уроки музыки в реальном училище были делом «неслужебным». Тем почетнее награда. Она свидетельствует о том, что в лице Абаева Владикавказ имел не только талантливую скрипача-виртуоза, но и даровитого учителя музыки.

ЛИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

В конце семидесятых годов, в пору расцвета таланта и заслуженной славы, когда Султан-Бека Абаева именовали не иначе как «любимец публики», в его личной жизни произошло событие, стоявшее ему много дороже, в глубоких тяжких переживаниях, как нельзя лучше. После объединения «княжества» с Джарухтом Шахмановым, а затем женитьбы на его двоюродной сестре Бабуш Султан-Бек обрел новое постоянное жилище в Худламе, куда он мог при каждом удобном случае приехать к жене, навещать мать, немного отдохнуть, да и творчески поработать. Джарухт вскоре сделался старшиной Худамского общества. Материальные дела стали поправляться. К дому Шахманова была пристроена для Султан-Бека комната по «европейскому образцу», где он останавливался во время своих поездок в Худлам. В этой комнате во время путешествия по Балкарии останавливались известные ученые-кавказоведы В. Миллер и М. Ковалевский, автор фундаментальной работы «Закон и обычай на Кавказе».

«Мы уже думали,— писали они,— что нам придется расположиться на ночь в тесной кунацкой, когда хозяин пригласил нас пройтись в другое помещение, с чистыми деревянными полами, мягким постелью, двумя стульями и даже со стеклянными рамами, выстроенное уже русскими плотниками в недавнее время. Как председатель местной администрации, старшина уже перенял кое-что от русских и, очевидно, жертвовал своим помещением гостям»¹.

Однако благополучие Султан-Бека Абаева было лишь внешним. Его взаимоотношения с женой продолжались оставаться нату-

¹ Миллер В. и Ковалевский М. В горских обществах Кабарды.— Вестник Европы, 1884, апрель, с. 552.

нутыми. Годы не меняли Бабуш. Она не понимала мужа, а может, и не хотела этого, отрицательно относилась к его жизни во Владикавказе, среди новороссов. Она отказалась ехать во Владикавказ и продолжала жить в доме своих родителей. Когда Абаев приезжал в отпуск домой в Хулам, то за ней шли его друзья с Джарахматом Шахмановым и с угловорами вели ее в дом к Султан-Беку.

Подобное отношение к землякам, ломавшим традиции старина, нередко встречалось у девушек-горняков привилегированного сословия того времени. Во время пребывания Миллера и Ковалевского в Безенги, в ауле, расположенном в горах несколько выше Хулама, им пришлось быть свидетелями сцены, ярко характеризовавшей отношения некоторых из них к тому, что расценилось с давню заведенным и упрочившимся порядком в обыденной жизни общества. Виновиком этой сцены был Сафар-Али Урусбиев (16), сын Исмаила Урусбиева, сопровождавший Миллера и Ковалевского в поездке по ущельям Балкарии. «Женщин горняздо более, чем мужчин, — вспоминали путешественники, — огорчал европейский костюм Сафара и его отпущенные волосы. В оправдание себя он должен был прибегать к довольно неправдоподобному объяснению, что в Москве так холодно, что нельзя ходить бритым. Одна из женщин заметила о нем с иронией: «Ведь вот русский, а недурно говорит по-горски». На шутливый вопрос одного из нас, возможен ли факт, рассказанный поэтом в «Кавказском пленнике», девушки отвечали, что никогда горская девушка не унизилась бы до любви к русскому пленнику». «Конечно, красавицы были правы, — резюмируют их поведение Миллер и Ковалевский. — Чем выше общественное положение человека, тем в большей замкнутости живут у него женщины. Девушки вообще не выходят никуда одни, и часто по целым месяцам сидят взаперти в сакле»². Сказанное полностью можно отнести и к Бабуш.

Прожив с ней немногим более трех лет, Султан-Бек Абаев решил на время расстаться с женой, надеясь, что Бабуш образумится, изменит наконец отношение к нему. Через полтора года, вновь уплатив калым (так полагалось по обычаю), снова берет ее в жены. Видно, крепко любил он Бабуш. Но та за время разлуки не только не изменила своего отношения к мужу, но оно стало еще хуже. Любя к Султан-Беку у нее не было. Возможно, ее возмущило и то, что калым Султан-Беком был уплачен не полностью. Во втором браке они прожили еще три года. К этому времени уже не стало ее отца и брата Давлет-Гирея, а мать не в состоянии была требовать от дочери соблюдения элементарных приличий в отношениях с мужем. С возрастом Бабуш становилась все

более недержанной и капризной, да и поглядывать она стала иногда в сторону соседа (через перевал) аула Черем, где проживал один из зажиточных таубиев Муссы Барасбиев. Наконец она наносит окончательный удар по чести мужа.

В начале 1878 года, узнав о его приезде, она бежит с сыном Муссы Барасбиева Муразкулом из Хулама в Черем. Для большего эффекта день побега был выбран таким образом, чтобы он непосредственно предшествовал приезду Султан-Бека.

На следующий день после побега Бабуш в Хулам приезжает Султан-Бек и тут же узнает о происшедшем. Возмущенные случившимся, Абаев вместе с Джарахматом Шахмановым и приславшим с Султан-Беком Кургоко Абаевым, с девятью вооруженными всадниками скачут в Черем и силой возвращают Бабуш в Хулам, в дом ее матери. К счастью, обошлось без кровопролития. Барасбиевы не осмелились оказать сопротивление.

Вскоре после этого инцидента начнется длительный, растянувшийся на несколько лет судебный процесс, который получит широкую огласку не только среди местного населения, но и далеко за пределами Балкарии, и все это время будет держаться в направлении многих горцев.

Вероятно, по наущению Барасбиевых Бабуш обращается к начальнику округа с прошением, в котором заявляет о незаконности ее совместного с Абаевым проживания, так как «по нашему закону без совершения между нами вторичного наихаа дальнейшего проживания невозможно и законною женою я ему считаться не могу». Далее, пытаясь оправдать свой побег из Хулама, она претендует его тем, что совершила его лишь «для личных моих путей только до селения Черемского общества, где, написав вам о моем положении прошение, которое отослала с доверенными родными моего дяди, не дожидаясь на таковое ответа, как вступил на другой день из Хулама прибыл за мною...». Странно, почему такое прошение не могло быть отправлено из Хулама, хотя бы с тем же лицом, которое сопровождало ее в Черем, к тому же задолго до ожидаемого приезда мужа из Владикавказа? В этом же прошении Бабуш сообщает некоторые подробности ее возвращения в Хулам после побега, характеризующие ее отношение к Султан-Беку: «...во время моего с ними следования я всему коварствующему меня поезду объявила, что если Султан-Бек желает надо мной совершить какую-либо участь, то пускай решает сейчас на поле, но в дом к нему я жить не пойду; по прибытии же в Хулам по просьбе моей я доставлена в дом своих родителей, где и нахожусь...»³

² Миллер В. и Ковалевский М. Указ. соч., с. 583—584.

³ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 1168, л. 8, 9.

Как видно из записей в журнале Нальчикского горского слободского суда за 1878—1879 годы, суд, не желая, по-видимому, большой огласки незаконного поведения египетских таубияв Барасбиевых и тем более привлечения их к суду по поводу ухода чужой жены, что строго каралось по местным законам, акцентировал свое внимание на деле о разводе Абаева с его женой, предвзято было разрешив ей самостоятельное проживание в доме родителей, оставив при этом без внимания требование Султан-Бека о привлечении к ответственности Барасбиевых за противозаконные действия, до рассмотрения вопроса о его взаимоотношениях с женой.

Ввиду такой позиции, первоначально принятой судом, дело началось принимать серьезный оборот. Назревал большой конфликт, выходящий за рамки супружеской пары, поскольку дело затронуло честь и достоинство рода. В октябре 1879 года, через полтора года после случившегося, в конфликт должен был вмешаться сам помощник начальника Терской области генерал-майор Смекалов. В письме к начальнику Питтюрского округа он, ссылаясь на показания Абаева, что суд «дал жене его Бабуш разрешение на свободное от него проживание, тем самым как бы предприняв, что Бабуш не его жена. Ввиду данного таким образом горским судом делу направление, клонящееся единственно к отправлению Барасбиева в совершенном сж уюзе, он, Абаев, и не может довериться разбирательству горского суда, а между тем по-прежнему увеличивающиеся через это осложнения между фамилиями Абаевского и Барасбиевского — могут повести к печальной развязке. Поэтому Абаев просит обязать Нальчикский горский суд восстановить право его в отношении Бабуш как законного мужа, которого он в глазах народа через упомянутое действие суда считает как бы лишенным, и затем предложить похитителю Барасбиеву принять присягу, что уюз совершен им без всяких корыстных побуждений, чем, по его мнению, и может окончиться дело: тогда он, Абаев, не замедлит развестись с женою Бабуш, если она того потребует, согласно обычаю и шариату».

Далее Смекалов продолжает: «По рассмотрении обстоятельств изложенного заявления прапорщика Абаева для меня представляется немалым действием Нальчикского горского суда в этом деле, а именно, раз горский суд жалобу Абаева о похищении Барасбиевым жены его Бабуш передал судящему следователю для производства следствия... и этим, так сказать, узаконил факт, что Бабуш его жена, и, во-вторых, что для малометанца ни по шариату, ни по алату не полагается другого какого-либо вида открытого сожития с женщиной, как только на основании брачного по шариату договора, ввиду же заявления Худамского общества, что последние три года Абаев жил с женою своею Бабуш, со-

гласно заключенного с ней договора через помощника Худамского моллы и с уплатой кдыма в 80 рублей, едва ли может быть какое-либо основание для суда дать этому делу отрицательное значение, тем более, что Бабуш, а также и родственники ее в течение трехлетнего срока и до момента уюза не заявляли о неправомерном заключении брачного договора с Бабуш Абаевым... Вследствие сего прошу вас, милостивый государь, уведомить меня обстоятельно как о положении сего дела, так и о соображениях суда, послуживших ему к упомянутым действиям в деле Абаева, а вместе с тем не признает ли удобным настоящее дело окончить способом, который предлагает прапорщик Абаев, как упомянуто это выше, для предупреждения могущих возникнуть неудовольствий между сторонами, заинтересованными в деле»¹. Однако вмешательство областного начальства не ускорило решение дела. Барасбиевы отказались дать слово под присягой о том, что они не имели злого умысла, увозя жену Абаева.

В марте уже следующего 1880 года Султан-Бек, желая поскорее завершить затянувшееся и державшее в напряжении многих людей дело, вновь обратился к начальнику Терской области, на этот раз с просьбой предложить «Нальчикскому горскому слободскому суду разрешить это дело на основании существующего в среде кабардинского племени обычая, решение которого я со своей стороны представляю следующим почетным лицам... князю Магомеду Наурузову, Хамруза-Хаджи Шаханову, Гиргоко Абаеву, Каспугату Абаеву и Мирза-Беку Абаеву (17), с тем, что решенных, какое они по сему делу постановят, я почту себя удовлетворенным и более никакой претензии проспирить не буду»².

Предложение Султан-Бека Абаева было принято Нальчикским горским судом. После нескольких заседаний и даже вечерних, длившихся до 12 часов ночи, медляторы приняли наконец решение. Один из пунктов этого решения гласил: «Равно и Мурузакуд Барасбиев должен принять присягу, что он не был подучен отцом его таубием Мусса Барасбиевым увести Бабуш...» Но Барасбиевы отказались дать присягу перед судом. Их отказ означал, что ранее выказанное суду, еще в марте 1878 года, Султан-Беком Абаевым предположение о злонамеренном характере уюза его женой были обоснованными. После отказа Барасбиевых от присяги дело начало принимать иной оборот. Горская общечестность, наконец-то начала поворачиваться лицом к Абаеву. До окончательного решения дела власти вынуждены были дать распоряжение забрать Бабуш из дома ее родственников Урусбиевых, в Бакасанском уезде, где она проживала почти все это время, и отправить ее

¹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 168, л. 1—2.
² Там же, л. 44.

в дом ее родителей, как ранее было постановлено судом, но позже нарушено. Однако Магомед Урусбиев (18) отказался отпустить ее и прогнал старшину, направленного для исполнения решения суда. Тогда за Бабуш поехал ее двоюродный брат Джабрагим Шахманов, но и ему не удалось забрать ее от Урусбиевых. Наконец в начале октября 1881 года, испытывая острую необходимость в срочной врачебной помощи, Бабуш сама приехала в Нальчик и обратилась с просьбой в Нальчинский горский слобдин суд, чтобы ей разрешили с целью лечения поселиться здравья Нальчика у родственника. К этому времени состояние ее здоровья было уже тяжелым. Чахотка, сразившая когда-то совсем еще молодым ее брата Дадагет-Гирея, теперь невозможно приблизилась ее кочев. Когда за Бабуш пришел пристав с предписанием отправить ее в Худам в дом ее родителей, он застал ее в постели. В ответ на его заявление о цели прихода Бабуш ответила, «что она и сама давно желает поехать в Худам, как это есть, родина ее, но что весьма болезненное состояние ее очень расстроено и здоровья не позволит ей в настоящее время ехать туда, что может быть подтверждено окружным врачом, который на днях два раза свидетельствовал ее...»⁸

Состояние ее действительно было тяжелым. Врачи, осматривавшие больную, констатировали: «...Излечить Абаеву Бабуш невозможно при нынешнем состоянии науки и ввиду генерального ее состояния, может лишь оказываться временное облечение...»⁹

К концу декабря состояние Бабуш стало критическим. По свидетельству Хамзата Урусбиева (19), изложенному в заявлении начальнику округа, Бабуш, чувствуя, что дни ее сочтены, «сделала распоряжение умереть в родном доме или даже на дороге, чем она пожелала умереть в родном доме или даже на дороге, чем в Нальчике в чуждом иноверческом обществе, а поэтому сего 28 декабря в 3 часа пополудни больная была поднята на свои постели и на носилках увезена в Худам, но в 20 верстах расстояния от Нальчика Бабуш Шахманова умерла, не доехав до родного аула, по дороге к Киреу, около Карасуского перевала»⁷.

Тем временем, в связи с отказом Барасбиевых принять присягу на основании решения медгаторов, наконец-то началось расследование обстоятельств погрома Бабуш из Худам. Появились сведения, компрометирующие Барасбиева. Так, житель Чегема прапорщик Исхак Балкароков в своем прошении на имя начальника округа принял «недавний случай с Муссой Барасбиевым, который вторгся в дом жителя Урусбиевского общества Батырбекова для насильственного увоза девишки, причем двое из то-

варищей Муссы были убиты, лошадь под Муссой была ранена, и все это осталось без всяких последствий и возмездия нападавшим, подобных примеров много...»⁸

Начальник округа в рапорте от 27 ноября 1881 года на имя начальника Терской области, сообщая о том, что Барасбиевы признаны виновными в увозе Бабуш, одновременно предложил сыну Муссы Барасбиева Мурузакула, 25 лет, высказать из... округа как вредного человека: так как он имеет страсть похищать женщин и девиц, что доказывается настоящим делом и предвзвешенным при сем прошении прапорщика Балкарокова, старика 80-летнего и пользующегося особым почетом среди горских таубиев, причем упомянутый Балкароков лично мне заявил, что при хищении его дочери оскорблена и жена его преклонных лет, но, считая весьма унизительным для себя изложить это оскорбление в своем прошении, и такими поступками Мурузакул Барасбиев возбуждает многих к волнению и кровомщению. Относительно мнения о виновности наказания на Муссу Барасбиева я изложить такое затрудняюсь и имею честь предложить на благоусмотрение вашего превосходительства по следующим причинам...». Далее в рапорте сообщается, что Барасбиев (отец) имеет награды: одну золотую и три серебряные медали и что он готов был принять присягу, но не сделал этого ввиду отказа принять ее сыном; «Что же касается поведения, — продолжает начальник округа, — то он также был замечаем в похищении женщин лично или в содействии»⁹.

В заключение начальник округа доводит до сведения начальства, что Мурузакул Барасбиев для предупреждения кровомщения с 20 ноября содержится на гауптвахте.

Наконец 3 января 1882 года, т. е. через несколько дней после смерти Бабуш, собравшись в Нальчике «доверенные Большой и Малой Кабарды и горских обществ по рассмотрению дела об увозе жены Султанбека Абаева Бабуш Муссою Барасбиевым и сыном его Мурузакулом нашли, что так как Мусса Барасбиев и сын его Мурузакул не приняли по сему делу назначенной присяги: то считать их виновниками в сем преступлении и по нашему в сем случае обычаю (20) определили меру наказания: в восстановление чести чиновника Султанбека Абаева Мусса Барасбиев должен уплатить чиновнику Султанбеку Абаеву калым в таком количестве, в каком был составлен, и тем именно, чем таковой Абаевым был уплачен, в чем подписуемся...»¹⁰

Более 140 подписей, отпечатков перстней и пальцев на несколь-

⁸ Там же, л. 122.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 136.

ких страницах оставлено в подтверждение данного приговора. В числе подписавшихся есть имена Кучука Мисакова, Хамурзы Шаханова и многих, многих других, в том числе и Исманда Урусбиева.

Из журнала Нальчикского горского словесного суда за 1882 год видно, что по показаниям Кургоко Абаева и Джарихмата Шахманова первый «накал был составлен в 800 рублей, в число конк уплачено: 200 рублей деньгами, остальное скотом и дошальми, кроме того лошади в 100 рублей, второй накал составлен в 200 рублей, в число конк уплачено 80 рублей деньгами, остальное не уплачено»¹¹.

Не это ли последнее обстоятельство послужило поводом к семенному раздору и демонстративному бегству Бабуш из Хулама? Похоже на то, что неполностью выплаченная Абаевым сумма кадыма при повторном браке рассматривалась ею как отсутствие такового.

Барасбиевы согласились выплатить все расходы Абаева на кадым, но, как видно, это не устроило его доверенного. В том же журнале есть следующая запись: «Доверенный Султан-бека Абаева праторщик Кургоко Абаев заявил, что он не желает получить удовлетворения ни деньгами, ни скотом на удовлетворение чести Султанбека Абаева»¹². Тогда Муса Барасбиев и его сын Муракул (наконец-то) «изъявили желание окончить дело по обычаю, согласно определению набранных ими медиаторов, состоявшегося в мае месяце 1880 года, именно таким образом, чтобы таубий Муса Барасбиев с сыном своим Мураккулом приняли торжественно в присутствии суда очистительную присягу... в следующем: Муса Барасбиев в том, что он не подстрекал и не подучал сына своего Мураккула увести жену чиновника Султанбека Абаева Бабуш в Черем и сам не участвовал в увозе и никакого намерения не имел оскорбить честь Султанбека Абаева. Мураккул Барасбиев в том, что он не был подстрекаем своим отцом Муссой Барасбиевым увести жену чиновника Султанбека Абаева Бабуш в Черем и не имел никакого намерения оскорбить честь чиновника Султанбека Абаева, а что взял ее, Бабуш, по просьбе ее, как родную тетку»¹³.

Так закончилась эта длившаяся почти четыре года трагическая история из жизни Султан-Бека Абаева (21). Хотя дело было решено «полюбовно», отношения между Абаевым и Барасбиевым, а также Урусбиевыми надолго останутся натянутыми. Только этим, видимо, можно объяснить, почему с приезжавшими в

Урусбиево путешественниками, деятелями науки и культуры, они старались избежать в разговоре упоминания имени Султан-Бека Абаева.

Эта история имела еще одну неприятную для Абаева сторону: она, в известной мере, спровоцировала наглые и оскорбительные действия старшины соседнего с Хуламом Безенгневского общества Давлет-Гирей Сушьева, направленные против матери Султан-Бека Фатимы.

Давлет-Гирей, приходявшийся родственником Абаева, считал, что при наследовании имущества покойного Аслана Сушьева его обделили. Он силой захватил участки земли, принадлежавшие его дочери Фатиме Аслановне. Возникло дело «о спорных участках земли между Давлет-Гирей Сушьевым и Джарихматом Шахмановым», из которого видно, с каким пренебрежением относились Сушьев к своей родственнице и соответственно к Султан-Беку Абаеву.

Султан-Бек должен был вмешаться в это дело. В жалобе, поданной им начальнику округа, он говорит о том, что еще четыре года назад лет тому назад, после смерти отца Фатимы, она и три другие ее сестры: Салимат, Буккинат и Басишат-Киз — получили по решению медиаторов имущество отца. Однако, как сообщает Султан-Бек далее: «Нынешнем году во время пахоты, то есть, в марте месяце, старшина Безенгневского общества Давлет-Гирей Сушьев силой захватил из имущества моей матери пахотный загон Агалык и землю для пахоты Думага. Когда старуха мать моя повела рабочих с быками пахать Агалык, Давлет-Гирей дал распоряжение прогнать рабочих с быками. Сам скрылся из общества. Безенгневцы в количестве 57 человек, во главе которых находились Тениз и Умар Сушьевы, побили быков, прогнали рабочих, нанесли оскорбления словами старухе матери моей. Затон же вспахан и засеян. Землю для пахоты Думага отдал в аренду одному из жителей Безенгии»¹⁴. «Так как Давлет-Гирей, — пишет далее Абаев, — сделан начальством старшиной Безенгневского общества для наблюдения за беспорядками, чтобы один другому не делал насилие, то он больше должен ответить перед законом и начальством, чем кто-либо, совершая сам беспорядки и насилие». Султан-Бек просит начальника округа заставить Давлет-Гирей Сушьева вернуть «имущество моей матери Фатимы Шахмановой, так как она владеет этим имуществом 14 лет, предоставив Давлет-Гирею вести дело, то есть иск свой судебным порядком»¹⁵. Однако Давлет-Гирей не собирався возвращать захваченные земли даже после того, как этого потребовало окружное началь-

¹¹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 1168, л. 142.

¹² Там же, л. 143 об.

¹³ Там же, л. 145—146 об.

¹⁴ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, л. 815, л. 4 об.

¹⁵ Там же, л. 5.

ство. О его последующем поведении видно из следующего письма Султан-Бека на имя начальника округа:

«Начальнику Пятигорского округа
помощника классных наставников
Владикавказского реального училища
Султан-Бека Абаева

Прошение

Мать моя Фатима Шахманова, урожденная Сушиева, с посланным вами нарочным Халжи Умаром Куденетовым и с предписанием вашим о возврате имущества, захваченного силой Давлет-Гиреем Суишевым, отправилась в общество Безенгипевское получить свои участки, но Давлет-Гирей Суишев не обратил никакого внимания на ваше предписание и не возвратил участки, выражаясь в присутствии моей матери, милиционера Куденетова и Таукана Шахманова, [что] не только милиционера присланный, если бы сам лично приехал начальник округа, и тогда бы и не возвратил эти участки, потом начал оскорблять непристойными словами старуху мать мою и угрожал нанести ей удар палкою с железным концом. Все это может подтвердить посланный вами милиционер.

Прибегаю под защиту вашего высокоблагородия, покорнейше прошу допросить посланного вами милиционера, подвергнуть законной ответственности Давлет-Гирея Суишева за вторичное оскорбление старухи моей матери и за неисполнение законного приказа начальника.

5 августа 1881 года. Слобода Налчык

Султан-Бек Абаева»¹⁶.

Дело решилось лишь в мае следующего года уже на уровне областного начальства, которое признало спорные участки земли за Фатимой Шахмановой, а в иске Давлет-Гирей Суишева отказать.

Несмотря на все эти неприятности, связанные с Хуламом, Султан-Бек продолжал регулярно зимой и летом в каникулярное время приезжать сюда, в места, которые стали для него не менее родными, чем Шканти. Здесь жила его мать, здесь был теперь его дом, здесь на местном кладбище покоилась женщина, которую он любил. Наверное, он по-прежнему верил в то, что ее ввели в заблуждение, говоря о незаконности их брака, те, кто любовью ценой готов был раздвинуть их отношения.

¹⁶ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, л. 815, л. 15.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ И РОДНЫХ

Приведенные в предыдущей главе события, в известной мере отразившие отношение к Султан-Беку Абаеву части консервативно настроенных земляков, не были характерны для взаимоотношений, которые складывались между ним и окружающими его людьми, ценящими его талант, доброту и порядочность и дорожившими его дружбой или знакомством. Да и как могло быть иначе. Разве мог «любимец владикавказской публики» быть без близких к нему людей. Уже в первой половине 70-х годов во Владикавказе формируется круг семей, с которыми Абаев оставался близок до конца своей жизни. В этих семьях он часто бывает, здесь он демонстрирует не только свое исполнительское мастерство скрипача-виртуоза, но и принимает деятельное участие в литературно-просветительских и культурных в обществе и т. д. Особенно близки были ему семьи Тхостовых и Рудневых.

Иналук Гадоевич Тхостов был одним из передовых представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX века. Активный борец за просвещение и культуру не только осетинского, но и других горских народов Кавказа, Тхостов выступает как поборник и один из основателей благотворительного «Общества для распространения образования и технических сведений среди горцев Терекской области», сыгравшего роль в дальнейшем развитии образования горцев Северного Кавказа. С момента основания общества Иналук Тхостов избирается секретарем его правления и принимает самое горячее участие в его деятельности. Видное место в истории культуры Осетии принадлежит Тхостову и как этнографу. Помимо работ, выполненных еще в гимназические годы («Празднество в честь святых у осетин»), ему принадлежат исследования: «Верования осетин», «Знахаря и знахарство в Осетии», «Заметки о татаурилах» и др. Долгое время Иналук Гадое-

вич занимал должность старшего чиновника особых поручений при начальнике Терской области и нередко отстаивал интересы Султан-Бека Абаева перед администрацией области. Несмотря на занимаемую должность, Тхостов в последние годы своей жизни, по-видимому, нуждался. В 1887 году за неплату долгов Владикавказскому банку его имени по суду подвергли продаже с торгов. Из объявления в газете «Кубанские областные ведомости» по этому поводу можно видеть, что из себя представляло именование Тхостова, где часто бывал С. Б. Абаев: «...21 мая 1887 года в 10 часов утра... будут продаваться с публичного торга недвижимое именованное надворное светлика Иналука Гадоевича Тхостова, находившееся... по Лорис-Меликовской улице, заключающееся: в доме, смешанной постройки, крытом железом; деревянном строении, крытом черепицей, в коем помещается: кухня, жилая комната, конюшня и каретник; каменном сарае с сеновалом, крытом черепицей; деревянных с калиткою воротях, под железным навесом...»

С главой семейства Рудневых, Александром Михайловичем, Султан-Бек Абаев был знаком еще по Ставропольской гимназии. После окончания гимназии тот учился в Московском университете и с 1867 года преподавал естественную историю в реальном училище. С 1880 года он инспектор училища Султан-Бек прослужил с ним рядом 18 лет. Жена Руднева, Юлия, недурно играла на фортепиано и постоянно аккомпанировала Султан-Беку во время его концертов. Кроме того, она обладала замечательными вокальными данными: изредка выступая перед владикавказской публикой, всегда встречала восторженный прием. Много позднее, уже после смерти мужа, Ю. С. Руднева некоторое время училась пению у известного Камилло Эверарди. В семье Рудневых, надо думать, часто бывали музыкальные вечера и репетиции перед концертами.

Очевидно, Абаев был в близких отношениях и с семьей Ибрагима Шанаева, тоже бывшего воспитанника Ставропольской гимназии, с которым он подружился там три года. Кроме того, Шанаев был женат на его родственнице Фузе Шакамановой. После окончания гимназии Ибрагим поступил в Петербургский земледельческий институт, после окончания которого вернулся во Владикавказ, где некоторое время (1872—1873 гг.) проработал в Терском областном правлении сначала переводчиком, затем младшим делопроизводителем. С 1874 года он десятичил, каковым и оставался до конца своих дней. Жена Шанаева Фуза была близкой подругой сестры Абаева Хавифы-Ханум. Они почти 10 лет проучились вместе в заведении св. Нины в Тифлисе. Есть основание для предположения, что женитба Шанаева свершилась без участия Абаева. Фуза Шакаманова после окончания педагогиче-

ческих классов некоторое время (1876—1877 гг.) учительствовала в горской аульной школе в Череме (22), о чем в свое время говорилось в циркуляре Кавказского учебного округа, как о знаменательном событии: «...в некоторых аулах уже образовались школы, как только явились желающие учить. Таковые в настоящее время имеются: в ближайшем к Налычкх ауле Шардаковском на Шалушке, здесь приняла на себя обязанность учительницы окончившая курс в Тифлинском институте дочь окружного начальника Елисавета Мазаракий; не знала еще сама по-кабардински, она учит при помощи переводчика, — одного из бывших учеников Налычкхской школы; ...затем в ауле на Череме учительницей также тифлисская воспитанница, кажется, из заведения св. Нины... Фуза Шакаманова; и наконец, в одном из аулов на Баксане, в 7-ми верстах от почтовой станции, здесь учит кабардинка клятва Уракова, которая сама обучалась в Петербурге... Во всех этих школах обучают по-русски и в каждой находится от 20 до 25 учащихся кабардинских (кабардинских и багкарских. — С. С.) мальчиков». Начало, положенное тогда первыми женщинами-учительницами аульных школ побудило местную администрацию и руководство Налычкхской горской школы обратиться в вышестоящие инстанции с просьбой о разрешении открыть при местной школе особый класс для подготовки аульных учителей, что вскоре и было разрешено в виде опыта временно. Как сообщалось тогда по этому поводу: «желание заниматься на педагогических курсах, устраиваемых при горской школе», изъявили 15 молодых людей, окончивших курс в этой школе, «чтобы впоследствии занять место аульных учителей»¹.

По всей вероятности, Фуза Шакаманова вышла замуж за Ибрагима Шанаева в 1877 году. Между Шанаевыми и Абаевыми, а также Меликовыми (Хавифой-Ханум и Гасан-Беком) поддерживались прочные дружественные связи. Хавифа-Ханум часто приезжала во Владикавказ к брату и своей старой подруге.

Ибрагим Шанаев, так же как Иналук Тхостов, был поборником просвещения горцев Северного Кавказа, одним из учителей «Общества для распространения образования... среди горцев» и членом первого правления общества. Он известен и как активный участник народнического движения семидесятых годов.

Во Владикавказском реальном училище у Султан-Бека был еще один несомненно близкий человек. Это Иосиф Романович Адамов, бывший учитель татарского языка в Ставропольской гимназии, у которого Абаев считался там лучшим учеником. Иосиф Романович получил хорошее образование. Он окончил Ка-

¹ Циркуляр Кавказского учебного округа. 1876, № 11, с. 413—414.

занский университет. Помимо татарского, знал арабский и другие восточные языки. Кроме того, Адамов был прирожденным воспитателем горской молодежи. Многие годы своей жизни он отдал этому делу. Уже в Ставропольской гимназии Адамов совмещает преподавание татарского языка с должностью воспитателя в горском пансионе. Позже он переезжает в Нальчик, где становится смотрителем местной горской школы. При нем эту школу окончили Абай Шаханов, Давлет-Гирей Шакманов, Каптуко Абаев. Некоторое время учились у Адамова Мисост Абаев и Сафар-Али Урусбиев. С 1875 года Исидор Романович — воспитатель пансиона (23) при Владикавказском реальном училище. Наверное, этот переход не обошелся без участия Султан-Бека Абаева. Теперь они работают вместе: бывший учитель и его ученик. Здесь, в горском пансионе при училище, помогая друг другу, они будут десятилетиями заниматься обучением детей, приобщая их к культуре. Они нужны были друг другу. Успешность педагогической деятельности Абаева как учителя музыки во многом зависела от отношения к ней воспитателя, опытного педагога, несомненно пользовавшегося авторитетом среди пансионеров. В то же время вопросы воспитания успешно не могли решаться без активного приобщения учащихся к музыкальной культуре, без систематических занятий музыкой, как средства эстетического развития воспитанников.

Годом ранее И. Р. Адамова, в 1874 году, во Владикавказ для работы в реальном училище приезжает еще один из бывших учителей Султан-Бека Абаева, Петр Иванович Балтагон. В годы его учебы в Ставропольской гимназии (1858—1862 гг.) Петр Иванович обучал воспитанников пансиона танцам и гимнастике. Это была интересная личность. Он родился в 1821 году на острове Родос в Эгейском море. В 1830—1838 годах живет и учится в Константинополе (там служил его дядя в составе русской миссии). В 1838 году переезжает в Одессу, где обучается танцевальному искусству при Ришельевском лицее. С 1848 по 1866 год он учитель танцев и гимнастики и одновременно (совместно с Адамовым) — комнатный надзиратель в Ставропольском пансионе. С 1866 года Балтагон переходит на преподавание родного ему французского языка. Служит в Тифлисе, Кутаиси, Питигорске и вот теперь перебирается во Владикавказ, уже навсегда. Хотя нет сведений, характерных для отношения между Абаевым и Балтагоном, но можно полагать, что они были дружественными, несмотря на различие в возрасте. Их должна была сблизить общая любовь к музыке. И подтверждением этому может служить помещенное в «Терских ведомостях» следующее объявление: «4 апреля статский советник Петр Балтагон... заявил, что 27 истекающего марта у него из комнаты похищена неизвестно кем скрипка, стоив-

шая более 50 рублей». П. И. Балтагон не мог не быть в числе почитателей таланта Абаева.

Из сослуживцев Султан-Бека по реальному училищу, находившихся в близких с ним отношениях, нельзя не упомянуть также Станислава Станкевича, долгое время служившего врачом пансиона. В годы, когда здоровье Абаева сильно пошатнулось, а затем и совсем стало тяжелым, Станкевич, будучи рядом, всегда мог оказать ему первую помощь.

Среди дорогих Султан-Беку Абаеву людей оставался и Януарий Михайлович Неверов. В последний раз они встречались в ноябре 1878 года. Неверов проездом из Тифлиса в Петербург остановился тогда на несколько дней во Владикавказе, чтобы познакомиться со своими бывшими сослуживцами и учениками по Ставропольской гимназии, в которой он когда-то начал свою педагогическую деятельность на Кавказе, и в том числе со своим любимцем Султан-Беком Абаевым. Два десятилетия продолжалось их знакомство, и все это время Султан-Бек чувствовал на себе отеческую заботу Януария Михайловича. Ведь это он тогда, в 1858 году, первым обратил внимание широкой общественности на талант Абаева, в то время еще ученика первого класса гимназии, а 12 годами позже опять первым дал лестный отзыв о нем, как о способном учителе музыки.

Неверов получил новое назначение и теперь направлялся в Петербург для продолжения службы в Министерстве народного просвещения. Как сообщалось тогда в «Терских ведомостях», на прощальном обеде в его честь «играла музыка». Наверное, звучала на нем и скрипка Султан-Бека Абаева.

Я. М. Неверов прожил долгую жизнь. Он скончался в 1893 году в возрасте 83 лет. В 80-е годы Неверов приобретает известность и как писатель, автор интересных воспоминаний о Грановском и Тургенева и других работ, печатавшихся в «Русской старине».

Ряд лет во Владикавказе жили и учились родственники Султан-Бека Мисост и Каптуко Абаевы. Мисост, показавший на экзаменах подготовительного класса Нальчикской горской школы блестящие результаты (пятьки по всем предметам и перевод в следующую класс с наградой), по решению педагогического совета школы в виде исключения был направлен для прохождения учебы во Владикавказском реальном училище. Обычно сюда попадали после завершения полного курса школы, как это делалось ранее при отправке лучших выпускников школы в Ставропольскую гимназию. Мисост Абаев был зачислен в Горский пансион при реальном училище на казенный счет. Скорее всего, его устройство в пансион не обошлось без помощи Султан-Бека.

В ноябре 1875 года «по собственному желанию» он уходит из Владикавказского реального училища. Затем некоторое время учится в Тифлисском реальном училище, но в связи с отсутствием средств для жизни и оплаты за учение М. Абаев вынужден был обратиться с просьбой в Кабардинскую обществуемую сумму о выделении ему 300 рублей. Приговор «почетных жителей Большой и Малой Кабарды и торских обществ», состоявшийся 20 декабря 1875 года, в ряду других дел удовлетворил и его просьбу². Узнав о решении почетных жителей, Мисост уезжает в Тифлис. С 12 января 1876 года он уже числится там как приходящий ученик реального училища. Однако тут произошло непредвиденное: время шло, а обещанные деньги к нему не поступали. Как оказалось, высокое начальство, несмотря на приговор почетных жителей, в просьбе Абаева отказало.

Некоторое время после этого М. Абаев был не у дел, но затем, когда до него дошли сведения, что в Налчыке формируется Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк, Мисост выезжает туда и в начале 1877 года поступает в полк всадником. Кабардино-Кумыкский полк был одним из шести конно-иррегулярных полков, которые формировались тогда на Северном Кавказе в связи с резко обострившимися к этому времени притеснениями турками славянского населения на Балканах. В апреле 1876 года против засилья турок в Болгарии вспыхнуло восстание. Началась героическая борьба болгарского народа за свою независимость. Турки жестоко расправлялись с борцами за свободу. На стороне болгарских патриотов выступила Сербия. События на Балканах вызвали большой отклик в кругах русской общечественности. Тысячи русских добровольцев пришли на помощь сражавшимся против турок. Но силы были неравны. В этой ситуации Россия не могла долго оставаться в стороне от событий на Балканах. Русские войска, в том числе дислоцированные на Кавказе, приводились в боевую готовность. Командующим Отдельным Кавказским корпусом, основной силой русской армии на Кавказе, был назначен бывший начальник Терской области генерал Дорис-Меликов.

В феврале 1877 года Кабардино-Кумыкский полк покинул Налчык и походом маршем направился к Тифлису. 24 февраля полк проходил через Владикавказ. В этот день Султан-Бек непременно должен был встретиться с Мисостом Абаевым и другими родными и земляками и пожелать им успешной службы. 8 апреля полк прибыл в Тифлис, а еще через несколько дней, 12 апреля, началась русско-турецкая война.

Боевые действия на Кавказе начались заметными успехами

² ЦГА ГССР, ф. 7, оп. 5, л. 459, л. 5—7.

русских войск. 5 мая штурмом была взята крепость Ардаган, а несколькими днями позже блокирована сильно укрепленная крепость Карс. Под Карсом был организован лагерь. Туда и прибыл начальник Кабардино-Кумыкский полк.

Свое боевое крещение Мисост Абаев получил 18 мая в ночном бою «при разбитии турецкой кавалерии при селении Берги Ахмет»³.

Успешное наступление русских войск в первые два месяца войны, после поражения под Зенином, сменилось отступлением. Турецкая армия была остановлена лишь у самой границы.

Некоторое время Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк не принимал активного участия в боях, охраняя пути сообщения от Елжветполя до Тифлиса и от Диджана до Нижней Ахты.

В конце июля Мисост Абаев, желая, по-видимому, быть в гуще боевых событий и лично принимать в них участие, «по собственному желанию» переводится в... конно-иррегулярный полк с составом при корпусе командире генерале Дорис-Меликове. Русская армия готовилась к решающему сражению.

В конце сентября 1877 года Отдельный Кавказский корпус перешел в наступление с целью разгрома турецких войск, сосредоточенных на Аладжирских высотах. Обходным маневром войска под командованием генерала Лазарева вышли в тыл неприятельской армии у горы Авлиар и 3 октября штурмом овладели сильно укрепленной высотой, отрезав тем самым путь к отступлению основной части турецкой армии с Аладжирских высот. В эти дни развернулась крупная сражение, в результате которого турки были разгромлены. В боях под Авлиаром и на Аладжирских высотах принимал участие и Мисост Абаев. Участвует он и в следующем сражении под Деве-Бойну, прикрывавшем Эрзурум с востока, а в ночь на 6 ноября 1877 года — в штурме Карса. Вообще следует отметить, что Мисост Абаев, по-существу, участвовал почти во всех наиболее ответственных военных операциях, которые были проведены войсками Отдельного Кавказского корпуса.

«За отличия в делах против турок» он был награжден знаком отличия военного ордена IV степени* и произведен в офицеры, получив чин корнета.

После окончания русско-турецкой войны, в августе 1878 года, Мисост Абаев оставляет службу в армии и возвращается на родину. Во Владикавказе он встречается с Султан-Бекком Абаевым. Наверное, много и подробно будет рассказывать ему о боях и сражениях, в которых принимал участие. Султан-Бек знал об

³ ЦГА КБАССР, ф. 19, оп. 1, л. 22, л. 4.

* С 1913 г. стал именоваться Георгиевским крестом.

этих сражениях из газет и рассказов очевидцев, уже вернувшихся с войны. Но теперь он имел возможность услышать об этом из уст близкого ему человека, непосредственного участника боев.

Сам Султан-Бек был по натуре мирным человеком. Хотя длительное время он состоял на военной службе, ему никогда не приходилось участвовать в боях. Но безучастным наблюдателем во время войны Абаев не был. Султан-Бек принимает активное участие в разного рода мероприятиях, связанных с оказанием помощи раненым, семьям погибших и т. д. Когда в январе 1878 года в реальное училище пришло письмо от врача пансиона С. А. Станкевича из фронтového госпиталя, в котором он сообщал, что раненым не хватает лечебной зелени и в училище производится сбор необходимых денег на ее покупку, Абаев вносит сумму, в несколько раз превышающую взносы других преподавателей училища, при значительно меньшей, чем у них, зарплате. «На предложение мое, — сообщил тогда в газету «Терские ведомости» А. Руднев, — пожертвовать что-нибудь на уплату за эту зелень для больных № 14 госпиталя, следующие лица с полной готовностью передали мне: Н. В. Стоянов 1 р., В. В. Чечелев 1 р., С. В. Кокиев 2 р., И. И. Виноградов 1 р., И. Д. Маманев 1 р., Ю. С. Руднева 2 р., Султан-Бек Абаев 11 р.» В этом благородном жесте проявилось его отношение к пострадавшим на войне. В пользу раненых воинов Султан-Бек Абаев организирует «музыкальное утро» в реальном училище; принимает активное участие в городском концерте в пользу семей убитых и раненых воинов и т. д.; и все это, не прерывая концертов с благодарительной целью, которые он давал в пользу нуждающихся учащихся.

Эта деятельность Султан-Бека в годы войны не прошла незамеченной. Как видно из его послужного списка, после ее окончания он был награжден бронзовой медалью «В память Турецкой войны 1877—1878 гг.»⁴

Активное участие Мисоста Абаева в боях с турками и награждение его чином корнета по кавалерии подляли его авторитет среди земляков. Свидетельство тому — назначение в 1881 году 24-летнего молодого человека на ответственную должность старшины Балкарского общества. На этом посту он сменил совсем уже одряхлевшего Кучука Мисакова, того самого, который еще с его дедом и дедом Султан-Бека Абаева полвека тому назад ходил в Сванетию, где они были арестованы, а затем выпущены. На этой должности Мисост Абаев пробыв недолго. С 1885 года он служит переводчиком вначале в Натльнке, а затем некоторое время во Владикавказе (в 1887 г.). С 1891 года он на админист-

ративной работе. Мисост Абаев прожил долгую жизнь. Он скончался уже в советское время в 1928 году в Буйнакске Дагестанской АССР. Он был большим знатоком истории и быта балкарского народа. Его обширный исторический очерк «Балкарня», опубликованный в 1911 году в Париже журналом «Мусульманин», не потерял своего значения и поныне (24).

В 1871 году, через год после Мисоста, во Владикавказ перебрался Кайтуко Абаев и успешно овладевает знаниями в местном ремесленном училище. При училище был открыт небольшой пансион, и его приняли туда по личной просьбе С. В. Абаева. Плата за содержание в нем была невысокой, и потому воспитанники содержались довольно скромно. Для приготовления пищи и стирки белья занималась прислуга; все остальное в пансионе исполнялось самими учащимися.

В ремесленном училище Кайтуко был на хорошем счету. Иначе и нельзя было, ведь у него в отличие от большинства остальных учащихся за плечами была Натльчская школа и один год учебы в Старгородской гимназии. Но существу, все внимание в годы учебы в училище он обращал на изучение ремесел. А этому здесь было у кого учиться. Занятия в училище вели приглашенные из Москвы опытные мастера. Одни из них обучал столярному делу, а другой — слесарно-кузнечному. По-видимому, по рекомендации этих преподавателей-москвичей, руководство ремесленного училища одновременно, не дожидаясь первого выпуска, за успехи в учебе направляет Кайтуко Абаева в Московское техническое железнодорожное училище для продолжения там своего образования. Училище это имело два отделения: механическое и легкое. Учебная программа была близка той, чему его учили в ремесленном училище, кроме нескольких специальных дисциплин, таких, как механика, железнодорожное дело, механическое черчение. Кайтуко был здесь лучшим учеником и пользовался доверием преподавателей и учащихся. Об этом даже писали в областной газете «Терские ведомости»: «Абаев первый в училище и заслужил настолько доверия, что заведует училищной библиотекой». Окончил он училище в 1877 или 1878 году, после этого работает машинистом на Донецкой железной дороге, о чем сообщалось в печати.⁵

Кайтуко Абаев скончался в 1889 году от тифа, в возрасте 36 лет.

В сентябре 1878 года во Владикавказ для работы в местном госпитале присажает земляк Султан-Бека Абаева его старший зна-

⁴ ЦГА СОАССР, ф. 130, оп. 1, д. 714, л. 12—13.

⁵ Терские ведомости, 1879, № 28.

комый Александр (Абай) Шаханов. Он приехал очень кстати: здоровье Абаева к этому времени было уже скверным и помощь земляка — первого врача из Баткаруев — была ему просто необходима.

Интересную и не легкую жизнь уготовила судьба Шаханову. Родился он в 1850 году в селении Мухол, неподалеку от Шканты — родины Султан-Бека. Уже в годы учебы в Нальчикской городской школе он проявил себя как один из наиболее способных учеников. На его успехи было обращено внимание высших особ, что сыграло решающую роль в его дальнейшем образовании. Как сообщалось тогда, в 1865 году, в письме к директору Ставропольской гимназии: «Его императорское высочество главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич [душил приказать: определить ныне же в пансион при Ставропольской гимназии, на одну из немецких курс в одном свободных городских вакансий, окончившего курс в Нальчикской окружной школе Абая Шаханова...»⁷ С его же разрешения, в виде исключения, Шаханов был принят без экзаменов сразу в IV класс гимназии. В 1869 году, успешно завершив гимназический курс, Шаханов решает по примеру Султан-Бека ехать в Петербург. С этой целью он обращается к нальчикским властям с просьбой о выдаче ему стипендии для обучения в Медико-хирургической академии. Отец Абая, Шолох, не имея возможности помочь сыну, у него была большая семья: пять сыновей и шесть дочерей, и он еле сводил концы с концами, хотя и принадлежал к привилегированному сословию таубаев.

Нальчикский городской суд, рассматривавший просьбу Шаханова, пошел ему навстречу и постановил ходатайствовать перед высшестоящими властями о направлении его на учебу в Медико-хирургическую академию. Начальник округа поддержал решение суда. Поддержал его и начальник Терской области, Лорис-Меликов, проводивший политику поощрения подготовки кадров для области из числа местных торцев, сразу же обратился к начальнику Кавказского горского управления с мотивированным письмом, в котором, между прочим, говорилось следующее: «Уроженец Баткаруевского общества Абай Шаханов... не имея собственных средств для продолжения образования, обратился с просьбой... признавая своей стороны крайне полезным направление Шаханова в С.-Петербург для получения медицинское образования, ввиду той пользы, которую может принести медик из... [торцев] в среде единоверного ему общества, я прошу ваше превосходительство не ходатайствовать у его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией разрешения о назначении названному

молодому человеку стипендии... и о том, какое последует приказание великого князя, не оставляя меня уведомить»⁷.

Как и следовало ожидать, вопрос решился положительно. Шаханов направлялся в Медико-хирургическую академию «стипендиатом Кавказского наместника».

В конце лета 1869 года Абай приехал в Петербург и был принят на медицинское отделение академии. Как отмечалось выше, в это время он встречался с Султан-Бекем.

Академия, в которую был зачислен Шаханов, была авторитетным учебным заведением. Здесь работали видные ученые и профессора. Учиться здесь было престижно, но в то же время и нелегко. Требования к студентам здесь были высокими.

В 1872 году при Медико-хирургической академии были учреждены Высшие женские врачебные курсы для подготовки «ученых акушерок». Курсы доставляли много хлопот администрации академии и очень скоро она начала думать, как от них избавиться. Совсем иначе отнеслись к открытию курсов студенты. Большая часть которых была рада своим новым соседкам. В их числе был и Абай Шаханов. С одной из курсисток, Елизаветой Матвеевой, он подружился, а затем и женился на ней. Шаханов принял православную веру и отныне стал именоваться Александром Дмитриевичем.

Он успешно выдержал считавшийся самым строгим экзамен со второго на третий курс, так называемое «полулекарское испытание». Этим испытанием фактически отсеивалась значительная часть «случайных» и слабых студентов.

Венцом обучения в академии была степень лекаря. Экзамены на эту степень начинались уже во втором полугодии пятого курса — по клиническим предметам, но самое трудное экзаменационное время выдало на шестой год, с сентября по декабрь. Этот порядок нарушен лишь в 1876 году, когда в преддверии русско-турецкой войны было несколько «ускоренных выпусков». В одном из таких выпусков был и Шаханов. 4 ноября 1876 года на заседании конференции Медико-хирургической академии Александр Шаханов, успешно славший до этого выпускные экзамены, «признается достойным звания «лекаря»⁸.

По окончании академии Шаханов «высочайшим приказом по военному ведомству... определен на службу в Царсковогородский военный полугоспиталь младшим ординатором». Он оставался здесь недолго, всего несколько месяцев. С началом русско-турец-

⁷ ЦГА ГССР, ф. 7, оп. 5, л. 370, л. 1.

⁸ Протокол заседания конференции императорской Медико-хирургической академии за 1876 год. Спб., 1877. Вып. 4, с. 111.

⁹ Дарские Колдодзи (яние г. Интели-Дзарго), урочище в Восточной Грузии — место пребывания гарнизона царских войск.

кой войны он был направлен в Раисский отряд, который находился в Западном Грузин вне зоны активных боевых действий, но затем, в августе 1877 года, командирован в 4-й Кавказский стрелковый батальон, который к этому времени был переброшен в качестве подкрепления войскам, находившимся под непосредственным командованием генерала Лорис-Меликова. В конце сентября — начале октября, с переходом русских войск в наступление этот батальон оказался в зоне ожесточенных боев, приняв участие в ответственной операции по обходу основных сил турецкой армии у Ахлагара. В решающий момент этой операции 4-й Кавказский стрелковый батальон был направлен генералом Лазаревым на подмогу ранее прорвавшейся в тыл неприятеля кавалерийской части А. Д. Шаханов находился при батальоне до марта 1878 года, когда боевые действия (после занятия русскими войсками Эрзуума) фактически прекратились.

В сентябре 1878 года Шаханов получает новое назначение: он прикомандировывается к Владикавказскому госпиталю. Здесь он проработает в должности младшего ординатора до апреля 1880 года. Надо полагать, что Александр Дмитриевич с восторгом принял новое назначение. Ведь здесь, во Владикавказе, жили его родные, друзья, земляки и среди них С.-Б. Абаев. Оба земляка, без сомнения, рады были встрече, тем более, что для этого было много причин. Кроме всего прочего, Абаеву нужна была и «своя» врачебная помощь и моральная поддержка. Семейная трагедия, постигшая Султан-Бека, тяжело отразилась на его состоянии. Он и так никогда не отпадался крепким здоровьем, а теперь совсем ездил. Шаханов мог оказать помощь, не только словом, но и как врач. Возможно, он и не был его лечащим врачом: в госпитале и без него хватало опытных врачей, но то, что Шаханов находился рядом, часто, наверное, просиживая у постели больного, проявляя при этом заботу и участие, в этом вряд ли можно сомневаться. Кроме того, эти менее чем два года, которые прожил Шаханов во Владикавказе, он был одним из наиболее близких к Абаеву людей. Много времени они проводят вместе, вспоминают Наталью, Ставрополь, Петербург, обсуждают проблемы, связанные с судьбой их небольшого, затерянного в горах народа; делятся впечатлениями о прошедшей войне. О близких отношениях Шаханова и Абаева свидетельствует и то, что в критический момент его, Султан-Бека, семейной драмы, когда он передал свою судьбу в руки пяти избранных им доверенных лиц, в числе последних, помимо трех представителей рода Абаевых и Магомета Наурузова, был и Хамурза Шаханов — дядя Александра Дмитриевича Шаханова.

Дружба двух первых представителей бакаурской интеллигенции во Владикавказе продолжалась недолго. В начале 1880 года Шаханов решает поехать в отставку и навсегда покинуть родной

край. Одновременно с ним решает оставить военную службу и С.-Б. Абаев. Похоже, что оба решения были приняты после совместного обсуждения. Очень уж близки даты увольнений. Так, приказ по военно-медицинскому ведомству об увольнении Шаханова датирован 6 апреля 1880 года⁹, а Абаев был «откомандирован от Сунженского полка» с 17 апреля того же года¹⁰.

Через полгода после отставки Шаханов вновь поступает на службу, но уже далеко от кавказских гор, от Владикавказа: на Дальнем Востоке. Почему он сделал такой выбор?

Возможно, Шаханова привлекали преимущества по службе, которые получили отпраздновавшие так далеко и в такие суровые, небылтые край, притом в годы, когда Приморье только-только начало осваиваться. Нельзя исключать и какие-то семейные обстоятельства: его взаимоотношения с супругой Елизаветой Павловной, особенно если учесть, что, уезжая в дальний край, Шаханов оставил жену с годовалым сыном. Как бы то ни было, уже в конце 1880 года А. Д. Шаханов вновь определился на службу, на этот раз младшим врачом во 2-й Восточно-Сибирский батальон, с производством в чин коллежского ассесора¹¹. Через год с небольшим, в январе 1882 года, он переводится уже на должность старшего врача лазарета Николаевской местной команды, а еще через год — старшим врачом в 4-й Восточно-Сибирский батальон, находившийся в селе Никольском. Но и здесь он пробыл недолго. Вскоре его назначают в 6-й Восточно-Сибирский батальон, где он служит до перевода на должность старшего врача в Никольский местный лазарет. Это случилось уже в 1890 году. Здесь, в Никольском (ныне Уссурийск), прошли последние годы его жизни.

Для только не пришлось побывать Шаханову за время службы в Приморье: от устья Амура до самой южной оконечности края — Посета, что на берегу Японского моря у границы с Кореей. Сохранилась телеграмма, которую в 1887 году послал А. Д. Шаханов из Посета в Кизляр своей теще о том, что он не возражает против того, чтобы его жена (25) поступила на службу повивальной бабкой: «Препятствия поступлению на службу вашей дочери моей стороны нет. Шаханов»¹². Но дальше всего он прожил в Никольском.

Никольское в те годы было административным центром войск Южно-Уссурийского края. Здесь же находилась резиденция командующего.

⁹ Кавказ, 1880, № 131 (15 мая).

¹⁰ ЦГА СОАССР, ф. 130, оп. 1, д. 714, л. 12—13.

¹¹ Военно-медицинский журнал, 1881, январь, с. 13.

¹² ЦГА СОАССР, ф. 11, оп. 55, л. 2800, а. 20.

Александр Дмитриевич скончался 28 августа 1897 года в Ни-
кольском в возрасте 47 лет.

Некролога или хотя бы краткого сообщения о смерти Шаха-
нова в дальневосточной печати обнародовать не удалось, вероятнее
всего, его и не было. Многим его друзьям и коллегам по профес-
сии о его кончине стало известно лишь из «Военно-медицинского
журнала», помещавшего несколько сухих официальных строк о
случившемся: «Исключены из списка умершие: (28 августа) стар-
ший врач Никольского местного лазарета, коллежский советник
Шаханов»¹². Так, далеко от родных, на восточной окраине Рос-
сийской империи предвещалась жизнь одного из первых представи-
телей дагкарской интеллигенции...

Из близких родных Султан-Бека Абаева во Владикавказе не-
редко навещает его сестра Ханифа, теперь уже Ханифа-Ханум
Меликова. Ханифа была под большим влиянием брата. Красно-
речивым свидетельством ее отношения к Султан-Беку может слу-
жить и тот факт, как бережно она хранила у себя на протяжении
многих лет всей своей долгой и прекрасной жизни удивительный
портрет брата. Сохранность фотографии вызывает удивление. Не
верится, что ей более ста лет. В годы ее юности этот портрет,
наверное, был предметом особой ее гордости. Не раз и не два
она показывала его своим подругам по учебному заведению св. Ни-
ны в годы учебы и там же, в Тифлисе, впервые Гасин-Беку Мели-
кову, ее будущему мужу. Это бережное отношение к портрету
Султан-Бека, а затем и к его памяти после смерти Ханифы-Ханум
перешло к ее дочери Гариб Солтан Меликовой, благодаря кото-
рой он помещен в этой книге.

Влияние С.-Б. Абаева на семью Меликовых и особенно на гла-
ву семейства, Гасин-Бека, трудно переоценить. Личная жизнь
Абаева и его успешная деятельность в плане музыкального, эсте-
тического воспитания учащихся в Горском пансионе при реальном
училище, о чем Гасин-Бек мог знать не только из печати, но и
непосредственно от Ханифы-Ханум, не могли не повлиять на его
мировоззрение и пробудили в нем интерес к вопросам культурного
развития своего народа. Примечательно, что до знакомства с Ха-
нифой и заочно (а может, и очно?) с Султан-Бекем Абаевым, Га-
сан-Бек Меликов не проявлял видной активности в пропаганде
театрального искусства среди азербайджанского народа, хотя он
и происходил из известной своими культурными традициями
семьи. После окончания в 1865 году естественного факультета
Московского университета он работает вначале в Тифлисской ме-
жевой палате, а затем секретарем мирового суда в г. Куба. С
1870 года Гасин-Бек преподаватель естественной истории в реаль-

¹² Военно-медицинский журнал, 1897, октябрь, с. 66.

Сафарян С. Н.

С 217 Султан-Бек Абаев.— 2-е изд., доп., перераб.— Нальчик:
Эльбрус, 1988.—156 с.

В пер.: 70 к. 2000 экз.

В книге расклевывается о жизни и деятельности известного
Кавказе дагкарского скрипача Султан-Бека Абаева (1815—1888).

С 4005000000-057 85-88
М 125(03)-88

ББК 85.313(2Р37)
78С1(С164)

ном училище в Баку. К этому времени он уже зрелый человек. Но знакомство с семьей Абаевых и его женитьба на Ханифе вносят серьезные коррективы в его последующую жизнь. Интерес к естествознанию у него не ослабевает: он напишет и опубликует немало работ в этой области, но у него появится или пробудится и останется на всю жизнь желание средствами искусства воздействовать на сознание своих земляков, изменить их обыденную психологию. Примером тому была деятельность Султан-Бека Абаева в Горском пансионе при таком же реальном училище, в котором работал он сам. Уже на следующий год после женитьбы, в 1873 году, он совместно с учеником реального училища Н. Везириным силами учащихся ставит комедию известного азербайджанского писателя и общественного деятеля М. Ф. Ахундова «Везирь ленкоранского ханства». Показанный с благотворительными целями со сцены бакинского Общественного собрания, спектакль вызвал большой интерес среди собравшейся публики. Дата этого спектакля регулярно отмечается общественностью Азербайджана, как дата основания азербайджанского национального театра. Этому событию посвящено немало трудов, но справедливости ради следует сказать, что из этих работ читателю неясно, с чего это вдруг Гасан-Бек Меликов в начале 70-х годов вдруг увлекся искусством. Имена Султан-Бека и Ханифы-Ханум в этой связи не упоминаются, хотя влияние их, прямое или косвенное, несомненно.

С отъездом части учащихся, за окончанием курса обучения, дальнейшие спектакли прекратились, но идея создания национального театра у Гасан-Бека Меликова останется на всю жизнь (26).

Влияние Султан-Бека Абаева просматривается и в интересе Гасан-Бека к песенному творчеству своего народа. Им будет записан и опубликован ряд хороших азербайджанских песен.

К первым годам после женитьбы на Ханифе относится и издательская деятельность Гасан-Бека. С 1875 года он издает на азербайджанском языке газету «Экинчи» («Пахарь»). За период с 1875 по 1877 годы удалось выпустить в свет всего 56 номеров газеты. Ее издание было убыточным. Чтобы возбудить у общественности интерес к ней, первоначально Гасан-Бек и Ханифа-Ханум Меликовы должны были распространять газету бесплатно. «Экинчи», как отмечается в «Истории Азербайджана», пропагандировала прогресс, демократические и просветительские идеи, выступала против суеверия, темноты и невежества, откликалась на многие злободневные вопросы азербайджанской действительности... «Экинчи» занимает значительное место в развитии прогрессивной общественной мысли в Азербайджане и азербайджанской культуре в целом»¹⁴.

¹⁴ История Азербайджана. Баку, 1960, т. 2, с. 401—402.

До недавнего времени в печати, касающейся газеты «Экинчи», умалчивалась активная роль Ханифы-Ханум в ее издании, а ведь она должна была быть значительной, если учесть, что редакция газеты как таковой не было. Не случайно в те годы газета «Кавказ» писала по этому поводу: «Честь и слава редактору и основателю первой у нас на Кавказе газеты на мусульманском языке, хотя который, как видно, с любовью занимается газетным делом, хотя он один и единственный работник по изданию газеты, сам редактор, сам корректор, сам наборщик». Редактор и основатель газеты «Экинчи» конечно же был не один. Рядом с ним была его сподвижница, верная спутница Ханифа-Ханум. Какая часть работы по подготовке газеты к печати выполнялась Ханифой-Ханум, сейчас можно лишь догадываться, но бесспорно одно: она была существенной. Этот ее вклад в издание «Экинчи» справедливо отмечен в недавно вышедшем томе Азербайджанской советской энциклопедии, в котором уделено внимание и Меликовой-Абаевой Ханифе-Ханум¹⁵. Газета «Экинчи» прекратила свое существование в сентябре 1877 года, не найдя широкого отклика среди немногочисленной тогда азербайджанской интеллигенции.

Не получив поддержки своих начинаний со стороны общест-венности, Меликов решает на время прекратить свою просветительскую деятельность и уезжает с семьей в родное селение Зардоб на р. Куре. 16 лет проведут они здесь в глуши, занимаясь сельским хозяйством, пока в 1896 году не вернутся в Баку, чтобы продолжить начатую ранее просветительскую работу (27)...

В 1879 году после долгого отсутствия во Владикавказе появляется Кайгук Абаев. Возможно, по этой причине, а может, и в связи с переездом Меликовых в Зардоб или несчастьем, постигшем Султан-Бека Абаева в личной жизни, сюда же одновременно приезжает Ханифа-Ханум. Здесь ее ждут встречи с братьями, с подругой школьных лет Фузой Шакимановой (Шанзеной), с Мисостом Абаевым и Александром Шахановым. С последним она встретилась впервые.

Приезд Ханифы-Ханум, по-видимому, дал повод собраться всем вместе, а затем и сфотографироваться на память, ведь та-кого случая больше могло и не быть (так оно в дальнейшем и случилось). Теперь эта фотография, можно сказать без преувеличения, представляет историческую ценность. Ведь на ней запечатлены первые балкарыц, вступившие на путь просвещения. В 50—60-е годы прошлого века, невзирая на ожидавшие их трудности, на отрицательное отношение консервативно настроенной части балкарского общества, не желавшего изменения веками

Худум не был восстановлен, и сейчас лишь полуразрушенное кладбище на-поминает о ранее существовавшем здесь поселении. — с. 142.

32) Василий Иванович Успенский, сосед Абаева по квартире. Получил об-разование в Петербургском университете, после окончания которого служил учителем русского языка в Бакинском реальном училище, там же, где работал Гасан-Бек Меликов. В конце 1879 года он переезжает во Владикавказ. Вероят-но, в это время Успенский посещает в доме по ул. Московской, 3. Сюда же впервые по его рекомендации, через некоторое время перебирается Султан-Бек Абаев. — с. 143.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ:

- ЛТИА — Ленинградский государственный исторический архив.
- ЦГИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ГАСК — Государственный архив Ставропольского края.
- РМО — Русское музыкальное общество.
- ЦГА КБАССР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР.
- ЦГА СОКАССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.
- ЦГИА ГССР — Центральный государственный исторический архив Грузин-ской ССР.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

¹⁵ Меликова-Абаева Ханифа-Ханум. — Азербайджанская советская энцикло-педия. — На азерб. яз.

Султан-Бек Абаев среди родных и друзей. Сидят: Султан-Бек Абаев, Фуза Шанаева (Шакманова) и Ханифа-Ханум Меликова (Абаева); стоят (слева направо): Александр Шаханов (?), Кайтуко и Мисост Абаевы. Фото 1879 г.

устоявшегося уклада жизни, они, вышедшие из горской глуши, вырвались на просторы России овладеть знаниями, культурой. Не всем легко далась учеба и неодинаковы их достижения, но, не это главное. Ведь они были пионерами на этом пути. Они первыми прокладывали дорогу, по которой следом пойдут другие. Для наших современников багкарцев среднее образование стало обычным явлением, очень многие имеют высшее образование, есть среди них кандидаты и доктора наук, но те, которые на фотографиях, были первыми: Султан-Бек Абаев — замечательный скрипач, первый учитель музыки из багкарцев, учившийся в консерватории; первые багкарские девушки, окончившие среднее учебное заведение (одна из них, Фузза Шахманов, ставит первой учительницей-багкаркой, другая, Ханифа-Ханум Меликова (Абаева), — одной из просветительниц азербайджанского народа); Кайуко Абаев — первый багкарец, окончивший техническое училище; Александр Шаханов (28) — первый из багкарцев, получивший высшее образование; Мисост Абаев — первый багкарский историкограф.

Да, такими были в жизни первые багкарские интеллигенты. При внимательном рассмотрении фотографий, особенно ее орна, казалась бы, такое радостное событие, как встреча земляков, близких и родных, настроение у снимавшихся отнюдь не радостное, особенно заметно это на лицах Султан-Бека и Ханифы-Ханум. Так уж получилось, что знаменательная встреча совпала по времени с большим несчастьем, постигшим Султан-Бека Абаева в его супружеской жизни.

«Каспий», находившийся в Баку, в 1898—1900 годах не были опубликованы серия статей под общим заголовком «Горцы Названского округа», а затем в 1905 году — «Горские аграрные вопросы», содержание которых и легко подже в основу очерка «Багкарцы» — с. 121.

25) Шахманова Елизавета Павловна (урожд. Матвеева) окончила Высшие медицинские курсы при Медико-хирургической академии в апреле 1881 года, где «по провозглашению испытаний в номинальном искусстве» была удостоена звания «попавшей бабки» (ИГА СОАССР, ф. 11, оп. 65, д. 2800, л. 26). В 1883 году при поступлении на службу ей потребовалось разрешение мужа. Тогда и обратилась ее мать к Шахманову с просьбой не проинтересоваться поступлением дочери на службу. Остается неясным: почему с просьбой к нему обратилась мать, а не сама Елизавета Павловна? И ответ из Поскети адресован не жене, а теще. Не отражает ли эта переписка взаимоотношений между супругами? — с. 125.

26) В 1897 году, на следующий год после своего возвращения в Баку из Зардоба, Гасин-Бек Меликов организовывает на добровольной основе, уже в начале следующего столетия, эту труппу объединяется с другой, также находившейся в Баку, что позволяет организовать первую национальную азербайджанскую труппу драматических артистов. — с. 127.

27) После возвращения в 1896 году в Баку семья Меликовых организует у себя небольшой сансион для девочек-азербайджанок, с целью подготовки их к поступлению в местное женское училище. С этого времени основан просветительская миссия семьи Меликовых, даже на Ханифу-Ханум. С каждой неделей ее активность в деле женского образования все возрастает. Некоторое время она будет заведовать женским русско-мусульманским училищем, а позже, в 1913 году, добьется открытия при училище женских курсов для девушек-мусульманок, чтобы обучать их грамоте, домоводству и воспитанию детей.

Ханифа-Ханум Меликова (Абаева) прожила интересную но не很长ую жизнь. После смерти мужа, скончавшегося в 1907 году, помимо материальных затруднений, испытывала и моральные, связанные с тем, что общественность быстро стала забывать Гасин-Бека, человека, столько сделавшего для народа. По этому поводу через семь лет после кончины Меликова Д. Дагестанин писал в эссе «Каспий»: «Не только мы не поставили Гасин-Беку памятника, но даже не захотели прийти на помощь его супруге для установления простого надгробного камня на его могиле; не только мы не увековечили имени и памяти Гасин-Бека, но и не даже поставили как будто за прищипку, вместо окладки его семье, постаравшись совершенно забыть о нем; не только мы не позаботились о его семье, читать лишь обиду и лишнее огорчение» («Каспий», 1914, № 267).

Ханифа-Ханум Меликова (Абаева) до конца своих дней оставалась верной идеалам Гасин-Бека Зардоба. Незадолго до кончины, она пишет подробную (на четырех учебных тетрадях) биографию своего мужа. Она верит, что не может быть предано забвению дело, которому они оба посвятили свои жизни, и что придет время, когда ее рукопись попадется людям. Она не ошиблась. Уже после смерти Ханифы-Ханум написанная ею на русском языке биография Зардоба была переведена и с небольшими сокращениями выдана на азербайджанском языке в журнале «Револьюция и культура» (1939, № 6) — с. 128.

28) Полной уверенности, что человек на фотографии, стоящий возле Султан-Бека Абаева, является Шахмановым, нет, хотя многое говорит в пользу того, что это он. Гариб Солтан, дочь Ханифы-Ханум, с которой автору этих строк повстречалось, встретила в 1961 году и ознакомила с семейными фотографиями Меликовых, в том числе и с этой групповой снимком, перечислив поименно всех изображенных на нем лиц, при этом сопровождала характеристикой каждого из них, стоящего слева не опознала. На неподписанном портрете о том, что, во-первых, это кто-то из Абаевых, или Шахмановых, или Тухоевых, Гариб Солтан уверенно отвечала — нет. К сожалению, имя Шахманова тогда не упоминалось, поскольку не было еще известно, что в год съемки он жил во Владикавказе.

Тем не менее есть основание полагать, что на фотографии запечатлен Шаханов. Во-первых, он один из немногих балкарцев, который жил и работал в тот год во Владикавказе; во-вторых, он находился в близких отношениях с Султан-Беком (не потому ли он оказался рядом на снимке); в-третьих, Шаханов приходился родственником Фузы Шанаевой (Шакмановой); в-четвертых, подходит возраст: Шаханов моложе Султан-Бека Абаева на пять лет; в-пятых, совершенно посторонний не мог оказаться в этой группе. Наконец, для Ханифы-Ханум, видевшей Шаханова лишь единожды, в год съемки (ни до, ни после они не могли встречаться), он не был близким человеком, как другие на снимке, а тем более для ее дочери. Поэтому имя его и могло забыться.— с. 130.

29) О гостеприимстве Исмаила Урусбиева писали многие русские и зарубежные ученые, путешественники и альпинисты, которые по той или иной причине оказывались в Приэльбрусье. Специально для них он построил помещение по русскому образцу, в то время как сам жил в сакле. «Усадьба владельца,— писал один из многих его гостей,— только размерами и обширным двором отличается от окружающих саклей. Но кунацкая, в которую ввели нас, выстроена уже по образцу русских домов и ничем почти от них не отличается. Стены комнаты оклеены обоями, обстановка — приличная; дощатый пол, стеклянные окна. К обеду подают тарелки и приборы, хотя хозяева легко обходятся и без них». (С. Ф. Давидович. Восхождение на Эльбрус.— «Исторический вестник», т. 28, 1887, № 5, с. 355).

Гостеприимство Урусбиевых было отмечено и таким широко известным и солидным изданием, как «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона: «Владелец (ныне покойный) этого аула и всех земель в верховьях Баксана, Исмаил Урусбиев, составил о себе заслуженную известность в истории исследования Кавказа по тому радушию и гостеприимству, с которым он встречал всех путешественников и стремился оказать им посильное содействие» (т. 2а, СПб., 1891, с. 755).— с. 135.

30) После смерти отца Науруз Урусбиев продолжал начатое им дело, записывая в особую тетрадь поэмы, легенды, песни и сказки Балкарнии. В 1903 году эти памятники устного народного творчества, взятые из тетради Науруза Урусбиева, были опубликованы Н. П. Тульчинским в «Терском сборнике» (Н. П. Тульчинский. «Поэмы, легенды... горских татар Нальчикского округа». — «Терский сборник», вып. 6, 1903, с. 249—334).— с. 139.

31) Место захоронения Султан-Бека Абаева, к сожалению, до сих пор не установлено. Страшная беда, обрушившаяся в недавнем прошлом на балкарский народ, не пощадила и Хулам. Жители были выселены, селение разрушилось. Через ряд лет справедливость восторжествовала: балкарцы были возвращены на свою историческую родину. Известный поэт Кайсын Кулиев, побывавший тогда на развалинах Хулама, написал об увиденном полные горечи и боли строки:

Гляди не бойся. Эти камни стали
От горя черными на всем пути.
Молчат, как будто от беды устали
И слово трудно им произнести.

А ты не камень. Плачь же! На колени
Стань пред камнями! Зарыдай в золе!
Пусть никогда разрушенных селений
Ничьи глаза не видят на земле!

Разрушенные сакли — как могилы...

(Кайсын Кулиев. Собр. соч. в 3-х т. М., 1977, т. 2, с. 53—54)